

Щеголевский альбом.

Сборник истор. фактов.

НАУКОВА БИБЛОТЕКА ОНУ імені І. МЕНЧИКОВА

76
478

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ІМЕНІ І. І. МЕЧНИКОВА

ЩЕГОЛЕВСКІЙ АЛЬБОМЪ

СБОРНИКЪ

историческихъ фактовъ, воспоминаній, записокъ, иллюстрацій и т. п.

ЗА ВРЕМЯ

БОМБАРДИРОВКИ Г. ОДЕССЫ

въ 1854 г.

Подъ редакціей и изданіемъ

С. И. ПЛАКСИНА.

ОДЕССА.

«Славянская» типографія Е. Хрисогелосъ, Пискаревская ул., домъ № 8.

1905.

76

473

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ

Дозволено цензурою. — Одесса, 9-го апрѣля 1904 года.

76
473

Отъ составителя.

Неисповѣдимому Промыслу Божиему угодно было, чтобъ ровно пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, также какъ и теперь, собралась грозная туча, обложившая собой весь политическій горизонтъ того времени. Также какъ теперь раздавались губительный рѣвъ орудій съ неустрашимыхъ фрегатовъ, и изъ амбразуръ береговыхъ батарей, и лязгъ штыковъ и сабель, и ружейные залпы и стоны раненыхъ, надъ головами которыхъ, носились, въ пороховомъ дыму, наши побѣдоносныя знамена съ девизомъ «За Вѣру и Царя». Кто не слыхалъ о знаменитомъ Синопскомъ боѣ и о безпримѣрной, въ исторіи, оборонѣ Севастополя, чье истинно-русское сердце не бьется, при именахъ: Корнилова, Нахимова, Истомина, Новосильскаго, Перелешина и многихъ другихъ героевъ этой приснопамятной эпохи?...

Задавшись мыслью почтить въ этомъ слабомъ трудѣ память одного изъ героевъ Севастопольской войны, ближе всѣхъ прикосновеннаго къ городу Одессы, а именно: прапорщика Щеголева, который, какъ нельзя болѣе, оправдалъ своимъ мужествомъ поговорку: война родитъ героевъ, — я считаю нужнымъ предпослать моему разсказу краткій очеркъ возникновенія такъ называемой «Крымской войны», въ виду того, что современное молодое поколѣніе, жадно взирающее вывѣ на новыя картины житейскаго калейдоскопа, лишь по разсказамъ отцовъ и дѣдовъ переживаетъ ту эпоху, которая золотыми письменами вырѣзана на скрижаляхъ Русской Имперіи.

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА

Императоръ НИКОЛАЙ I-й.

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ІМЕНІ І. І. МЕЧНИКОВА

А. Шереметев.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Генераль - Лейтенанта Александра Петровича Щеголева.

Происходя изъ дворянъ Московской губерніи, Александръ Петровичъ Щеголевъ родился 30-го іюля 1832 г. По окончаніи воспитанія въ Дворянскомъ полку, поступилъ на службу прапорщикомъ во 2-ю артиллерійскую бригаду въ 1852 г., а затѣмъ переведенъ въ 14-ю, въ 1853 г.

За отличіе въ сраженіи при бомбардированіи Одессы произведенъ въ подпоручики, поручики и въ штабсъ-капитаны 19-го августа со старшинствомъ въ 1854 г., за отраженіе англо-французскаго флота отъ Одессы въ воздаяніе примѣрнаго мужества и самоотверженія, оказаннаго въ семъ дѣлѣ, Всемилостивѣйше награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст. въ 1854 г.

Въ 1856 г., А. П. былъ переведенъ въ 13-ю резервную артиллерійскую бригаду и въ томъ-же году назначенъ въ легкую № 5-й батарею.

Произведенъ въ капитаны въ 1858 году, а въ слѣдующемъ году переведенъ въ 13-ю артиллерійскую бригаду.

Награжденъ орденомъ св. Станислава 2 ст. въ 1860 году, и тогда-же переведенъ въ Кіевскую крѣпостную артиллерию и назначенъ командиромъ 1-й роты.

Въ 1864 г. А. П. былъ назначенъ командиромъ 3-й батарейной батареи 34-й артиллерійской бригады.

Въ 1865 г. произведенъ въ подполковники и награжденъ орденомъ св. Станислава 2 ст. съ Императорской короной.

Будучи ужь въ чинѣ полковника, въ 1872 г., 22-го августа, за отличное состояніе 5-й батареи 34-й артиллерійской бригады, которою командовалъ А. П., и выдающуюся по мѣткости стрѣльбу, въ Высочайшемъ присутствіи, въ г. Елисаветградѣ — Всемилостивѣйше былъ назначенъ флигель-адъютантомъ Его Императорскаго Величества.

Въ турецкую кампанію 1877—78 г.г., командуя 2-й Гренадерской артиллерійской бригадой въ составѣ 48-ми орудій (6-ти батарей) уча-

ствовавъ въ двухъ дѣлахъ: 26-го ноября 1877 г. въ артиллерійскомъ бою при усиленной рекогносцировкѣ Плевненскихъ укрѣпленныхъ позицій, расположенныхъ за правымъ берегомъ р. Вида, войсками Гренадерскаго корпуса, составлявшими 6-й участокъ обложенія г. Плевны. 28-го ноября 1877 г. въ послѣднемъ Плевненскомъ бою за отличіе въ сраженіи при взятіи Плевны и плѣненіи арміи Османа-паши, въ Высочайшемъ присутствіи произведенъ въ генералъ-майоры съ назначеніемъ въ Свиту Его Императорскаго Величества.

Приказомъ по войскамъ, расположеннымъ въ Бессарабской области и части Херсонской губерніи на правомъ берегу рѣки Буга отъ 11-го апрѣля 1854 года за № 77, въ память незабвеннаго подвига, совершеннаго 10-го числа того-же мѣсяца, 6-я прибрежная батарея, подъ начальствомъ его, разрушенная, вновь сооружена и переименована въ Щеголевскую. Переименованіе это по представленію генералъ-адъютанта барона Остенъ-Сакена I-го Высочайше утверждено.

По повелѣнію Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича, объявленному по военно-учебнымъ заведеніямъ отъ 25-го января 1855 года за № 7, препровождены во всѣ военно-учебныя заведенія литографированные портреты штабсъ-капитана Щеголева.

По Высочайшему повелѣнію, изъясненному въ приказѣ по военно-учебнымъ заведеніямъ отъ 17-го марта 1855 года за № 2052, за отличіе, оказанное при отраженіи англо-французскаго флота во время бомбардированія г. Одессы, имя штабсъ-капитана Щеголева начертано на мраморную доску въ Дворянскомъ полку.

10-го апрѣля 1904 г., по случаю исполнившагося 50-ти-лѣтія со дня бомбардированія Одессы соединеннымъ англо-французскимъ флотомъ, Одесскій Градоначальникъ послалъ слѣдующія телеграммы:

«Москва. Генералъ-лейтенанту
Александрѣ Петровичу Щеголеву.

Прошло полъ вѣка, и гулъ военной непогоды снова гремитъ надъ нашей родиной и текутъ жертвы на раненыхъ и ихъ семейства. Благодарная Одесса, памятуя вашъ славный подвигъ на защиту города, молитвенно Васъ вспоминаетъ, а дабы имя Ваше, намъ дорогое, навсегда связать съ добрымъ дѣломъ, отвѣчая желаніямъ жителей, я возбуждаю ходатайство объ учрежденіи двухъ стипендій имени Вашего для дѣтей убитыхъ или раненыхъ въ настоящую войну на капиталъ

въ пять тысячъ, отчисленный женой моею изъ поступающихъ къ ней пожертвованій отъ благодарнаго Вамъ населенія города Одессы.

Градоначальникъ *Нейdgартъ*».

«Севастополь. Командиру «Днѣстра»
капитану Константинову.

Памятуя полувѣковую годовщину, благодарная Одесса не откажетъ отмѣтить этотъ день молитвеннымъ воспоминаніемъ о подвигахъ предковъ и въ томъ числѣ и команды транспорта «Днѣстръ», командиру, офицерамъ и командѣ котораго шлю именемъ Одессы сердечную благодарность.

Градоначальникъ *Нейdgартъ*.

«Кишиневъ.

Начальнику 14-й дивизіи.

Полъ вѣка тому назадъ Подольцы и Житомирцы, помогая на батареяхъ, отбили съ прапорщикомъ Щеголевымъ нападеніе на Одессу непріятельскаго флота. Именемъ благодарной Одессы прошу Ваше Превосходительство передать Подольцамъ и Житомирцамъ, что Одесса помнить и признательна за подвигъ ихъ предковъ.

Нейdgартъ.

Отъ временно командующаго Черноморскимъ флотомъ получена была г. Одесскимъ Градоначальникомъ телеграмма слѣдующаго содержанія:

«Одесса. Градоначальнику.

Черноморцы поздравляютъ городъ Одессу съ днемъ полувѣковой годовщины боевого крещенія. Начало Севастопольской обороны, гдѣ русская доблесть одинадцать мѣсяцевъ удерживала напоръ сильнаго врага,—Вамъ первымъ пришлось отразить его нападеніе, Вамъ первая и похвала. Рады мы вспомнить, что, защищая городъ, участвовали наши пароходы «Лидія» и «Днѣстръ», заслужившіе даже Царскую награду. Хвала и честь защитникамъ Одессы, а прапорщику Щеголеву вѣчная слава.

Кригеръ».

Въ отвѣтъ г. Градоначальникъ послалъ слѣдующую телеграмму:

«Севастополь. Адмиралу Кригеру.

Именемъ благодарной Одессы шлю признательность славному Черноморскому флоту въ лицѣ Вашего Превосходительства за поздравленіе съ полувѣковой годовщиной подвига предковъ парходовъ «Лидіи» и «Днѣстра». Теперь, какъ и тогда, взоры Одессы съ надеждою устремлены на Черноморскій флотъ.

Градоначальникъ *Нейдгартъ*.

Одесскій Городской Голова, по случаю исполнившагося вчера 50-лѣтія со дня бомбардированія Одессы, послалъ слѣдующія телеграммы.

«Москва.

Генералъ-лейтенанту Щеголеву.

Городское Общественное Управленіе, вспомнивъ сегодня съ благодарностью геройскую защиту Вашу Одессы, 50 лѣтъ тому назадъ, отъ нападенія вражескаго флота, шлетъ отъ себя и отъ имени всего населенія города искренній привѣтъ и пожеланіе много лѣтъ еще здравствовать».

«Севастополь.

Адмиралу Кригеру.

Пятьдесятъ лѣтъ назадъ въ дѣлѣ обороны Одессы отъ непріятельскаго нападенія участвовали суда Черноморскаго флота. Вспоминая тотъ день съ признательностью къ защитникамъ, Городское Общественное Управленіе привѣтствуетъ славный Черноморскій флотъ и лицъ, имъ начальствующихъ».

«Москва.

Генералу Крылову.

Вспомнивъ сильную защиту города отъ непріятели 50 лѣтъ назадъ, Городское Общественное Управленіе привѣтствуетъ Васъ, какъ одного изъ участниковъ обороны города».

«Петербургъ.

Оресту Порфирьевичу Кмиту.

Въ день пятидесятилѣтія обороны Одессы отъ непріятельскаго Флота Городское Общественное Управленіе шлетъ Вамъ привѣтъ, какъ одному изъ защитниковъ города».

Въ ознаменованіе исполнившагося вчера 50-ти-лѣтія бомбардированія соединеннымъ англо-французскимъ флотомъ Одессы, какъ извѣстно, Городскимъ Общественнымъ Управленіемъ постановлено соорудить памятникъ храброму защитнику города—прапорщику Щеголеву. Торжественная закладка памятника и благодарственное молебствіе при крестномъ ходѣ отложены до сентября мѣсяца, когда предположены празднованія 50-ти-лѣтія обороны Севастополя. Проектъ памятника Щеголеву въ настоящее время выработывается.

Въ отвѣтъ на посланную генералу Щеголеву телеграмму по случаю 50-ти-лѣтія со дня бомбардированія Одессы, Одесскій Градоначальникъ получилъ слѣдующую телеграмму:

«Одесса.

Его Превосходительству, Градоначальнику Нейдгарту.

Искренно тронуть началомъ такого по истинѣ великаго дѣла. Въ настоящее время сердечно желаю, чтобы Богъ помогъ осуществить его. Это было-бы незамѣнимой наградой за мой подвигъ. Прошу Васъ, супругу Вашу и жителей дорогой мнѣ Одессы принять мою душевную благодарность за добрую память и пожеланія.

Александръ *Щеголевъ*.

По случаю 50-ти-лѣтія со дня бомбардированія Одессы, Городскимъ Головой П. А. Зеленымъ получена 10-го апрѣля отъ Севастопольскаго Городского Головы г. Максимова слѣдующая привѣтственная телеграмма:

«Сегодня минуло полвѣка, какъ Одесса первая приняла боевое крещеніе въ увѣковѣченной исторіей славной эпопеѣ Крымской войны. Севастополь, какъ боевой городъ привѣтствуетъ Одессу и выражаетъ пожеланіе Одессѣ развитія на мирномъ пути науки и торговли».

На это привѣтствіе П. А. Зеленый отвѣтилъ слѣдующей срочной телеграммой:

«Севастополь.

Городскому Головѣ.

Сердечно благодаря за вниманіе и добрыя пожеланія, Одесса съ своей стороны привѣтствуетъ всемірно знаменитый боевой городъ и желаетъ ему благоденствія и процвѣтанія. Выражаю надежду, что еще много лѣтъ пройдетъ до той грозной поры, когда Севастополю выпадетъ на долю снова постоять за честь и достоинство родины. Да здравствуетъ все населеніе славнаго Севастополя».

Въ отвѣтъ на присланное отъ имени Одесскаго Городскаго Управленія привѣтствіе генераль-лейтенанту А. П. Щеголеву Городскимъ Головой получена слѣдующая телеграмма:

«Съ восторгомъ вспоминая славный бой 10-го апрѣля, я счастливъ, что первый принялъ на себя удары Крымской войны и что Богъ благословилъ меня дожить до полувѣковой памяти этого знаменательнаго для меня дня. Глубокая благодарность и душевный привѣтъ Вамъ, Городскому Общественному Управленію и гражданамъ Одессы. Сердечно тронуть памятью дорогой мнѣ Одессы. Александръ Щеголевъ».

Отъ участника обороны Одессы О. Кмита полученъ слѣдующій отвѣтъ:

«Благодарю Ваше Превосходительство и Городское Общественное Управленіе за полученный мною, какъ однимъ изъ участниковъ въ защитѣ Одессы отъ бомбардировки съ непріятельскаго флота, привѣтъ въ день 50-ти-лѣтія сего событія».

Третій участникъ обороны — генераль-маіоръ Крыловъ отвѣтилъ слѣдующей телеграммой:

«Сердечно благодарю Васъ и Городское Общественное Управленіе за привѣтствіе, присланное, какъ участнику бывшей обороны города».

И. д. главнаго командира Черноморскаго флота вице-адмиралъ Кригеръ въ отвѣтъ на привѣтствіе, посланное отъ имени Городскаго

Управленія, прислалъ Городскому Головѣ телеграмму въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Весь Черноморскій флотъ, вмѣстѣ со мною, глубоко тронутый привѣтствіемъ Вашего Превосходительства и Городскаго Управленія, шлетъ въ лицѣ Вашего сердечныя привѣтствія нашей черноморской красавицѣ Одессѣ, желая ей дальнѣйшаго процвѣтанія и богатства на пользу и славу нашего отечества. Кригеръ».

У генераль-лейтенанта А. П. Щеголева.

Сотрудникъ «Русск. Правды» г. К. посѣтилъ проживающаго въ Москвѣ, въ скромной гостинницѣ, знаменитаго защитника Одессы (въ день 10-го апрѣля 1854 г.), нынѣ генераль-лейтенанта въ отставкѣ А. П. Щеголева.

«Я ожидалъ увидѣть передъ собою—пишетъ г. К.—если не дряхлаго старика, то, во всякомъ случаѣ, человѣка, на обликъ и станъ котораго не могли не наложить своей печати 72 года жизни, полной тяжелыхъ трудовъ и бурныхъ волненій военнаго дѣла.

«И я былъ отрадно удивленъ, когда увидѣлъ передъ собою бодрую, крѣпкую,—какъ ни странно, но мнѣ хочется сказать цвѣтущую здоровьемъ и силой прямую, чисто военную фигуру любезно принявшаго меня генерала.

«Невысокаго роста, коренастый, плотный и крѣпкій старикъ, Александръ Петровичъ обладаетъ наружностью того, къ сожалѣнію, не часто встрѣчающагося типа, который сразу очаровываетъ сочетаніемъ благородной, немного суровой осанки, съ внимательной открытостью лица.

«Широкая, большая и совершенно бѣлая борода—едва-ли не единственное въ его лицѣ, что придаетъ послѣднему видъ почтенной старости. Сосредоточенный, строгій взглядъ обличаетъ привычку къ непрекословному и отвѣтственному повелѣванію. Коротко остриженные волосы, не смотря на ранній часъ, безукоризненная строгость туалета, высокіе сапоги на ногахъ,—все это, какъ нельзя лучше, дополняетъ бравый и при томъ чисто военный видъ генерала.

«А. П. собирался, очевидно, выходить изъ дому, когда я побеспокоилъ его своимъ визитомъ. Не трудно было догадаться и о цѣли его выхода. Въ рукахъ онъ держалъ запечатанное письмо къ сыну, поручику артиллеріи Владиміру Александровичу, котораго недавно проводилъ на театръ военныхъ дѣйствій и отъ котораго только теперь получилъ изъ Харбина первую вѣсточку съ указаніемъ адреса.

«А. П., очевидно, былъ подъ радостнымъ впечатлѣніемъ этой первой вѣсти и заговорилъ о сынѣ.

— А что думаете Вы о современномъ положеніи дѣлъ и на какія сравненія съ прошлымъ наводятъ Васъ текущія военныя событія?— полюбопытствовалъ я.

— Что-же я могу сказать о современныхъ событіяхъ!— возразилъ генералъ.— О прошломъ я могу говорить,—о крымской, о турецкой кампаніи, которыхъ я былъ участникомъ. Теперь я въ сторонѣ, ни о чемъ не могу судить. Конечно, и теперь отправился-бы, если-бы не обстоятельства.

«Я не удержался, чтобы не выразить нѣкотораго сомнѣнія въ силахъ генерала вынести въ его годы трудности войны, столь отдаленной, и на театрѣ, столь неблагоприятномъ въ климатическомъ и географическомъ отношеніяхъ.

— Напрасно вы думаете, — замѣтилъ любезный хозяинъ.— Война— это и есть та обстановка и та атмосфера, которая нужна для военнаго и дѣйствуетъ на него благотворно. Въ мирное время большинство изъ насъ словно люди не у дѣла, и чувствуютъ себя не по себѣ. Слишкомъ много надо патриотизма и самоотверженной любви къ дѣлу, чтобы, сознавая всю важность подготовительной работы, въ мирное время съ той-же энергіей, съ какой мы побѣждаемъ трудности войны, постепенно и неуклонно работать надъ усовершенствованіемъ и приведеніемъ въ идеальную готовность вѣрныхъ намъ боевыхъ единицъ.

«Генералъ не примянулъ отмѣтить мимоходомъ и воздать должное энергіи нашихъ противниковъ въ этомъ отношеніи, сказавшейся теперь въ ихъ подготовленности къ военному соперничеству съ своимъ могучимъ сосѣдомъ.

«Это соединеніе испытанной любви къ родинѣ и славѣ русскаго оружія съ уваженіемъ къ достойному уваженія непріятелю, какъ нельзя полнѣе, дорисовало передо мною высокій духовный образъ героя-юбилера.

«Не требовалось еще словъ и разспросовъ, чтобы составить себѣ законченное представленіе о личности, около имени котораго сосредоточиваются воспоминанія всей Россіи».

Корресп. «Нов. Дня» посѣтилъ героя бомбардировки г. Одессы, А. П. Щеголева, теперь генералъ-лейтенанта, 72-лѣтняго старца, бѣлаго, какъ лунь, но еще бодрого, живо интересующагося военными вопросами. А. П. живетъ въ меблированныхъ комнатахъ «Бостонъ», на углу Тверской и Садовой. Онъ много лѣтъ въ отставкѣ и въ послѣднее время состоялъ командиромъ 1-го Гренадерскаго корпуса. Человѣкъ необыкновенно симпатичный, онъ встрѣтилъ корреспондента выраженіемъ благодарности, что печать вспомнила о немъ, объ отставномъ и, стало быть, лишнемъ человѣкѣ, вспомнила въ этотъ знаменательный день. И это ему безконечно пріятно. Посѣтили его также нѣсколько бывшихъ его подчиненныхъ. Сынъ, подпоручикъ, отправившійся мѣсяцъ тому назадъ на Дальній Востокъ, привѣтствовалъ его телеграммою съ пути во Владивостокъ. А. П. сохранилъ записки объ осадѣ Одессы, теперь обработалъ ихъ и первая часть записокъ вышла въ «Военномъ Сборникѣ». Вторая выйдетъ въ майскомъ номерѣ.

Объ увѣковѣченіи памяти прапорщика Щеголева.

Городской Голова П. А. Зелепый вошелъ въ Думу съ предложеніемъ объ увѣковѣченіи памяти прапорщика Щеголева, благодаря успѣшнымъ дѣйствіямъ коего Одесса была избавлена отъ бѣдствій во время бомбардированія ея въ 1854 г. англо-французскимъ флотомъ.

Городская Дума, постановила: объ ассигнованіи на Щеголевскій памятникъ 4.000 руб., но затѣмъ постановка его отложена до улучшенія финансоваго состоянія городской кассы.

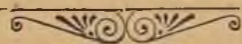
Въ виду исполнившагося въ апрѣлѣ 1904 года 50-ти-лѣтняго юбилея славнаго дѣйствія войскъ Одесскаго гарнизона при бомбардированіи Одессы англо-французскимъ флотомъ, начальникъ штаба Одесскаго военного округа обратился къ Городскому Головѣ съ просьбой обсудить вновь въ Думѣ этотъ вопросъ.

По мнѣнію г. командующаго войсками Одесскаго военного округа, постановка хотя-бы скромнаго и недорогого памятника Щеголеву, на Николаевскомъ бульварѣ будетъ вполне отвѣчать своему назначенію и явится со стороны города достойнымъ выраженіемъ благодарности къ его памяти.

По вопросу о постановкѣ памятника Щеголеву Городской Управой была образована коммисія изъ городскихъ техниковъ: архит. Нестурха, Меснера, Ландесмана и инженер. Зуева и Безчастнаго. Стоимость памят-

ника комиссія опредѣляетъ въ 5—10 тыс. руб. въ томъ случаѣ, если ограничиться постановкою колонны, или обелиска съ доской для надписей и несложными атрибутами, или если поставить просто бронзовый бюстъ на постаментѣ, въ 20—25 тыс. руб., и если предположить памятникъ въ видѣ гранитной массы и на ней бронзовую фигуру Щеголева, наводящаго пушку, и такую-же фигуру солдата ему помогающаго.

Городская Управа въ своемъ постановленіи по этому вопросу указываетъ что, по ея мнѣнію, наиболѣе подходящее мѣсто для постановки памятника Щеголеву было-бы въ скверѣ, противъ Юнкерскаго училища. Что касается проекта памятника, а также необходимыхъ средствъ на его сооруженіе, то объ этомъ Управа представитъ Думѣ особый докладъ.

Севастополь.

Угрюмыя мѣста! печальныя могилы!
 Слѣды геройскихъ дѣлъ и богатырской силы!
 Развалины домовъ, обломки батарей;
 И гавань мертвая безъ грозныхъ кораблей;
 Насквозь пробитыя, безлюдныя строенья,
 Громады мусора на мѣстѣ разрушенья,
 Растенья чахлая, какъ будто изъ гробовъ
 Тайкомъ растущія, безъ тѣни и плодовъ;
 Курганъ Малаховскій надъ городомъ печальный,
 Какъ будто бы вѣнецъ на мертвомъ погребальномъ...
 И — пыль на улицахъ, надъ бухтой и кругомъ,
 Какъ саванъ, бѣлая, стоящая столбомъ.
 Ужасный, мрачный видъ! печальная картина!
 Вездѣ борьба и смерть оставила слѣды:
 Жизнь будто замерла надъ трупомъ исполина —
 И только высятся могильные кресты,
 Да церковь Братская на Сѣверномъ кладбищѣ,
 Гдѣ двѣсти тысячъ жертвъ легли кровавой пищей
 Безжалостной войны. В.

Краткій историческій обзоръ Крымской кампаніи.

I Дипломатическіе переговоры, предшествовавшіе войнѣ.

Вотъ какъ повѣствуетъ объ этомъ извѣстный русскому народу писатель Е. В. Богдановичъ, въ своемъ прекрасномъ трудѣ «18 Ноября 1898 г. Сянопъ — Севастополь»:

«Едва Наполеонъ III достигъ первой ступени власти, какъ разныя политическія затѣи послужили ему однимъ изъ главныхъ орудій подготовленія успѣха на пути къ Императорскому престолу. Таково было истинное значеніе начатыхъ въ 1850 г. первыхъ домогательствъ по вопросу о Святыхъ мѣстахъ. Въ томъ же году, очень кстати для Наполеона, а можетъ быть и по его наущенію, появилась въ Парижѣ брошюра патера Боре, въ запальчивыхъ выраженіяхъ возстававшая противъ притѣсненій, будто бы оказываемыхъ въ Иерусалимѣ, благодаря вліянію Россіи на Порту, православнымъ духовенствомъ—латинскому. Брошюра эта, однако, не произвела во Франціи никакого впечатлѣнія. И причиною такого отношенія къ ней было господствовавшее во французскомъ народѣ весьма вѣрное сознаніе, что въ этомъ дѣлѣ Франція не имѣетъ никакого интереса. Дѣйствительно, Турція имѣетъ лишь самое незначительное число подданныхъ, исповѣдующихъ латинскую вѣру, тогда какъ огромное большинство ея Европейскаго населенія и самого Константинополя—православные. Весьма естественно, поэтому, что даже со времени султана Саладдина, всѣ калифы отстаивали права своихъ православныхъ подданныхъ противъ горсти пришельцевъ; единственнымъ исключеніемъ изъ этого правила, оказывалась исторгнутая Франціею «капитуляція 1740 г.», даровавшая латинамъ нѣкоторыя исключительныя привилегіи, въ ущербъ православной церкви.

Несмотря, однако, на неудачу своей пропаганды, Наполеонъ обратился къ Портѣ съ требованіемъ, будто бы на основаніи давно забытаго договора 1740 г. безусловно признать не только опредѣленіе этого договора, но и всѣ происшедшіе съ тѣхъ поръ захваты латинскаго духовенства. Порта повиновалась требованію, предъявленному ей французскимъ полномоченнымъ. Да и не мудро! На случай отказа — ей

пригрозили французскимъ десантомъ въ Сирію... Само собою разумѣется, Русское правительство предписало своей дипломатіи отстаивать права православной церкви и вотъ искра, три года спустя разгорѣвшаяся въ пожаръ, была закинута. Споръ о Святыхъ мѣстахъ сталъ принимать болѣе острый характеръ по мѣрѣ приближенія эпохи провозглашенія Наполеона императоромъ.

Особенно непріятно дѣйствовало извѣстіе о рѣшимости будущаго императора придать себѣ наименованіе *третьяго*, какъ признакъ того, что имъ вычеркиваются изъ общественнаго права Европы всѣ состоявшіеся, со времени паденія первой имперіи событія и трактаты. Конечно, эти трактаты были направлены исключительно къ огражденію интересовъ двухъ ближайшихъ сосѣдовъ Франціи: Австріи и Пруссіи, а отнюдь не интересовъ Россіи, отдѣленной ими отъ Франціи. Но для императора Николая I это обстоятельство несколько не умаляло святости международныхъ обязательствъ, принятыхъ его державнымъ братомъ. Подъ вліяніемъ опасенія, что новая французская имперія посягнетъ на эти обязательства, русское правительство сдѣлало все возможное, чтобъ возобновить и укрѣпить давно ослабѣвшія узы Священнаго Союза, направленного противъ Наполеоновской Франціи. Пока петербургскій кабинетъ распылялся за своихъ мнимыхъ союзниковъ, эти самые союзники увлекались совсѣмъ противоположнаго рода заботами. Они старались единственно о томъ, чтобы вступить съ новой имперіей въ возможно лучшія отношенія и отвести отъ себя грозовыя тучи со стороны Франціи. Особенно рельефно выступило это противорѣчіе между стремленіями петербургскаго кабинета и его мнимыхъ союзниковъ по поводу вопроса о признаніи второй имперіи. Рѣшено было, что имперія будетъ признана только въ лицѣ новаго императора, не распространяя этого признанія на его наслѣдниковъ.

Но тутъ возникло новое затрудненіе. Въ собственноручныхъ письмахъ, коими извѣщались Европейскіе государи о восшествіи Наполеона III на престолъ, была примѣнена обычная формула переписки между государами, называющими другъ друга «добрымъ братомъ» (*le bon frègre*). Вопреки настояніямъ Россіи, Австрія и Пруссія рѣшили, что въ отвѣтныхъ письмахъ будетъ сказано: «добрый братъ», но что инициативу отвѣтнаго письма возьметъ на себя Россія, оставшаяся одна при первоначально предложенной формулѣ «любезный другъ» (*cher ami*).

Извѣстно, что по прочтеніи письма императора Николая I, Наполеонъ третій замѣтилъ пронически:

— Лучше быть добрымъ другомъ, чѣмъ плохимъ братомъ великаго человѣка!

Въ тотъ-же вечеръ, на балѣ въ Тюльерійскомъ дворцѣ говоря объ этомъ письмѣ, Наполеонъ III присовокупилъ:

— Вопреки Ватерлоо, я протяну руку Англій!

И дѣйствительно, съ тѣхъ поръ, подъ шумомъ продолжавшихся дружественныхъ завѣреній Наполеона III, его дипломатія неустанно стала раздувать искру, совсѣмъ для иной цѣли, заброшенную ею въ 1850 году. Къ сожалѣнію, Русское правительство продолжало вѣрить европейской дипломатіи. Оно особенно уповало на союзъ съ консервативною Англіею. Такимъ образомъ объясняется то безграничное довѣріе, какое сталъ оказывать тогда императоръ Николай I представителю Англій въ Петербургѣ, въ сущности заклятому врагу Россіи сэру Гамильтону Сеймуру, хотя въ это самое время, въ общественномъ мнѣніи Англій, съ разныхъ сторонъ, стали отражаться вліянія, стремившіяся къ возбужденію недовѣрія относительно Россіи.

Эти вліянія, частью, или изъ Франціи, частью отъ англійскихъ консуловъ, то и дѣло доносили о какихъ-то небывалыхъ тогда вооруженіяхъ, о какихъ-то поспѣшныхъ, фортификаціонныхъ работахъ въ Севастополѣ.

На самомъ дѣлѣ ничего подобнаго не дѣлалось, не взирая на то, что адмираломъ Грейгомъ даже чертежи укрѣпленій Севастополя представлены были и до сихъ поръ хранятся въ публичной библіотекѣ г. Николаева.

«Несмотря на всѣ усилія русскаго правительства, съ самаго 1840 г., установить между Россіей и Англіей тѣсное сближеніе, продолжаетъ далѣе Е. В. Богдановичъ, принцъ Альбертъ никогда не терялъ изъ вида своей предвзятой мысли: что Севастополь и созданный въ немъ флотъ составляютъ постоянную угрозу для интересовъ Англій на Востокѣ, что этотъ флотъ созданъ съ цѣлью нападенія, а не обороны, такъ какъ, за отсутствіемъ у Россіи торговаго флота, ему нечего было оборонять, что русскіе стремятся превратить Черное море въ свое озеро, держать въ своей власти устья Дуная и овладѣть проливами въ Средиземное море.

19-го Ноября 1854 г. эти убѣжденія принца Альберта послужили основаніемъ сообщенной имъ Министерству обширной записки, доказывавшей не столько не избѣжность, но и необходимость войны съ Россіей, а въ томъ же году ему принадлежала инициатива мысли о высадкѣ союзниковъ въ Крымъ, для истребленія Севастополя и Черноморскаго флота. Впрочемъ, Наполеонъ III имѣлъ всегда въ Англій партію

горячихъ приверженцевъ въ лицѣ тѣхъ капиталистовъ, которые, видимо не безъ благопріятнаго ему вліянія его друга лорда Пальмерстона, давали ему займы тѣ суммы, безъ коихъ онъ пикогда не успѣлъ бы исполнить своихъ честолюбивыхъ плановъ. Но въ началѣ 1853 г. во главѣ Англійскаго министерства стоялъ *тори*, лордъ Аббердонъ, исполненный самаго почтительнаго довѣрія къ императору Николаю I. Однако, и принцъ Альбертъ, со своею ненавистью къ Россіи, также имѣлъ въ кабинетѣ значительное вліяніе черезъ Лорда Пальмерстона (секретаря Департамента Внутреннихъ Дѣлъ); королева же, во всѣхъ отношеніяхъ, подчинилась безусловно образу мыслей своего супруга.

Такимъ образомъ объясняются загадочныя колебанія, происходившія въ то время въ отношеніяхъ Англій къ Россіи. Послѣ дерзкаго появленія Лавалета, на кораблѣ «Шарлемань», подъ самыя стѣны Константинополя, для Россіи стало очевидно, что ея обаянію въ Турціи нанесенъ жестокий ударъ, и что существующихъ трактатовъ ужь недостаточно, чтобъ оградить въ Турціи права православной церкви противъ насильственныхъ захватовъ Франціи.

Между тѣмъ, въ 1853 году, случилось другое событіе, которое должно было убѣдить Императора Николая I, что на турокъ нѣтъ возможности дѣйствовать иначе, какъ страхомъ. Вслѣдствіе отправки 50-тысячной турецкой арміи противъ Черногоріи, необходимо было принять мѣры къ огражденію ея.

Узнавъ, что Императоръ Всероссійскій посылаетъ для переговоровъ съ султаномъ кн. Меншикова, Австрія внезапно отправила въ Константинополь гр. Лейнингена съ ультиматумомъ, грозившимъ присоединить австрійскія войска къ черногорскимъ, если отправленныя противъ Черногоріи войска, не будутъ остановлены. Порты послѣдила удовлетворить это требованіе Австріи, которая конечно, убѣдила Черногорію въ томъ, что она явилась ея спасительницею...

Для переговоровъ относительно предоставленія всѣхъ льготъ и преимуществъ православнымъ христіанамъ въ Турціи, былъ отправленъ, въ 1853 г., генералъ-адъютантъ кн. Меншиковъ. Русскій посолъ вступилъ въ переговоры съ султаномъ, сущность которыхъ наше правительство считало нужнымъ скрывать не только отъ Франціи, но даже и отъ Англій. Понятно, въ какую страшную ловушку попала тогда вся наша дипломатія и съ какимъ злорадствомъ слѣдила въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ за нашими «тайными» совѣщаніями глубоко враждебные намъ повѣренные въ дѣлахъ Англій и Франціи.

Первую словесную ноту кн. Меншикова отъ 17 Марта, Порты оставила безъ письменнаго отвѣта, предпочитая вести словесные переговоры а, между тѣмъ, 5 Апрѣля прибылъ въ Константинополь Редклифъ, а 7-го — французскій посланникъ де-Лакуръ. Только 14 Апрѣля, вслѣдствіе полученія депешъ изъ Петербурга, кн. Меншиковъ вдругъ потребовалъ отъ Порты немедленнаго исполненія его требованій, но, на вопросъ его — готова ли Порты подписать договоръ, Рифаатъ-паша въ первый разъ отвѣтилъ на отръвъ, (хотя все еще не официально) что министерство отвергаетъ требованіе заключить трактатъ, такъ какъ «опредѣленія его посягаютъ на права Султана».

Переговоры пословъ тянулись до 21-го Мая, когда кн. Меншиковъ, заявивъ, что Россія сочтетъ за нецрїязненное дѣйствіе всякое посягательство на права православной вѣры и православнаго духовенства, выѣхалъ въ ночь съ 21 на 22 Мая изъ Константинополя, а 31 Мая Петербургскій кабинетъ отправилъ Портѣ ноту «требовавшую немедленнаго подписанія послѣднихъ проектовъ князя Меншикова и назначавшую для этого восьмидневный срокъ», грозя, въ противномъ случаѣ, начатіемъ военныхъ дѣйствій. Ультиматумъ этотъ прибылъ въ Константинополь въ то самое время, когда Англо-французскія эскадры бросали якорь въ Безикской бухтѣ. Этимъ совпаденіемъ, очевидно, опредѣляется и характеръ послѣдовавшаго отвѣта Портѣ. Она отвѣтила отказомъ, но при этомъ сообщила нашему кабинету новый фирманъ султана на имя греческаго патріарха и предложила отправить въ Петербургъ посла для непосредственнаго возобновленія переговоровъ. Принятіе этого предложенія сдѣлалось тогда уже невозможнымъ для насъ въ виду появленія Англо-французской эскадры у входа въ Дарданеллы.

4 Іюня русскіе войска переступили границу Молдавіи. Порты протестовала противъ этой мѣры, но объявила, что на первое время, она не сочтетъ ее за *casus belli*. Ни одна изъ великихъ державъ не заявила намъ формальнаго протеста противъ этой мѣры».

Придравшись къ тому, что сафты въ Константинополь, будто бы, устроили революціонную агитацію, лордъ Редклифъ, конечно по наущенію министровъ, вытребовалъ изъ Безике въ Босфоръ англійскую эскадру, которая и прошла Дарданеллы 29 Сентября и бросила якорь въ Мраморномъ морѣ. Наше правительство немедленно протестовало противъ этого вопіющаго нарушенія трактата 1841 г. Но тутъ, какъ будто по заказу, подоспѣло объявленіе войны Турціею Россіи, состоявшееся 4 Октября. вмѣстѣ съ тѣмъ былъ отмененъ запретъ доступа въ Дарданеллы.

2. Военныя дѣйствія.

Подробныя описанія военныхъ дѣйствій во время Крымской войны и геройскіе подвиги нашихъ доблестныхъ воиновъ составляютъ давно ужъ достояніе специальныхъ сочиненій, а потому я ограничусь здѣсь краткимъ очеркомъ боевыхъ событій того времени.

Вопреки трактату 1841 г., союзный флотъ прошелъ Дарданеллы не послѣ объявленія войны, а предшествовалъ ему и лишь 27 Сентября (два дня спустя послѣ объявленія войны) Омеръ-паша предупредилъ кн. Горчакова, что, въ случаѣ неочищенія Дунайскихъ княжествъ въ двухнедѣльный срокъ, турецкая армія откроетъ военныя дѣйствія. Князь отвѣтилъ, что, не имѣя никакихъ приказаній, не можетъ вступать ни въ какія переговоры, а Англія, въ это же самое время, предупредила Россію, что будетъ защищать территорию Турціи противъ всякаго покушенія Русскихъ высадить въ ней свои войска и враждебнаго дѣйствія нашего флота. Въ виду угрозы Омеръ-паша надо было озаботиться охраненіемъ всего нижняго Дуная, и вотъ въ эту опасную экспедицію пошли два парохода «Прутъ» и «Ординарецъ» подъ командою кап. лейтенанта Варпаховскаго, павшаго первымъ геройской смертью въ самомъ началѣ боя.

Черезъ нѣсколько дней состоялось грустное для насъ Ольтеницкое сраженіе, которое мы проиграли исключительно благодаря непостижимой оплошности общихъ распоряженій.

Между тѣмъ, вдоль анатолійскаго берега крейсировала эскадра П. С. Нахимова, а по направленію къ Сулину, Бургасу и Варнѣ—эскадра Корнилова, который возвратясь въ Севастополь, привилъ командованіе эскадрою подъ флагомъ Новосильскаго.

До Синопскаго боя, покрывшаго неувядаемыми лаврами нашъ флотъ, происходилъ цѣлый рядъ сраженій, въ которыхъ отличались: пароходъ «Колхида», подъ командою убитаго ядромъ капитана 2 ранга Кузьмицкаго, близъ поста св. Николая, «Владиміръ», на которомъ Корниловъ вступилъ въ славный бой съ непріятельскимъ пароходомъ «Первазь Бахри», фрегатъ «Флора», подъ командою Скоробогатова и мн. другіе.

Соединенныя эскадры Нахимова и Новосильскаго двинулись 12 Ноября къ Синопу, гдѣ растерявшійся Османъ паша, располагавшій значительно большими средствами чѣмъ мы, пропустилъ удобное время для выхода въ море.

Соединенная эскадра наша состояла изъ кораблей: «Парижъ», «Вел. Князь Константинъ», «Три Святителя», «Императрица Марія», «Чесма», «Ростиславъ», «Храбрый», «Святославъ» и двухъ фрегатъ: «Кагуль» и «Кулевчи».

17 Ноября поспѣшили за эскадрами Нахимова и Новосильскаго къ Синопу вернувшійся изъ Николаева Корниловъ съ тремя пароходами: «Одесса», «Крымъ» и «Херсонесъ».

Сдѣлавъ всѣ необходимыя, передъ боемъ распоряженія П. С. Нахимовъ издалъ знаменитый свой приказъ, оканчивавшійся словами: «всѣ предварительныя наставленія, при перемѣнившихся обстоятельствахъ, могутъ затруднять командира, знающаго свое дѣло, а потому я предоставляю каждому совершенно независимо дѣйствовать по усмотрѣнію своему, но непремѣнно исполнить свой долгъ. Государь Императоръ и Россія ожидаютъ славныхъ подвиговъ отъ Черноморскаго флота. Отъ насъ зависитъ оправдать ожиданія!» Всѣ распоряженія были сдѣланы 17 Ноября.

Не только часъ, но и самый день не были назначены приказами, но эскадра знала своего адмирала и вѣрила, что только штормъ можетъ заставить Нахимова отложить давно желанную битву.

И всѣ радостно и съ молитвой къ ней готовились.

Послѣ бурной и мрачной ночи, пробилась сквозь свинцовыя тучи блѣдная заря 18 Ноября.

Въ 9 часовъ эскадра спустила гребныя суда, а въ половинѣ десятаго на флагманскомъ кораблѣ былъ поднятъ сигналъ: «приготовиться къ бою и итти на Синопскій рейдъ».

Послѣ 36 часоваго, знаменитаго въ исторіи Синопскаго сраженія, кн. Меньшиковъ всеподданнѣе донесъ Государю Императору о результатѣ боя въ такихъ выраженіяхъ:

«Повелѣніе В. И. Величества исполнено Черноморскимъ флотомъ самымъ блистательнымъ образомъ. Первая турецкая эскадра, которая рѣшилась выйти въ бой, 18 числа Ноября, истреблена вице-адмираломъ Нахимовымъ. Командовавшій оного турецкій адмиралъ Османъ-паша, раненый, взятъ въ плѣнъ и привезенъ въ Севастополь.

Непріятель былъ на Синопскомъ рейдѣ, гдѣ укрѣпленный береговыми батареями, принялъ сраженіе. При этомъ у него истреблено:

семь фрегатов, шлюпъ, два корвета, одинъ пароходъ и нѣсколько транспортовъ. За симъ, оставался одинъ пароходъ, который спасся по превосходной быстротѣ своей.

Эта эскадра, повидимому, есть та самая, которая снаряжалась для овладѣнія Сухумомъ и содѣйствія горцамъ *)).

Блестящая наша побѣда конечно всполошила всю Западную Европу, Наполеонъ ухватился за этотъ случай, чтобъ сплотить судьбы Франціи съ Англіею. Онъ мобилизовалъ 90-тысячную армію, вооружилъ флотъ и рѣшено немедленное вступленіе союзныхъ флотовъ въ Черное море (22 Декабря).

Англійскій военный пароходъ «Retribution» въ то-же время прибылъ въ Севастополь съ письмомъ отъ адмираловъ, предупреждавшимъ, что движеніе эскадры предпринято съ цѣлью «защитить противъ всякаго враждебнаго дѣйствія оттоманскіе территорію и флотъ». На этомъ пароходѣ находились и французскіе офицеры съ порученіемъ высмотрѣть и изучить средства обороны Севастополя. Пользуясь нѣсколькими часами стоянки, иностранные офицеры сняли планы Севастополя и пришли къ заключенію, что со стороны моря Севастополь завладѣть невозможно, но что взять его «не трудно» если дѣйствіе союзныхъ флотовъ будетъ поддерживать сильный десантный корпусъ.

Свѣдѣнія эти послужили, впоследствии основаніемъ продолжавшейся 11 мѣсяцевъ атаки Севастополя.

Къ Западной эскадрѣ, вступившей въ Черное море въ Декабрѣ 1853 г. присоединилась океанская эскадра Франціи и многочисленныя паровыя военныя суда Англійи съ десантомъ.

Сразиться на морѣ нашимъ Черноморцамъ, увы, не представлялось никакой возможности, въ виду малочисленности нашего флота, хотя адмиралъ Бутаковъ (на «Владимірѣ») и капитанъ лейтенантъ Поповъ не разъ крейсировали у самаго Босфора и у береговъ Малой Азіи.

Разставшись съ завѣтною мечтою сразить непріятеля на морѣ — наши герои-моряки перевесли свою доблестную дѣятельность на сушу и если Севастополь далъ міру примѣръ несокрушимой стойкости русскаго войска, то этой заслугою Россія болѣе всего обязана Черноморскому флоту, увѣчанному безсмертными именами Нахимова, Корнилова, Новосильскаго, Истомина, Папфилова и др. героевъ.

Суда Черноморскаго флота осуждены были на потопленіе у входа въ рейдъ, чтобъ служить преградой врывающемуся непріятельскому флоту.

*) «18 Ноября 1898 г.» Е. В. Богдановичъ.

И корабли были потоплены!

4 Октября былъ прочитанъ Высочайшій рескриптъ на имя кн. Николая, а 5-го началось первое бомбардированіе Севастополя.

Начальникомъ обороны южной его части былъ назначенъ адмиралъ П. С. Нахимовъ, запечатлѣвшій своею кровью величавую Севастопольскую эпопею.

3. Оборона Севастополя *).

До присоединенія Крыма къ Россіи, въ царствованіе Екатерины II, на мѣстѣ Севастополя стояла татарская деревушка Ахтіаръ. Въ 1783 году Императрица повелѣла: «На мѣстѣ деревни основать военный портъ съ адмиралтействомъ, верфью и крѣпостію», и назвала вновь основанный портъ *Севастополемъ* **), т. е. величественнымъ, внушающимъ почтеніе, городомъ. Мѣсто, избранное для военнаго порта, по своимъ удобствамъ, было единственное чуть не въ цѣломъ свѣтѣ. Главная Севастопольская бухта имѣетъ въ длину до 7 верстъ, въ ширину около версты; глубина же порта одинаково велика какъ на серединѣ, такъ и около береговъ, отъ 9 до 11 сажень. Извилистые берега этой большой бухты образуютъ нѣсколько небольшихъ бухтъ или заливовъ, удобныхъ для стоянки судовъ.

Южная бухта, бывшій собственно военный портъ, имѣетъ около 3-хъ верстъ длины, 175 сажень ширины и до 11 сажень глубины. Этотъ превосходный портъ такъ хорошо защищенъ окружающими его возвышенностями отъ всѣхъ вѣтровъ, что вода въ немъ не можетъ волноваться болѣе, чѣмъ въ какомъ-нибудь прудѣ. Въ этой глубокой и покойной бухтѣ помѣщался совершенно безопасно весь Черноморскій флотъ, и корабли самыя большіе могли свободно подходить къ берегу. По берегамъ южной бухты расположенъ Севастополь. Бухта раздѣляла городъ на двѣ части: Корабельную, гдѣ были портовые сооруженія, доки, арсеналь, верфи, казармы, а позади ихъ возвышался холмъ, извѣстный подъ именемъ Малахова кургана, и Городскую. Главная бухта, или рейдъ, въ отличіе отъ городской южной стороны, называлась Сѣвверною. Сообщеніе между Сѣвверною и Южною сторонами производи-

*) «Родина» А. Радонежскаго, 1887 г.

**) Отъ греческихъ словъ: *σεβαστός* — величественный, внушающій почтеніе и *πόλις* — городъ.

Видъ Севастопольской бухты.

на лодкахъ, на разстояніи одной съ половиною версты. населенъ моряками, матросами и ихъ семействами. Расположенъ на скатѣ высокаго холма, спускающагося къ морю, на берегу, Менишъ, яхтъ и разныхъ судовъ, оживленной бухты, съ моря обставленной фортами и батареями, городъ черноморцевъ справедливо носитъ названіе «величественнаго, внушающаго почтеніе». Сколько разъ корабли Черноморскаго флота выходили изъ тихой Севастопольской бухты для кругосвѣтнаго плаванія, сколько разъ летали они грозой на враговъ и возвращались увѣнчанные побѣдою!... Посреди города красуется на бульварѣ памятникъ Казарскому, командовавшему небольшимъ бригамъ «Меркурій» въ войну съ турками въ 1828 году. Наверху бѣлаго каменнаго столба чугунная трирема (древній весельный корабль). На памятникѣ надпись: «*Потомству въ примѣръ*». Геройскій подвигъ капитана Казарскаго заключается въ томъ, что онъ на своемъ небольшомъ 18-ти пушечномъ бригѣ (небольшое военное судно), имѣя дѣло съ двумя линейными турецкими кораблями (однимъ въ 110, а другимъ въ 74 пушки), сумѣлъ отбиться отъ нихъ и уйти подъ веслами въ Севастополь, въ виду всего турецкаго флота, хотя Турки сдѣлали изъ его брига рѣшето своими выстрѣлами. Геройскій подвигъ капитана Казарскаго дѣйствительно послужилъ «въ примѣръ потомству» черноморскихъ моряковъ. Всѣ они похожи на Казарскаго: сколько до него и послѣ него среди черноморцевъ было героевъ, столько же славныхъ! Сколько подвиговъ, столько же примѣрныхъ! Особенно прославились черноморцы во время одиннадцати-мѣсячной осады своего родного Севастополя.

Турки издавна владѣютъ ключами отъ Гроба Господня въ Иерусалимѣ, и дѣлаютъ притѣсненія православнымъ поклонникамъ. Издавна, со времени взятія Константинополя (1453), Турки угнетаютъ православныхъ Славянъ, живущихъ въ предѣлахъ Турціи. Покойный Императоръ Николай I вступилъ за права своихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ. Началась война съ Турками. Турецкій флотъ почти былъ уничтоженъ при Синопѣ Нахимовымъ (18-го ноября 1853 г.). Но за Турокъ заступились Французы, Англичане. Огромный союзный флотъ присталъ 2-го Сентября 1854 г. къ берегамъ Крыма, близъ Евпаторіи, и высадилъ многочисленную армию. Наши войска, малочисленная, сравнительно съ непріятельскими, встрѣтили враговъ близъ рѣки Альмы, въ 30 верстахъ отъ Севастополя, и должны были отступить. При этомъ, чтобы преградить путь непріятельскому флоту въ Севастопольскую бухту, при входѣ въ нее, было затоплено нѣсколько кораблей.

Тогда непріятелі отправились на южную сторону Севастополя, и, не рѣшаясь напасть на городъ вдругъ, штурмомъ, — повели правильную осаду съ сухого пути, откуда Севастополь, какъ городъ приморскій, былъ беззащитенъ; такъ какъ всѣ укрѣпленія и батареи находились со стороны моря и обстрѣливали входъ въ бухту. При такомъ беззащитномъ положеніи, городъ легко могъ сдѣлаться добычею сильнаго врага. Но храбрые черноморскіе моряки рѣшились лечь костью, а не отдавать горячо любимый городъ: со слезами топять дорогіе свои корабли, перетаскиваютъ съ кораблей пушки на берегъ и вооружаютъ ими батареи; изъ моряковъ перерождаются въ пѣхотинцевъ и, под начальствомъ своихъ адмираловъ: Корнилова, Нахимова, Истомина и др., совершаютъ безпримѣрные подвиги. Въ виду непріятеля, началось укрѣпленіе Севастополя подъ руководствомъ искуснаго инженера Тотлебена. Вокругъ всего города, на окружающихъ его холмахъ, копались рвы, насыпались валы; валы покрывались и обставлялись мѣшками съ пескомъ, корзинами съ землей, плетушками съ камнями. Всѣ люди и вещи, находящіеся въ городѣ, были употреблены на защиту. Фургоны, телѣги и всякіе частные экипажи возили на батареи землю, снаряды; съ разсвѣта до поздней ночи, 5—6 тысячъ человекъ работали по оборонительной линіи. Другіе продолжали работу и ночью, при свѣтѣ факеловъ и фонарей; работали дружно, весело. Тѣ, которые не принадлежали къ военному сословію, составили изъ себя стражу для содержанія карауловъ и ночныхъ обходовъ; другіе же помогали войскамъ на батареяхъ. Даже дѣвицы, женщины и дѣти оказывали посильную помощь: за неимѣніемъ корзинъ и тачекъ, носили землю для насыпей въ подолахъ. Одна батарея насыпана была одними женщинами и до конца осады сохранила названіе *Дѣвичей*. Арестанты, выпущенные изъ тюрьмы, не воспользовались свободой, а испросили себѣ позволеніе принять участіе въ общей работѣ.

Такимъ образомъ вокругъ Севастополя, на протяженіи 8 верстъ, явилась цѣпь укрѣпленій или земляныхъ окоповъ и насыпей, уставленныхъ пушками и соединенныхъ траншеями (рвами въ ростъ человека, съ небольшимъ валомъ, по которымъ могли бы безопасно переходить солдаты съ одного укрѣпленія на другое). На болѣе возвышенныхъ мѣстахъ устроены были бастіоны, т. е. четырехъ-стороннія земляныя укрѣпленія, съ высокимъ валомъ и глубокимъ рвомъ впереди; за валомъ помѣщаются на досчатыхъ помостахъ (платформахъ) пушки, концы которыхъ выглядываютъ изъ прорѣзовъ (амбразуръ) въ

этомъ валу. Въ срединѣ бастіона обыкновенно находились пороховые погреба, землянки (блиндажи), поперечныя стѣнки для защиты (траверсы). На Севастопольской оборонительной линіи главныхъ бастіоновъ было семь: четыре—1, 2, 3 и Малаховъ курганъ—защищали южную бухту и Корабельную сторону съ адмиралтействомъ, а три: 4, 5 и 6—городъ. Между бастіонами было много промежуточныхъ батарей, т. е. члѣнкихъ земляныхъ укрѣпленій. Ближайшимъ къ городу бастіономъ былъ четвертый, а, по своему высокому положенію на всей линіи, Малаховъ курганъ представлялъ самое выгодное мѣсто для обороны. Онъ воспользовались защитники отлично: на курганѣ поставлено было 3 орудія, такъ что онъ имѣлъ видъ небольшой отдѣльной крѣпости. Необходимо было укрѣпить курганъ еще и потому, что онъ защищаль собою бухту съ судами и адмиралтейскими постройками, которыя какъ разъ находились сзади него. Противъ нашихъ укрѣпленій непріятелі возвели свои, и—началась знаменитая въ лѣтописяхъ міра Севастопольская осада и безпримѣрная Севастопольская оборона, длившаяся 11 мѣсяцевъ (съ 12-го сентября 1854 по 27-е августа 1855 г.). Но каждый мѣсяць этой обороны, въ силу огромности подъятыхъ въ это время трудовъ и геройскихъ подвиговъ, по причинѣ громадности опасностей и утратъ, понесенныхъ нашимъ славнымъ войствомъ, Высочайше повѣлено считать за годъ. Въ продолженіи этихъ 11 мѣсяцевъ-годовъ произошло четыре генеральныхъ сраженія: при Альмѣ—8-го сентября, при Балаклавѣ—12-го октября, Инкерманское—24-го октября 1854 и на Черной рѣчкѣ 4-го августа 1855 г., и множество вылазокъ, которыя стоятъ настоящихъ сраженій. Защитники Севастополя выдержали шесть страшныхъ опустошительныхъ бомбардированій, три общихъ штурма или приступа... Въ эти 11 мѣсяцевъ брошено врагами въ многострадальный городъ 2.128.000 штукъ метательныхъ снарядовъ, истрачено 330.000 пудовъ пороху и безсчетное множество пуль. Бой происходилъ на землѣ и подъ землей,—въ минныхъ галлереяхъ и подкопахъ. Сильный врагъ стоялъ лицомъ къ лицу лишь на разстояніи 70 сажень отъ нашихъ бастіоновъ. Три нашихъ укрѣпленія (Камчатскій, Селенгинскій и Волыньскій редуты), по причинѣ ужаснаго огня, который на нихъ былъ направленъ и который они мужественно выносили, прозваны были *«трѣмъ отроками въ пещи»*... Малаховъ курганъ, въ послѣдніе мѣсяцы осады, пѣхотинцы называли *«бойней»*, моряки—*«толчей»*... Сколько на этой бойнѣ пало жертвъ любви къ родинѣ, сколько смолото людей въ этой огненной толчѣ!! Бывали дни, когда люди падали не сотнями, а тысячами, десятками тысячъ! Боро-

динскій бой—замѣчательный въ исторіи войнъ. Немного было до 1812 года такихъ сраженій, когда —

Въ дыму огонь блещетъ;
Звучалъ булатъ, картечь вивжала,
Рука бойцовъ колотъ устала,
И ядрамъ пролетать выпала
Гора кровавыхъ тѣлъ.

Представьте себѣ что не день, а 349 дней длится такой бой, что земля тряслась, и залпы тысячи орудій слились въ протяжный вой... Оборонителей Севастополя не страшилъ ни адскій огонь, ни сыпавшійся на нихъ чугунный градъ; презрѣніе къ выстрѣламъ они выразили въ различныхъ прозвищахъ: пули на ихъ языкѣ были «мухи», ядра — «галки», картечь — «картошка», бомба — «жеребецъ»... Не перечислишь всѣхъ подвиговъ доблести, совершенныхъ храбрыми защитниками Севастополя. Между севастопольскими героями были даже дѣти! Хоть чрезъ 11 мѣсяцевъ и палъ Севастополь, потому что «и для героевъ есть невозможное», по словамъ Государя, но въ эти 349 дней —

«Извѣдалъ врагъ не мало,
Что значить русскій бой удалый —
Нашъ рукопашный бой!»

Севастопольцы смѣло и съ гордостью могутъ сказать:

Да, были люди въ наше время —
Могучее, лихое племя —
Богатыри!...
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля...

4. Малаховъ курганъ*).

До Малахова кургана отъ города будетъ версты три. Признаюсь, какое-то трепетное настроеніе все сильнѣе овладѣвало душой, по мѣрѣ приближенія къ этой народной русской Голгоѣ... Подъемъ на курганъ довольно крутъ, хотя существуетъ экипажная дорога до самой вершины. Въѣзжать на курганъ, какъ на священную гору, облитую сверху до низу кровью, намъ казалось неприличнымъ... «Иззуй сапоги отъ ногъ твоихъ, — слышалось въ душѣ, — ибо мѣсто это свято». И мы пошли пѣшкомъ, снявши шляпы, по той дорогѣ, которую смѣло можно назвать путемъ крестнымъ, путемъ кровавымъ... Земля вокругъ взрыта: повсюду ямы — мѣста бывшихъ рововъ, траншей, пороховыхъ погребовъ

*) «Родина», А. Радонежскаго, 1877 г.

Окружность вершины кургана 472 сажени. На этомъ пространствѣ стояли 63 орудія. Пушки направлены были во всѣ стороны. Курганъ, по своему положенію, какъ говорятъ военные, *командовалъ позиціей*, т. е. стоялъ выше всѣхъ другихъ укрѣпленій, защищавшихъ Севастополь. Взять Малаховъ — значило взять городъ. Хорашъ видъ съ кургана на окрестности: предъ вами бѣленькій городъ, тянущійся вдоль глубокой бухты; беспредѣльное море; Сѣверная сторона съ бѣлыми, среди зелени, крестами братскихъ могилъ; холмы бастионовъ; Инкерманскія, Федиухины высоты надъ Черною рѣчкой, и всѣ мѣста, ознаменованныя событіями Севастопольской обороны.

Безмолвуютъ окрестности Севастополя; по въ этой безмолвной, пустынной дали, надъ осыпавшимися рвами, надъ взорванными подкопами и погребями, надъ всѣмъ этимъ полемъ смерти, вспаханнымъ ядрами, устланымъ человѣческими костями, политымъ кровью, носится рой живыхъ видѣній... Въ памяти воскресаетъ *время оно*, страшное, грозное время... Клубами вьется пороховой дымъ, пули свищутъ, отъ огненныхъ жерлъ бухающихъ пушекъ стонетъ и трясется земля. Раскаленные ядра чертятъ на темномъ небѣ огненные борозды, гудятъ, падаютъ, лопаются, прахъ роютъ и въ крови шипятъ... Бой барабанный, клики, скрежетъ, стонъ... и смерть, и адъ со всѣхъ сторонъ! Таковы были, въ продолженіи 11-ти мѣсяцевъ, здѣсь на курганѣ многіе дни и ночи. И все таки шли на курганъ наши неустрашимые воины и несли свою жизнь на жертву родины.

Раннее лѣтнее утро чуть брежжется. Изъ-за вершинъ далекихъ горъ едва алѣетъ заря. По долинѣ стройными рядами, молча, чуть сверкая стальной щетиной штыковъ, наши сѣрые полки идутъ въ атаку. А тамъ, впереди, виднѣются высоты, занятые непріателемъ, унизанныя пушками, которыя ярко блещутъ отъ падающихъ на нихъ лучей восходящаго солнца... Непріатели съ горъ смотрятъ на движущуюся стройную массу, которая идетъ на смерть, какъ на смерть, и рукоплещутъ невиданной отвагѣ... Вдругъ залпъ... Отрядъ возвращается изъ атаки... Солдаты на скрещенныхъ ружьяхъ, за недостаткомъ носилокъ, несутъ своихъ убитыхъ и раненыхъ товарищей и начальниковъ.

Ночь. Вылазка. Кучка охотниковъ пробирается къ непріятельскимъ укрѣпленіямъ. Завязался рукопашный бой; батареи переходить изъ рукъ въ руки. Посреди дыма и пламени, при грохотѣ орудій, въ жару сѣчи, въ епитрахили и съ крестомъ въ рукахъ, является между рядами іеромонахъ Іоанникій Савиновъ и громко поетъ тропарь: «Спаси, Господи, люди твоя!» «Ура!» грянули солдаты — и одолѣли врага.

Вице-адмиралъ Гамеленъ.
Начальникъ французской эскадры въ Черномъ
морѣ въ 1854 г.

Вице-адмиралъ Дундасъ.
Начальникъ английской эскадры въ Черномъ
морѣ въ 1854 году.

5. Бомбардировка Одессы *).

1-го апрѣля 1854 года на горизонтѣ показались англійскіе и французскіе корабли, которые черезъ полчаса можно было усмотрѣть невооруженнымъ глазомъ; они повидимому дѣлали промѣры, и, подойдя близко къ порту—захватили нашихъ три каботажныхъ судна. Заряды, пущенные изъ орудій нашихъ батарей, доставали до непріятельскихъ судовъ. Какая злость брала солдатъ, что они немогли отомстить непріятелю за уводъ нашихъ судовъ. До 4-го апрѣля непріятельскіе пароходы смѣло крейсировали въ виду Одессы, но послѣ этого числа скрылись.

Только что жители Одессы свободно было вздохнули, какъ вдругъ 8-го апрѣля англійская и французская эскадры, въ количествѣ 23 вымпеловъ двухдечныхъ и трехдечныхъ кораблей появились на рейдѣ и въ 3 часа пополудни стали на морѣ въ 5 верстахъ отъ города, противъ батареи № 1, предъ Чумнымъ кварталомъ; думали, что къ утру 9-го апрѣля непріятельскій флотъ уйдетъ; но, увы! Чуть свѣтъ, 9-го апрѣля, наблюдающіе увидѣли, что число судовъ еще увеличилось; въ ночь подошли еще три непріятельскихъ парохода. 9-го апрѣля Одесса объявлена была на военномъ положеніи. Въ 2 часа дня адмиралы непріятельскихъ кораблей Гамеленъ и Дундасъ послали на катерѣ, подъ парламентарскимъ флагомъ, офицера, который, явившись на берегъ, предъявилъ требованіе выдать все бывшіе въ гавани русскіе, французскіе и англійскіе суда. Парламентеру не дали никакого отвѣта и онъ отправился обратно на эскадру.

10-го апрѣля, въ Великую субботу, за рапней обѣдней во всѣхъ церквахъ замѣтно было особое торжественное служеніе. Наступающій „праздниковъ Праздникъ“ какъ бы вызвалъ въ жителяхъ Одессы вѣру и бодрость. Въ церквахъ все молились искреннѣе, у многихъ на глазахъ видѣлись слезы. Только что показались лучи восходящаго солнца, только что куполы церквей и тихій обликъ спокойнаго моря освѣтились золотистыми лучами, какъ вдругъ, стоявшіе вблизи порта непріятельскіе суда, начали строиться въ боевой порядокъ. Въ 6¹/₂ ч. утра, служеніе въ церквахъ еще не было кончено, когда 9 непріятельскихъ кораблей, въ томъ числѣ одинъ 54 пушечный, а остальные 32 пушечные, пройдя вѣв выстрѣловъ батареи № 1-й, открыли пальбу, направивъ все выстрѣлы на батарею № 6-й, стоящую на оконечности практическаго молла. Небольшая наскоро устроенная батарея № 6-й,

*) Столѣтіе Одессы И. Федорова.

Андрей Шульга, Житомирского полка унтер-офицер.
 Осип Ахлупин, ответственный фейерверкер, служба в одесском порту таможни.
 Федор Рыбанов, кондуктор парохода «Лидия».
 Прапорщик Щеголев, потомственный капитан.
 Демиртур, студент.
 Пуль, студент.
 Скоробогатый, студент.

Алексей Мясаленко, 3-й артиллерийской дивизии, 14-й бригады резерва № 14 батареи бомбардир.

Василий Хорошилов, 5-й артиллерийской дивизии, 14-й бригады резерва № 14 батареи фейерверкер.

Елисей Бохан, Хотинского артиллерийского гарнизона бомбардир.

Никита Гацан, 3-й артиллерийской дивизии 14-й бригады резерва № 14 батареи бомбардир.

Войс. Стиншевский, Хотинского артиллерийского гарнизона бомбардир.

Дор. Мандауров, Житомирского Егерского полка рядовой.

Емельян Морозин, Хотинского артиллерийского гарнизона бомбардир.
 Андрей Панчев, Житомирского Егерского полка рядовой.
 Никифор Мансимов, Житомирского Егерского полка рядовой.
 Матвей Шевелев, Житомирского Егерского полка рядовой.
 Михаил Артамонов, Житомирского Егерского полка рядовой.
 Ларіон Ільин, Житомирского Егерского полка рядовой.
 Денис Юнинов, Житомирского Егерского полка рядовой.
 Иван Пальников, Житомирского Егерского полка рядовой.

Подвиг прапорщика Щеголева при бомбардировании англо-французским флотом города Одессы.
 (Портреты рисованы художником Э. Дилье, а батарея художником В. Рыбинским).

имѣла только 4 двадцати-четырефунтовыхъ орудія, непріятель же стрѣлялъ 68 фунтовыми бомбичными орудіями. Батареей этой командовалъ прапорщикъ Щеголевъ (впослѣдствіи флигель-адъютантъ, командиръ артиллерійской бригады). Представьте себѣ площадь въ квадратную полдесятину земли, на которую направлены выстрѣлы 9 непріятельскихъ кораблей; черезъ часъ подспелъ къ нимъ и 10-й—84 пушечный линейный корабль. Такимъ образомъ, противу крошечной батареи Щеголева, въ 4 небольшихъ орудія, дѣйствовало до 400 бомбическихъ орудій! Представьте же себѣ дѣйствіе этихъ страшныхъ 400 орудій на полудесятинномъ пространствѣ земли, составляющемъ окопечность Платоновскаго молла, на Практической гавани. Были моменты, когда непріятельскіе суда изрыгали такую массу ядеръ, что вокругъ батареи море влокотало. Тѣмъ не менѣе батарея Щеголева посылала ядро за ядромъ. Изъ 4 орудій одно наконецъ было подбито, нѣсколько артиллеристовъ ранено, но Щеголевъ хладнокровно заряжалъ орудія и мѣтко направлялъ выстрѣлы. Такимъ образомъ, ровно до половины перваго часа шелъ ожесточенный бой одного артиллерійскаго прапорщика противъ соединенныхъ морскихъ силъ Англіи и Франціи. Четыре 24-хъ-фунтовыхъ орудія 6½ часовъ неустрасливо сражались противъ четырехсотъ 68 фунтовыхъ орудій! Наконецъ на батареѣ все было избито, изрыто; примыкавшіе къ тылу ея мерлоны и стоявшія въ гавани суда загорѣлись, и только тогда батарея замолчала; прислуга была выведена. Щеголевъ, выведя команду на площадку противъ сада князя Воронцова, хотѣлъ было достать изъ кармана папирску, но тогда только замѣтилъ, что всѣ полы его сюртука были обрваны, обожжены, самъ онъ былъ весь въ сажѣ отъ порохового дыма; солдаты его похожи были на кочегаровъ.

Непріятельскіе плоскодонные пароходы, отдѣлившись отъ эскадры, подошли къ Пересыпи и начали конгресными ракетами зажигать стоявшіе возлѣ Практической гавани каботажные суда и ближайшія строенія. Въ это время другія суда сдѣлали высадку на Пересыпи, но были отбиты картечными выстрѣлами нашей полевой артиллеріи. Другіе непріятельскіе пароходы, отдѣлившись отъ эскадры, начали стрѣлять по дачѣ генерала Лидерса, и нѣсколько выстрѣловъ пущено было въ городъ. На всѣхъ батареяхъ убитыхъ было съ нашей стороны 4 нижнихъ чина, ранены подполковникъ Мещерскій и 45 нижнихъ чиновъ.

Знаменитый проповѣдникъ нашъ архіепископъ Иннокентій, своими пламенными рѣчами, въ день Св. Пасхи 11-го апрѣля, не только воодушевилъ мѣстные войска, но и успокоилъ встревоженныхъ жителей.

Геройскій подвигъ прапорщика Щеголева и его батареи, на Одесскомъ Практическомъ моллѣ въ Страстную Субботу 1854 года.

И дѣйствительно, несмотря на грозную эскадру непріятельскую, стоявшую передъ городомъ, жители ободрились и начали мало по малу собираться на улицахъ, а къ вечеру на бульварѣ была уже масса народа. Непріятельскій флотъ простоялъ до 17-го апрѣля; но въ тотъ день, спустивъ на берегъ 49 человекъ взятыхъ въ плѣнъ шкиперовъ и матросовъ, удалились отъ города.

По доведеніи до свѣдѣнія Государя Императора о геройской защитѣ города, послѣдовала Высочайшая грамота 26-го апрѣля, жителямъ г. Одессы, слѣдующаго содержания:

„Жителямъ Нашего любезно-вѣрнаго г. Одессы.

Англійскій и французскій флоты, войдя въ Черное море, устремились тому нѣсколько дней, на мирный и открытый Европейской торговлѣ городъ Одессу. Генераль-Адъютантъ, баронъ Остенъ-Сакенъ, свидѣтельствуя о блистательномъ мужествѣ, съ которымъ покушенія непріятели отражены военною силою, довелъ также до Нашего свѣдѣнія, что среди угрожавшей жителямъ опасности, внутреннее спокойствіе соблюдалось ими безъ малѣйшаго нарушенія, и что они съ примѣрнымъ усердіемъ исполняли всѣ распоряженія мѣстныхъ властей.

Сознаніе долга, указываемое святою вѣрою и преданностью къ престолу, одушевляетъ къ искреннему утѣшенію всѣхъ любезныхъ Намъ вѣрно-подданныхъ. Въ Одессѣ же достохвальное чувство это явилось въ полномъ развитіи подъ громомъ непріятельскихъ орудій.

Твердость и самоотверженіе жителей сего города не могли не обратиться на себя Нашего вниманія и Намъ пріятно изъявить всѣмъ сословіямъ оваго по этому случаю особенное Наше благоволеніе“. (Сенатск. Вѣдом. 1854 г., № 45).

Къ 30-му сентября 1855 года почти весь наличный составъ бывшаго въ Черномъ морѣ боеваго флота Англій, Франціи, Турціи и Италіи, въ числѣ 96-ти линейныхъ кораблей, пароходовъ и плавучихъ батарей, вновь обложилъ Одессу. Весь этотъ флотъ построень былъ на Одесскомъ рейдѣ въ боевой порядокъ, оставалось только поднести зажженные фитили и тысячи орудій разгромили-бы Одессу до основанія. Никто не сомнѣвался въ этомъ. Покойный златоустъ, архіепископъ Иннокентій, приказалъ звонить въ соборный колоколъ и созвавъ гражданъ на площадь собора, началъ служить предъ Чудотворн. Образомъ Касперовской Божіей Матери молебствіе, а вечеромъ наканунѣ праздника Покрова Богородицы—покаянный канонъ. Православное населеніе молило Небесную Заступницу оказать свою милость—пощадить городъ, а архіепископъ Иннокентій высоко поднималъ Икону и благословлялъ

народъ на всѣ четыре стороны. Въ день Покрова Пресвятыя Богородицы, послѣ литургіи отслужено было молебствіе, а вечеромъ того же дня непріятельскій флотъ безъ выстрѣла ушелъ изъ Одесскаго рейда. Такимъ образомъ явленное въ день Покрова Пресвятыя Богородицы знаменіе—считается и будетъ считаться великимъ днемъ въ Одессѣ. Наканунѣ этого дня совершается крестный ходъ въ Одессѣ—перенесеніе Чудотворнаго Образа Касперовской Божіей Матери изъ Крестовой церкви въ Кафедральный соборъ.

Св. Чудотворный Образъ Касперовской Божіей Матери находится: съ 25-го по 30-е сентября въ Одессѣ—въ Архіерейской Крестовой церкви; съ 30-го сентября, вечера до 4-го дня Св. Пасхи—въ Одессѣ, въ Соборѣ; съ 4-го дня Св. Пасхи до Вознесенія—въ сел. Касперовкѣ, въ церкви; въ день Вознесенія, крестнымъ ходомъ, Св. Икона переносится въ г. Херсонъ, гдѣ и остается до 29-го іюня; 29-го іюня—Св. Икона перевозится на пароходѣ въ г. Николаевъ, гдѣ и пребываетъ до 1-го августа; 1-го августа—Св. Икона на пароходѣ перевозится въ Касперовку, гдѣ и находится до 25-го сентября.

Послѣ чудеснаго спасенія жителей гор. Одессы отъ угрожавшей опасности—пожертвовано было много цѣнныхъ камней и денегъ для ризы Чудотворнаго Образа. Риза эта заказана была извѣстному московскому художнику Сазикову, цѣнностью въ 7.000 руб. Риза эта, въ февралѣ мѣсяцѣ 1872 г., во время похищенія Св. Образа изъ Собора, была уворована*). Въ настоящее время сдѣлана новая риза.

*) Св. Икона найдена была полиціей въ Одессѣ на дачѣ Донати зарытой въ землѣ безъ ризы и украшенія, 20-го марта 1872 г.

Генералъ-адъютантъ, генералъ отъ кавалеріи
баронъ

Д. Е. Остенъ-Сакенъ.

П р и к а з ъ

по войскамъ Бессарабской области и части Херсонской губерніи на правомъ берегу р. Буга расположеннымъ.

Г. Одесса, *Апрѣля 14-го дня 1854 года, № 22.*

Слава Всевышнему!

Англо-французская эскадра, послѣ ея отраженія, 10-го числа, и поврежденія 11-го числа парохода фрегата, подходившаго на пушечный выстрѣлъ для обозрѣнія, не смѣла болѣе приближаться къ нашимъ прибрежнымъ батареямъ, и препятствовать инженернымъ работамъ, производимымъ на батареяхъ въ большомъ размѣрѣ, въ виду ея; а сегодня снялась съ якоря, удалилась отъ Одессы, и взяла, какъ видно было, два направленія: 3 поврежденные парохода и 1 линейный корабль на Константинополь, остальные суда на Севастополь.

Во время нахождения передъ Одессою непріятеля, въ городѣ сохраненъ былъ примѣрный порядокъ, и, несмотря на много оставленныхъ жителями домовъ и нѣкоторыхъ не запертами, не было ни одного неодобрительнаго случая.

Трогательно было видѣть усердіе жителей: подъ спланнымъ огнемъ громившей артиллеріи, нѣкоторые разносили солдатамъ съѣстные припасы, на ночь становились съ ружьями на берегу въ окрестностяхъ Одессы, для отраженія подъѣзжавшихъ баркасовъ, и всѣ, безъ различія племенъ и вѣроисповѣданій, были проникнуты негодованіемъ на покровителей поклонниковъ луны, разрушавшихъ дома гражданъ и поражавшихъ мирныхъ жителей, женщинъ и дѣтей. Полное сочувствіе ихъ правому дѣлу ясно выражалось. Тосканскій подданный Джиджи Мокп, служащій боцманомъ въ карантинѣ 30-ть лѣтъ, пріобрѣвшій общее уваженіе и любовь, выстроилъ съ моего дозволенія на свой счетъ батарею, вооружаетъ ее 6-ю 24-хъ-фунтовыми пушками, купленными имъ у города, будетъ дѣйствовать своею прислугою и принимаетъ присягу на подданство Россіи. Студенты Деминстру, Скоробогатый и Шуль, не принадлежащіе строю, одушевленные самоотверженіемъ, стремились быть полезными правому дѣлу: первые два въ самомъ пылу боя, хо-

дили несколько разъ на батарею Щеголева, приносили мяѣ отъ него извѣстія, и въ особенности о недостаткѣ зарядовъ; послѣдній, въ что крестьянинъ, отвозившій на батарею Щеголева на волахъ зарядъ отъ испуга бросилъ возъ и бѣжалъ, самъ вскочилъ на возъ и скляющія ядра, бомбы и бомбовыя картечи, отвезъ заряды на батарею.

Начальники и войска одушевлены примѣрнымъ усердіемъ, безстрашіемъ и чувствомъ долга. Артиллерія покрыла себя новою славою отсутствіемъ торопливости, полнымъ спокойствіемъ, примѣрная стрельба, дѣла начальниковъ и офицеровъ, изъ коихъ большая часть командовавшихъ прибрежными батареями молодые офицеры, воспитанники корпусовъ. Наконецъ безпримѣрный артиллерійскій подвигъ Щеголевской батареи и ея начальника, показалъ врагамъ нашимъ, что суда ихъ, вооруженныя орудіями огромнаго калибра, не могутъ безнаказанно приблизиться къ прибрежнымъ нашимъ батареямъ.

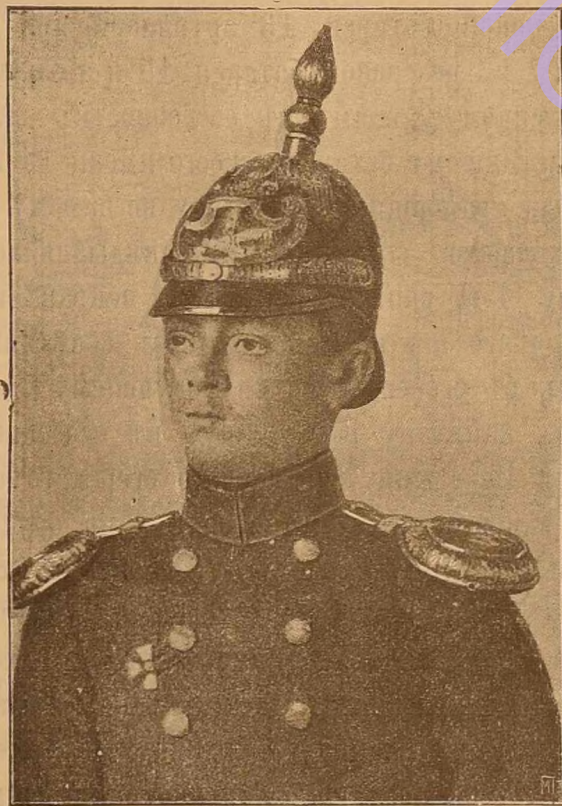
Защита насъ Провидѣніемъ была очевидна: ядра большею частію перелетали, или падали въ море, бомбы простыя и картечныя и ракеты разрывались несвоевременно, или вовсе не разрывались. Что значить ничтожность потери нашей, въ сравненіи съ огромностію разрушительныхъ средствъ, употребленныхъ противъ насъ врагами въ продолженіи 12 часовъ! Они не могутъ не видѣть въ событіи — воли Защитника правыхъ сердцемъ, проникнутыхъ пламенною преданностію къ Царю — Помазаннику Божию и любовью къ благочестивому Отечеству.

Возблагодаримъ Подателя всѣхъ благъ, за поданную намъ силу, добросовѣстно исполнить возложенную на насъ обязанность обожаемому Отцомъ Отечества, и продолженіемъ вѣрной службы нашей постараемся доказать Царю Царей нашу признательность!

Обращаюсь съ живѣйшею, искреннею благодарностію къ ревностному, неунынному въ бою, сотруднику моему, генералъ-адъютанту Анненкову.

Изъявляю полную и совершенную благодарность: соорудителю прибрежныхъ батарей, очевидно оправдавшихъ свою прочность и правильность, инженеръ-генералъ-лейтенанту Лехнеру; Одесскому военному губернатору генералъ-лейтенанту Крузенштерну; начальнику штаба моего, генералъ-маіору Тетеревникову; начальнику пѣшаго постоянного артиллерійскаго резерва, генералъ-маіору Майделю, блистательно начальствовавшему артиллеріею; командиру Одесскимъ гарнизономъ, генералъ-маіору Корвинъ-Красинскому, всѣмъ въ особенности; генералъ-лейтенантамъ: начальнику 6-й кавалерійской дивизіи Ланскому; командующимъ резервными дивизіями: 4-го корпуса Вишневному; генералъ-маіорамъ: 5-го корпуса Есаулову; начальнику 5-го округа корпуса

Гвардмаршъ Черкесову; командиру резервною бригадою 5-й артиллерійской дивизіи, полковнику Яновскому, блистательно начальствовавшему прибрежными батареями, въ особенности; распоряжавшимся сооруженіемъ и вооруженіемъ батарей: дежурному штабъ-офицеру генералъ-губернатора полковнику Гангардту; подполковникамъ: инспектору казенныхъ работъ г. Одессы, Любенкову и состоящему по артиллеріи Меллеру, всѣмъ тремъ въ особенности; командовавшимъ прибрежными батареями: № 1-го, Бендерскаго артиллерійскаго гарнизона, подпоручику Випокурову; № 2, того-же гарнизона, прапорщику Арженникову; № 3, резервной батареи 14-й артиллерійской бригады, подпоручику Волошинову; № 4, резервной батареи 13 артиллерійской бригады, прапорщику Крылову; № 5, резервной батареи 15-й артиллерійской бригады, прапорщику Андруцкому, всѣмъ въ особенности; для изъявленія благодарности командовавшему батареею своего имени 14-й резервной артиллерійской бригады, прапорщику Щеголеву не нахожу выражений; члену экспедиціи пароходныхъ сообщений и завѣдывающему переговорною линіею, капитану 1-го ранга Швенднеру; исправляющему должность капитана карантиннаго порта; коллежскому совѣтнику Хвощинскому, послѣднимъ двумъ въ особенности; командиру Одесскимъ карантиннымъ баталіономъ, капитану Юзефовичу, въ особенности; командовавшему отрядомъ на Пересыли Украинскаго егерскаго полка, маіору Чермерзину; командовавшему въ томъ отрядѣ 4-мя орудіями 14-й артиллерійской бригады, капитану Руновскому, обоимъ въ особенности; командовавшему въ томъ-же отрядѣ 3-мъ дивизиономъ уланскаго эрцъ-герцога Барда Фердинанда полка, подполковнику Фонъ-Ганкелю; исправляющему должность Одесскаго коменданта, подполковнику Балабухѣ; Одесскому военному полиціимейстеру, маіору Аркудинскому, послѣднему въ особенности; исполнявшимъ порученія мои чиновникамъ корпуснаго штаба: оберъ-квартирмейстеру полковнику Гротенфельду; дежурному штабъ-офицеру маіору Богацкому, послѣднему въ особенности; старшимъ адъютантамъ: по генеральному штабу, штабъ-капитанамъ: Андерсену и Угриповичу; по дежурству, маіорамъ: Стерпинскому и Голубятникову, старшему адъютанту 3-й артиллерійской дивизіи, штабъ-капитану Веревкину; находившемуся при мѣнѣ во время бомбардированія Одессы, флигель-адъютанту Его Императорскаго Величества, гвардіи капитану Дену и адъютантамъ моимъ: маіору Гротгусу; ротмистру барону Фонъ-Гротгусу и штабъ-ротмистру Моренгейму, всѣмъ четыремъ въ особенности; ординарцамъ мопмъ, гусарскихъ полковъ: принца Фридриха Гессенъ-Кассельскаго, корнету Станишевскому, графа Радецкаго, рот-

Прапорщикъ А. П. Щеголевъ.

мистру Рюмину и штабсъ-ротмистру графу Медему, егерскаго князя Варшавскаго полка, прапорщигу Коровину; исполнявшимъ порученіи мои во время боя: гвардіи полковнику Воронову; карантинному переводчику Камбиаджіо; адъютанту начальника штаба, штабсъ-капитану Гулевичу; употреблявшемуся по фронтовой части оберъ-бригсъ-коммисару, маіору Дучинскому; начальнику жандармской команды, капитану Голышкину; штабъ-доктору, статскому совѣтнику Скрипчинскому; дивизионному доктору, коллежскому совѣтнику Краснопольскому; старшему лекарю Одесской градской больницы Гриху; командиру 1-й бригады 6-й легкой кавалерійской дивизіи, генераль-маіору Сволынскому; командирамъ уланскихъ полковъ: эрцъ-герцога Карла Фердинанда Австрійскаго и графа Никитина, генераль-маіору Тимковскому и полковнику Башкирцеву; командирамъ батарей, полковникамъ конно-легкихъ: № 11, князю Голицыну, № 20, Эллерцу; пѣшихъ резервныхъ: 5-й артиллерійской дивизіи капитанамъ, батареейной № 13-го, Де-Спиллеру; легкихъ: № 14-го, Сорневу, № 15, подполковнику Станковичу; дивизионнымъ квартирмейстерамъ, генеральнаго штаба: 6-й легкой кавалерійской дивизіи, капитану Цестову; резервныхъ пѣхотныхъ дивизій 4-го корпуса штабсъ-капитану Волошинскому; 5-го корпуса штабсъ-капитану Буйвиту; всемъ баталіоннымъ, дивизионнымъ, ротнымъ и эскадроннымъ командирамъ и всемъ офицерамъ; частнымъ приставамъ, квартальнымъ и надзирателямъ Одесской градской полиціи, а также всемъ медикамъ, находящимся въ больницѣ и занимавшимся перевязкою раненыхъ.

Нижнимъ чиномъ спасибо, въ особенности артиллерійскихъ прибрежныхъ батарей, отряда на Пересыпи и карантинной стражи.

Подлинный подписалъ:

Генераль-Адъютантъ Баронъ Остенъ-Сакенъ 1-й.

П р и к а з ъ

по войскамъ Бессарабской области и части Херсонской губерніи, на правомъ берегу р. Буга расположеннымъ.

Одесса, апрѣль 30-го дня 1854 года, № 34.

Съ чувствомъ живѣйшей признательности къ Промыслу вновь благословившему оружіе Августѣйшаго ГОСУДАРЯ нашего, спѣшу сообщить войскамъ, что сегодня имѣлъ я счастье отправить къ Его Свѣтлости Господиному Генераль-Фельдмаршалу флаги: кормовой и гюсъ, сѣвшаго на мель и сдавшагося Англійскаго парохода-фрегата „Тигра“ въ 400 силъ, который зажженъ и вслѣдствіе того взорванъ на воздухъ.

Событіе было въ слѣдующей послѣдовательности:

Помянутый пароходъ-фрегатъ, шедшій изъ окрестностей Севастополя, сегодня утромъ, при необыкновенно густомъ туманѣ, сѣлъ на мель подъ крутымъ берегомъ дачи Кортаца, въ 6-ти верстахъ на югъ отъ Одессы.

Во время подоспѣвшаго изъ колоніи Люсдорфъ, до прихода на помощь двухъ другихъ пароходовъ, 2 орудія 2-й батарейной батареи 16-й Артиллерійской бригады, подъ начальствомъ Поручика Абакумова, съ прикрытіемъ двухъ ротъ Днѣпровскаго резервнаго баталіона и взвода Графа Никитина Уланскаго полка, необыкновенно меткими выстрѣлами сдѣлали въ пароходъ пробоины, оторвали ногу Капитану и принудили фрегатъ къ сдачѣ. Флагъ былъ снесенъ и принявшій подъ фрегатомъ начальство Лейтенантъ, пріѣхавъ ко мнѣ съ объявленіемъ экипажа военно-плѣннымъ.

По приказанію моему экипажъ высаживался на берегъ на шлюбкахъ, вѣлъ оружіе и отправляемъ былъ въ карантинъ вмѣстѣ съ ранеными въ числѣ 5-ти человекъ.

Между тѣмъ прибыли также во время, отправленные изъ Одессы 8 орудій 2-й батарейной батареи 16-й Артиллерійской бригады, 4 орудія батарейной батареи 10-й Артиллерійской бригады, 2-я легкая батарея 16-й Артиллерійской бригады конно-легкая № 11-го батареи, подъ прикрытіемъ баталіона Суздальскаго пѣхотнаго, резервнаго Украинскаго Егерскаго полковъ и дивизіона Эрцъ-Герцога Карла Фердинанда Уланскаго полка. Не успѣли еще быть сняты съ парохода раненые, какъ показались въ туманѣ два другіе непріятельскіе парохода. Два прибывшія изъ Люсдорфа орудія были отправлены обратно.

Не имѣя никакихъ средствъ къ снятію съ мели фрегата и приведенію его въ гавань, въ присутствіи 2-хъ другихъ непріятельскихъ пароходовъ, тѣмъ болѣе, что могли прибыть новыя непріятельскія суда; по приказанію моему, тотчасъ по снятіи раненыхъ плѣнныхъ съ фрегата, былъ онъ зажженъ выстрѣлами и вслѣдъ за тѣмъ два непріятельскіе парохода, на ближней выстрѣлъ батарейныхъ орудій, открыли огонь по нашимъ батареямъ.

8-мъ батарейныхъ орудій 16-й бригады, подъ начальствомъ Полковника Горановича и 4-ре батарейныхъ орудій 10-й резервной бригады, подъ начальствомъ Капитана Верховскаго, стрѣляли въ продолженіи двухъ часовъ, такъ вѣрно, что поврежденные непріятельскіе пароходы отступили и стали вѣть выстрѣла.

Бой прекратился около двухъ часовъ по полудни.

Штогленіе англійскаго парохода „Тигръ“ 30 Апрѣля 1854 г.

Съ нашей стороны убиты 2 рядовыхъ 10-й резервной Артиллерійской бригады и три лошади; контужены: командиръ 2-й легкой батареи 16-й бригады Полковникъ Ильинскій и 10-й резервной бригады Поручикъ Смирновъ. Почти всѣ непріятельскіе выстрѣлы падали далеко за батареями.

Взято въ плѣнъ: Капитанъ фрегата Джиффордъ, офицеровъ 24, гардемариновъ и матросовъ 201. По словамъ плѣнныхъ фрегатъ былъ вооруженъ 16-ю бомбическими пушками.

Окончательный взрывъ затопленнаго фрегата послѣдовалъ въ 7^{1/2} часовъ вечера.

Артиллерія дѣйствовала съ полнымъ, приличнымъ оружію спокойствіемъ, и необыкновенными вѣрными выстрѣлами, обратила на себя особенное мое вниманіе.

Дѣятельное участіе въ боѣ принимали: прибывшій въ Одессу по дѣламъ службы, Генералъ-Адъютантъ Кноррингъ, Генералъ-Маторы: Начальникъ Штаба моего Тетеревниковъ, Начальникъ пѣшаго постояннаго Артиллерійскаго резерва Майдель и Командующій Одесскимъ гарнизонемъ Корвинъ-Красняскій.

Между прочими офицерами были употребляемы мною во время бою: Флигель-Адъютанты Его Императорскаго Величества Полковникъ Чебышевъ и Капитанъ Денъ.

Объявляю полную благодарность мою всѣмъ участвовавшимъ въ дѣлѣ Г.г. Генераламъ, Штабъ и Оберъ-Офицерамъ, въ особености Артиллерійскимъ.

Нижнимъ чинамъ радушное спасибо.

Приказъ этотъ прочесть при собраніи ротъ, эскадроновъ, сотенъ и батарей.

Подлинный подписалъ:

Генералъ-Адъютантъ Баронъ Остенъ-Сакенъ 1-й.

Воспоминанія, записки и пр.

1. Воспоминанія Исаака Лебединскаго

(проживающаго въ Одессѣ безвыѣдно съ 10 іюня 1850 года).

Въ четвергъ Страстной недѣли въ 1854 г. съ утра начали прибывать къ Одессѣ соединенныя Англійская, Французская и Турецкая эскадры, состоявшія, приблизительно, какъ говорили въ городѣ, изъ 80 судовъ и выстроились въ 2 ряда отъ Ланжерона до Большого Фонтана. Многіе жители города отправились на Николаевскій бульваръ и на Ланжеронъ—любоваться этимъ рѣдкимъ зрѣлищемъ. Въ Страстную пятницу я съ однимъ моимъ родственникомъ съ этой цѣлью отправились на Ланжеронъ. Вдругъ мы замѣтили, что отъ эскадры отдѣлился 1 баркасъ съ парламентерскимъ флагомъ и направился въ Карантинную гавань. Мы и другіе, увидѣвши это, недоумѣвали, чтобы оно могло означать? Затѣмъ мы возвратились въ городъ. Здѣсь уже оказалась сильная суматоха. Оказалось, какъ намъ передавали, что на баркасѣ подъ парламентерскимъ флагомъ являлись люди съ предложеніемъ отъ Главнаго Командира флота—выпустить изъ Карантинной гавани находившіяся тамъ иностранныя суда и выдать имъ русскія купеческія суда, стоявшія въ Андросовской гавани въ видѣ военнаго приза—трофеи; въ случаѣ отказа—грозили бомбардировкою города. Всю ночь съ пятницы на субботу Страстной недѣли жители города провели въ большой тревогѣ: многіе выѣхали въ окрестности предмѣстья города на дрожкахъ, фаэтонахъ, даже на биндюгахъ и повозкахъ,—на чемъ только было возможно. Въ теченіе всей ночи по городу ходили военные кавалерійскіе патрули для охраны города. Въ субботу утромъ я всталъ очень рано. Услышавъ канонаду (около 7 час. утра) со стороны бульвара, я поспѣшилъ съ моимъ родственникомъ туда, чтобы лично наблюдать за всѣмъ происходившимъ. На бульварѣ мы увидѣли у колоннъ

зданія Думы барона Остенъ-Сакена, бывшаго въ то время военнымъ начальникомъ города и войскъ, окруженнаго своимъ штабомъ, наблюдавшаго за канонадой. Вскорѣ мы увидѣли, что 3 военныхъ корабля окружили батарею Щеголева, находившуюся въ самомъ концѣ Военной гавани, и обстрѣливали батарею. Приблизившись къ памятнику дюка де-Ришелье, мы оттуда явственно увидѣли, какъ одна изъ пущенныхъ Щеголевымъ бомбъ попала въ средній изъ непріятельскихъ стрѣлявшихъ фрегатовъ и тотчасъ же изъ этого же мѣста фрегата повалилъ сильный дымъ. Фрегатъ круто повернулъ и ушелъ. Вслѣдъ за симъ, когда одна изъ бомбъ, направленныхъ въ городъ, попала въ пьедесталъ памятника дюка де-Ришелье, около котораго мы стояли, то намъ уже ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ поспѣшно ретироваться и оставить этотъ опасный наблюдательный пунктъ. Насколько мнѣ помнится, къ полудню канонада стихла. Затѣмъ часамъ къ 3-мъ того же дня вновь слышны были пушечные выстрѣлы со стороны той же Андреевской гавани. Мы вновь поспѣшили на Сабаѣевъ мостъ, чтобы оттуда наблюдать за происходившимъ въ гавани, и увидѣли, что недалеко отъ гавани стояли непріятельскія канонерскія лодки и обстрѣливали Андреевскую гавань, свая въ гавани горѣли, также горѣли нѣсколько нашихъ лодокъ. Долго наблюдать эту картину мы лишены были возможности, такъ какъ надъ нашимъ гологомъ вновь пролетѣла бомба и ударила въ магазинъ дома бывш. Молодецкаго, впоследствии Штейнберга, у Сабаѣева моста, и мы вновь поспѣшили домой. Въ тотъ-же день непріятельскій флотъ снялся и отправился по направленію къ Очаковскому лиману, и, какъ говорили въ городѣ, произвелъ высадку у Кинбургской крѣпости.

Исаакъ Лебедискій.

17 февраля 1904 года.

2. Записки П. Алабина.

Въ «Походныхъ запискахъ въ войну 1853, 1854, 1855 и 1856 г.г.» П. Алабина (Час. II. Вятка. 1861 г.) описывается слѣдующимъ образомъ Одесса того времени:

«Давно я не видалъ нашей Южной Красавицы и нынѣ нахожу въ ней большія перемѣны. Она смотритъ теперь героиней! Изъ торговли она превратилась въ Амазонку, изъ вѣтренной щеголихи, поклонницы модъ и свѣтскаго шума, сдѣлалась вѣрною слугою отчизны, полною готовности отдать за нее и свои богатства и свою жизнь. Одинъ урокъ

пересоздалъ ее: нѣсколько часовъ испытанія огнемъ и желѣзомъ, вынесенныхъ ею въ тѣ памятные дни, которые посвящаются у насъ христіанскимъ воспоминаніямъ о страданіяхъ Богочеловѣка, измѣнили, на нѣкоторое время, и ее и характеръ ея жителей. Одесса измѣнила даже наружный видъ. Гдѣ эти горы пшеницы, что бывало подъ открытымъ небомъ на улицахъ безпрестанно растутъ, увеличиваясь золотыми потоками роскошнаго зерна, текущими изъ третьяго, четвертаго этажей великолѣпныхъ зданій? Въмѣсто этихъ золотистыхъ горъ вознеслись другія горы, доселѣ невиданныя здѣсь—горы ядеръ и бомбъ, сложенныхъ въ лучшей части города—у батарей набережной! Гдѣ эти необыкновенныя вереницы чумацкихъ подводъ, запружавшія, бывало, по нѣсколькѣ улицъ вмѣстѣ, везя хлѣбъ въ одну сторону и заморскіе товары въ другую?

Посмотрите, какъ все почти предметы измѣнились здѣсь, освѣщенные не тѣмъ уже, что прежде, свѣтомъ; — кровавое зарево войны на все бросило свой отблескъ: опустѣла биржа, не видно на ней суеты, бѣготни, прежней дѣятельности; исчезло многолюдство, замолкъ шумъ смежныхъ съ биржею казино; на рейдѣ, какъ бѣлые гоголи, едва колышались только нѣсколько австрійскихъ и греческихъ судовъ. Все измѣнилось: шелкъ и золото прикрылось солдатскимъ плащомъ; шлемъ и латы нынѣ признаются лучшимъ убранствомъ, оружіе — лучшимъ украшеніемъ, изящнѣйшею игрушкою; война вошла въ моду; только и рѣчи въ обществахъ, что объ альминскомъ дѣлѣ; о движеніи союзниковъ къ Севастополю, о планахъ князя Меншикова, о намѣреніяхъ Капробера, о его разладѣ съ Рагланомъ, о незабытой еще бомбардировкѣ самой Одессы.

Книжные магазины наполнены картами Крыма, военными сочиненіями; въ окнахъ—портреты Щеголева, генерала-барона Остенъ-Сакена.

Щеголевъ здѣсь самое народное имя: всякій мальчишка, всякій извозчикъ знаетъ его въ лице, знаетъ его квартиру, его привычки, его время препровожденія. А у Щеголева здѣсь сигары, пирожки въ кондиторскихъ, серьги, брешки, кольца, папирсы, шинели, носовые платки съ его портретомъ, гипсовыя и гутаперчевыя его статуэтти и проч. проч...

Во всехъ магазинахъ, лавочкахъ, у всехъ токарей множество чубуковъ для сигаръ, коробочекъ для спичекъ, набалдашиниковъ для трости, все съ маленькою бляжкою и съ надписью: «Тигръ», такого то числа 1854 года; т. е. все эти вещи, будто сдѣланы изъ дерева, погибшаго у Одесскаго берега парохода «Тигръ».

У каждого фотографа видите портреты всѣхъ, взятыхъ въ плѣнь на «Тигрѣ», и портретъ капитана этого несчастнаго судна — Джеффорда—въ гробѣ.

У каждого владѣющаго карандашемъ—очерки Одессы въ день ея бомбардировки.

Множество магазиновъ вовсе закрыто, множество другихъ объявляютъ въ газетахъ, также выставленными въ окнахъ надписями *rix fixe, vente au grand rabais* и особенными вывѣсками, что дескать они прекращаютъ свою торговлю, отъѣзжая за границу и потому слѣдуетъ продать свой товаръ; а между тѣмъ всѣ привозные товары значительно вздорожали. Только квартиры сдѣлались дешевле, потому что множество семействъ уѣхало послѣ бомбардировки, забравъ съ собою все свое имущество, такъ что квартиры отдаются пустыя, безъ мебели и необходимаго убранства.

Европейская гостиница прекрасна по прежнему, ея оркестрионъ гремитъ: въ ней все дешево, вкусно, отлично сервировано; прислуги много, страдать отъ ея медленности не приходится; нынѣ и эта гостиница и театръ наполнены военными; какъ прежде рѣдко можно было здѣсь встрѣтить мундиръ, такъ нынѣ рѣдко встрѣчаешь фракъ.

Во всѣхъ почти домахъ военный постой, чего прежде не знали жители.

Вездѣ мелькаютъ сѣрые плащи солдатъ и непременно гдѣ-нибудь видишь тянется военный отрядъ: одни приходятъ, другіе уходятъ.

Вообще одесская жизнь получила военный характеръ. По прежнему на приморскомъ бульварѣ толпы гуляющихъ; по прежнему стоитъ у береговаго гранита множество лицъ, разсматривающихъ въ трубы корабли, качающіеся на горизонтѣ; но это уже не тѣ столь любезныя Одессѣ корабли, заключавшіе въ себѣ ея жизнь и благосостояніе: это видѣются на горизонтѣ непріятельскіе суда, блокирующіе Одессу. Кровавые памятники ихъ сближенія съ нею видны на стѣнахъ одесскихъ домовъ: начальство города, на память потомству, приказало всѣ мѣста сдѣланныхъ союзнымъ флотомъ пробовъ въ одесскихъ домахъ при бомбардированіи города означить красною краскою съ лаконическою надписью: „страстная суббота 1854 года“.

Одно изъ французскихъ ядеръ легло къ стѣнамъ своего знаменитаго соотечественника, почтеннаго благодарною Одессою величавымъ памятникомъ. Поврежденный пьедесталъ монумента Дюка де-Ришелье исправленъ, отбитая ядромъ часть гранита замѣнена бронзовымъ приливомъ съ изображеніемъ ядра—разрушителя; но этотъ ущербъ оста-

нется на вѣки свидѣтелемъ несправедливости цивилизованныхъ народовъ.

Другой драгоцѣнный Одессѣ памятникъ — щеголевская батарея. Конечно, не смотря на краткость времени, бывшаго въ нашемъ распоряженіи, мы ее посѣтили. Слѣдовъ страшной борьбы, ею выдержанной, на ней уже не замѣтно. Ярко горитъ образъ Спаса съ теллящеюся предъ Нимъ лампадою и краткая надпись рассказываетъ повѣсть здѣсь совершившагося событія. Повторять ли эту повѣсть? и безъ меня многіе ее нарисовали, рассказали, описали, воспѣли.

Моль, на оконечности котораго стоитъ щеголевская батарея, раскинутъ на лазурной поверхности моря, какъ хартія, повѣствующая о знаменательныхъ для Одессы событіяхъ: въ самомъ началѣ мола мы видимъ бронзовую доску; на этомъ мѣстѣ, какъ гласитъ ея надпись, ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ ступилъ на свою землю, возвращаясь изъ подъ Варны въ 828 году. Итакъ первый шагъ на землю мола — воспоминаніе о славномъ для Россіи событіи; далѣе лежитъ пять громадныхъ пушекъ и якорь «Тигра» съ вензелями королевы Викторіи; на оконечности мола прославленная батарея Щеголева, на которой одно изъ подбитыхъ непріятелемъ орудій замѣнено снятымъ съ «Тигра», англійскимъ бомбическимъ.

П. Алабинъ.

7 октября 1854 г.

3. Воспоминанія очевидца О. О. Чижевича.

Приготовляясь отражать непріятеля съ моря, наши стратегики построили и вооружили береговыя батареи, начиная отъ дачи Ланжеронъ до бульварной лѣстницы, въ той увѣренности, что далѣе, къ Пересыпи, вслѣдствіе мелководья непріятельскіе корабли не пройдутъ. Послѣдняя батарея, знаменитая Щеголевская, находилась въ концѣ Практической гавани, прикрытая толстою стѣною, и состояла изъ четырехъ орудій. Такъ какъ батарею эту считали почти бесполезною, то и назначили командиромъ ея одного изъ младшихъ офицеровъ, прапорщика Щеголева, а къ орудіямъ приставили отставныхъ артиллеристовъ и таможенныхъ солдатъ. Ко всеобщему удивленію, непріятельскій флотъ, минуя всѣ грозныя батареи, подошелъ къ самой Пересыпи, гдѣ его вовсе не ожидали, и оттуда сталъ бомбардировать гавань.

Вслѣдствіе такого непредвидѣннаго инцидента, орудія на всѣхъ батареяхъ, обращенныя въ пустое пространство моря, молча были только свидѣтелями бомбардировки. Могла дѣйствовать одна только самая не-

значительная батарея Щеголева. Молодой офицеръ совсѣмъ было растерялся, но солдаты при орудіяхъ, старые служаки, храбро и стойко исполняли свою обязанность. Впрочемъ, ретироваться было еще опаснѣе, чѣмъ оставаться на мѣстѣ, подъ прикрытіемъ толстой стѣны. Все пространство земли между батареей и бульваромъ было покрыто непріятельскими ядрами, какъ покотанное поле плугомъ. Бивдюжники, подвизшіе снаряды на волахъ, бросили бивдюги и убѣжали. Нашлись, однако, смѣльчаки, студенты: Димитру, Пуль и Скоробогатый, впоследствии георгіевскіе кавалеры, которые сбѣжали по Бульварной лѣстницѣ и подъ градомъ бомбъ подошли къ бивдюгамъ и отвезли снаряды къ Щеголеву на батарею. Понятно, что бульваръ и ближайшія улицы были пусты, только нѣсколько военныхъ по службѣ и любопытныхъ, въ томъ числѣ и я, выглядывали изъ за угловъ домовъ на все происходившее. Но когда одно ядро попало въ нишесть памятника Ришелье и осколки разсыпались по площади, то мы упрятались совсѣмъ въ переулокъ. Было очевидно, что непріятель не желалъ разрушить города, а направлялъ свои снаряды въ гавань и въ тѣ мѣста, гдѣ показывались войска. Всѣ суда, стоявшія въ гаваняхъ, были обращены въ щепки. Выстрѣлы слѣдовали безпрерывно, залпами, и только по временамъ съ нашей стороны раздавались выстрѣлы изъ единственной, уцѣлѣвшей пушки Щеголевской батареи. Кажется непріятель не обращалъ никакого вниманія на эти выстрѣлы; но такъ какъ съ нашей стороны былъ единственный отпоръ, и случайно отпоръ этотъ длился до окончанія бомбардировки, то тотчасъ въ первое время всѣ были увѣрены, что Щеголевъ одною пушкою отбилъ непріятельскій флотъ. Только послѣ бомбардировки Севастополя поняли, какъ трудно было одною или двумя пушками отбить непріятельскій флотъ. Прапорщикъ Щеголевъ сдѣлался героемъ дня. Наслѣдникъ Цесаревичъ въ письмѣ своемъ называлъ его: «голубчикъ Щеголевъ». Посылались на него поздравленія и подарки изъ разныхъ мѣстъ Россіи. Дамы послали браслеты à la Щеголевъ, продавались панталоны à la Щеголевъ и т. п.

Когда непріятельскій флотъ, исполнивъ свою главную задачу, — разрушилъ гавань и всѣ стоявшія въ ней суда, — ушелъ, оставивъ только для блокады три парохода, мы начали приводить въ извѣстность наши потери. Въ городъ залетали видимо шальные ядра вследствие спальной качки. Вѣрно стрѣляли только суда, сидѣвшія на мели. По причинѣ качества нашего мягкаго камня, ядра ложились въ него какъ въ подушку или только пробивали стѣны, не производя трещины.

Кромѣ уничтоженія въ гавани судовъ, значительныя поврежденія оказались на Пересыпи, въ маленькихъ домахъ, за которыми стояли войска для огражденія десанта.

Спущенный на лодки десантъ не высадился на берегъ благодаря прибытію на Пересыпь городской пожарной команды, которую непріятель принялъ за артиллерию.

Получивъ отъ военнаго губернатора Крузенштерна порученіе освидѣтельствовать поврежденія, для опредѣленія убытковъ частныхъ лицъ, я нашелъ, что на бульварѣ болѣе другихъ пострадалъ домъ князя Воронцова. Въ канцелярію генераль-губернатора и домъ Маразли тоже попало нѣсколько ядеръ. Въ домѣ Столыпина (потомъ графа Строганова) ядро, пробивъ стѣну и прыгая въ залъ по паркету, испортило его, а также повредило зеркала и мебель. Въ Лондонскую гостиницу, содержимую Карутой, попало нѣсколько ядеръ, надѣлавшихъ много вреда. Болѣе всего пострадали маленькіе дома на Пересыпи и бѣднымъ домовладѣльцамъ было выдано отъ казны вознагражденіе. На Новомъ базарѣ ядромъ убило одну женщину.

Въ скорости послѣ бомбардировки произошло слѣдующее замѣчательное событіе, которое мнѣ близко знакомо.

Въ одно туманное утро садовникъ мой, проходя берегомъ моря, услышалъ на границѣ моей дачи съ дачею Кортацци (нынѣ Вагнера) говоръ на незнакомомъ языкѣ, шумъ отъ веселья и колокольный звонъ. Заподозрѣвъ присутствіе на водѣ непріятеля, онъ далъ знать объ этомъ ближайшему казачьему пикету. Оттуда поскакали въ городъ и въ скорости явилось на берегу военное начальство и казаки. Когда туманъ разошелся, къ величайшему удивленію, показался на разстояніи отъ берега не болѣе 50 сажень большой непріятельскій англійскій пароходъ „Тигръ“. Оказалось, что пароходъ во время тумана вскочилъ на подводную скалу и вѣзался килемъ такъ сильно, что не могъ двинуться ни назадъ, ни впередъ. Стараясь быть незамѣченнымъ, непріятель боялся дать пушечный сигналъ товарищамъ, двумъ пароходамъ съ нимъ крейсировавшимъ, только звонилъ въ колоколъ и тщетно употреблялъ всѣ усилія, чтобы сняться собственными средствами.

Стоя носомъ къ берегу, съ орудіями, обращенными по сторонамъ, непріятель не могъ стрѣлять по нашимъ изъ орудій и сталъ производить ружейную пальбу. На предложеніе сдаться командиръ парохода отвѣчалъ отказомъ и, въ надеждѣ прибытія помощи, продолжалъ отстрѣливаться. Но когда съ нашей стороны сдѣлано было нѣсколько выстрѣловъ изъ легкихъ орудій и однимъ изъ нихъ командиру паро-

хода, Джиффорду, оторвало ноги и многих ранило, флагъ былъ спущенъ, и пароходъ сдался.

Пароходъ „Тигръ“, одинъ изъ лучшихъ, былъ вѣчто въ родѣ морской школы. На немъ находились преимущественно гардемарины и мичманы, принадлежавшіе къ самымъ аристократическимъ англійскимъ семействамъ. Для принятія плѣнныхъ отправлены были на лодкахъ казаки. Небывалое событіе! *Казаки* взяли въ плѣнъ пароходъ. Когда плѣнныхъ свезли на берегъ, оставленъ былъ на пароходѣ и на берегу сильный караулъ.

Разсказывали, что когда плѣнныхъ везли въ карантинъ для обсервации, чрезъ Михайловскую площадь, на которой послѣ праздниковъ оставались неубранными столбы отъ качелей, плѣнные вообразили, что это висѣлицы, приготовленныя для нихъ, а самые молоденькіе даже расплакались.

Капитанъ Джиффордъ отъ раны скончался. Главнокомандующій послалъ женой его въ Лондонъ медальонъ съ волосами покойника, при письмѣ, выражавшемъ глубокую скорбь о погибшемъ храбрѣ морякѣ. Съ плѣнными обращались очень любезно и внимательно. Впослѣдствіи ихъ отправили внутрь Россіи.

Когда, послѣ плѣненія, для переговоровъ, послали къ нимъ нашего учителя англійскаго языка, одессита, то плѣнные отвѣчали, что не понимаютъ его языка. Была-ли это правда, или англійское упрямство—осталось не разъясненнымъ, но учитель былъ очень сконфуженъ.

На другой день послѣ взятія парохода, два другіе англійскіе крейсера увидѣли участь своего товарища. Чтобы не дать возможности воспользоваться призомъ, они порѣшили уничтожить свой пароходъ и стали въ него стрѣлять. Услышавъ пальбу, многіе—въ томъ числѣ и я—поѣхали изъ города поглядѣть, что происходило. Проѣзжая мимо лагеря, я замѣтилъ движеніе войскъ, но по дорогѣ никого не встрѣчалъ.

Приѣхавъ на свою дачу, къ небольшому домику, я тотчасъ замѣтилъ, что черепичная крыша разбита ядромъ. Войдя въ комнату, я увидѣлъ слѣды крови и на полу солдатскій сапогъ, въ которомъ оказалась оторванная или отрѣзанная человѣческая нога. Вылѣзшій изъ погреба садовникъ разсказалъ мнѣ, что послѣ первыхъ выстрѣловъ съ пароходовъ, ко мнѣ на дачу прибылъ баталіонъ пѣхоты и батарея полевой артиллеріи. Такъ какъ сосѣдняя дача Кортацци была покрыта густою растительностью, а моя, наоборотъ, рѣдкою и съ прогалинами, то на ней помѣстили всѣ эти войска. Когда наши орудія стали стрѣлять по пароходамъ,—они отошли дальше въ море и оттуда, находясь

внѣ выстрѣловъ легкихъ орудій, стали пускать залпами съ цѣлаго борта снаряды изъ своихъ бомбическихъ пушекъ въ наши войска. Въ скоромъ времени у насъ было подбито нѣсколько орудій, убиты лошадь и раненъ въ ногу артиллеристъ, ту самую ногу, которую ампутировали и оставили на полу въ моемъ домикѣ.

Когда съ нашей стороны прекратили бесполезную стрѣльбу, пароходы опять приблизились и стали пускать снаряды рикошетомъ по водѣ, весьма удачно попадая въ свой пароходъ и постоянно разрушая его болѣе и болѣе. Когда всѣ убѣдились, что выстрѣлы направляются исключительно на разрушаемый пароходъ и притомъ очень вѣрно, на берегу собралось много публики. Виднѣлись дамскія шляпки и зонтики, а смѣльчаки изъ простонародія бросались въ море и близко подплывали къ обстрѣливаемому пароходу. Картина была великолѣпная. Каждый пароходъ подплывалъ по очереди и, выпустивъ снаряды изъ всего борта, плылъ дальше, дѣлая полукругъ и вновь заряжая орудія. На его мѣсто немедленно являлся другой пароходъ и производилъ такой же маневръ.

Когда вся надводная часть парохода была разрушена, бомбардировка прекратилась.

Все побережье было покрыто плавающими частями парохода, мебелью, боченками съ виномъ и ромомъ и т. п. Не смотря на оцѣпление берега и строгій надзоръ, вещи расхищались, въ особенности вино и ромъ. Было нѣсколько смертныхъ случаевъ между солдатами отъ излишняго употребленія алкоголя.

И мнѣ садовникъ принесъ въ городъ ромъ, который онъ вынесъ черезъ цѣпь въ садовой поливальницѣ. Привезли мнѣ тоже нѣсколько досокъ палисандроваго дерева отъ обломковъ парохода, изъ которыхъ сдѣлана мебель и до сихъ поръ существующая. Въ городѣ появилось въ продажѣ много вещей: шкатулокъ, столиковъ, сигарочниковъ и т. п. съ надписью: «Тигръ», 30 апрѣля 1854 г.».

Во время бомбардировки весь берегъ былъ напичканъ засѣвшими бомбами—пятипудовыми. Многіе дома на дачахъ пострадали. На сосѣдней съ моею дачѣ С. И. Ралли непріятельское ядро, пробивъ стѣну дома, влетѣло въ спальню и упавши на кровать, завернулось въ одеяло. Къ счастью, въ кровати уже никого не было и ядро нашла горничная, убирая комнату.

Сколько ни старались англичане уничтожить свой пароходъ, все же осталась подводная часть и машина почти не поврежденною. Эту машину вытащили изъ воды и впослѣдствіи установили на Императорскую яхту, которой, въ память событія, дали наименованіе «Тигръ».

Изъ бомбическихъ орудій, снятыхъ съ парохода «Тигръ», извѣстный одесскій портовой боцманъ Джиджи-Мокки устроилъ на свой счетъ батарею въ концѣ Каватной улицы, изъ которой производили салюты прибывающимъ кораблямъ. Орудія эти однако вскорѣ полопались, какъ говорятъ, вслѣдствіе поврежденія чугуна во время горѣнія парохода.

Во второй разъ посѣтилъ Одессу непріятельскій флотъ, послѣ разгромленія и взятія Севастополя, въ концѣ сентября 1855 г.

Въ это время я съ семействомъ находился въ отпуску, въ своемъ имѣніи и, ничего не подозревая, отправился въ Одессу, предварительно одинъ для подготовленія квартиры къ пріѣзду семьи и другихъ хозяйственныхъ распоряженій. До этого я уже отправилъ въ Одессу подводы съ сѣномъ и провизіей. Экипажъ мой городской и лошади оставались въ Одессѣ. Подъѣзжая къ Одессѣ, версты за 20 (станція Ильинка) вижу впереди по дорогѣ медленно тянется ко мнѣ на встрѣчу длинный рядъ городскихъ экипажей, каретъ, фаэтоновъ, колясокъ и дрожекъ, точно похоронная процессія. Не могъ понять въ чемъ дѣло. Наконецъ, встрѣчаю своихъ лошадей, въ парадной упряжи, запряженными въ карету, наполненную дамами и дѣтьми, а на козлахъ съ кучеромъ сидитъ мой сосѣдъ по квартирѣ А. А. Вилинскій.

Остановился и спрашиваю, что все это значить.—Назадъ! назадъ! закричалъ мнѣ В., напрасно ѣдете въ Одессу, завтра тамъ не останется камня на камнѣ. Я позволилъ себѣ воспользоваться вашимъ экипажемъ и лошадьми, такъ какъ имъ предстояло погибнуть. Непріятельскій флотъ въ полномъ составѣ 90 вымпеловъ, стоитъ передъ Одессой и готовится къ бомбардировкѣ. Непріятель объявилъ, что въ прошлый разъ здѣсь онъ только пошутилъ, а теперь не оставитъ камня на камнѣ. Всѣ, кто можетъ, бѣгутъ изъ города подальше.

Я отвѣтилъ, что не вернусь, во первыхъ, потому, что состою на службѣ и долженъ находиться на своемъ мѣстѣ, а во-вторыхъ, — отправилъ въ городъ подводы съ сѣномъ и провизіей, которыя будутъ ждать моего пріѣзда. Знакомый расхохотался. «Зачѣмъ сѣно везти, чтобы усилить пожаръ?». Несмотря, однако, на всѣ его убѣжденія, я поѣхалъ впередъ, а не назадъ.

Спускаясь съ Жеваховой горы, я узрѣлъ великолѣпную картину: вечерѣло; при тихой, теплой погодѣ гладкая поверхность моря блестяла отъ лучей заходящаго солнца. Весь заливъ, начиная отъ дачи Лавжеронъ до дер. Дофиновки, покрытъ былъ кораблями и пароходами соединеннаго англо-французскаго флота. Городъ какъ будто съ уныніемъ и покорностію ждалъ своей участи. Нельзя было сомнѣваться,

что эта страшная армада съ двумя тысячами орудій, разгромившая Севастополь, можетъ въ одинъ день превратить беззащитную Одессу въ прахъ и пепель. Картина эта навела на меня ужасную грусть. Родной городъ! Завтра—однѣ развалины! Призываюсь, я даже заплакалъ.

Проѣздомъ вижу: всѣ дома пусты, ставни закрыты. Кое гдѣ торчатъ будочники и дворники. На бульварѣ пусто. Канцелярія военнаго губернатора перешла на Молдаванку, туда же и другія присутственныя мѣста. Въ переулкахъ: Воронцовскомъ и Театральномъ разостлана солома и покоится баталіонъ пѣхоты на случай десанта.

На другой день та же картина. Непріятельскій флотъ стоитъ неподвижно. Изъ Одессы уходитъ кто можетъ, захватывая съ собой драгоценности. Само начальство предлагаетъ жителямъ оставить городъ. Общее бѣдствіе. Благодествуютъ только подгородніе мѣщане, да нѣмцы-коловисты, которые появились съ тѣлегами и фургонами. За пару лошадей съ фургономъ или даже безъ фургона—подъ собственный экипажъ, за то, чтобы вывезти изъ города въ ближайшую деревню—брали по 200 рублей и болѣе. Возлѣ присутственныхъ мѣстъ стоятъ день и ночь нѣмецкіе фургоны, запряженные, готовые при первомъ выстрѣлѣ увозить бумаги и дѣла. Каждое утро на бульварѣ являются съ Молдаванки чиновники и граждане украдкой взглянуть, что происходитъ на морѣ, какъ ведетъ себя непріятельскій флотъ. Въ такомъ неприглядномъ состояніи городъ находился въ продолженіе шести дней. Съ своей стороны, я успѣлъ въ это время нагрузить на свои подводы, которыя явились съ сѣномъ и провизіей, лучшую мебель, люстры, зеркала, посуду и фортепіано. Все это прошло черезъ таможеню безъ пошлины и потомъ уже оставалось въ деревнѣ. Лошади мои, городскія, отвезши г. Вилинскаго съ семействомъ въ м. Севериновку, вернулись и были въ моемъ распоряженіи.

На шестой день распустили слухъ, что завтра непременно начнется бомбардировка.

Собираясь лечь спать, я старался приискать въ квартирѣ наиболѣе безопасное отъ выстрѣловъ мѣсто. Жилъ я на Преображенской, въ т. п. чудномъ домѣ, рядомъ съ домомъ графа Толстого. Самою безопасною комнатою оказалась передняя. Чтобы не быть застигнутымъ врасплохъ, я приказалъ дворнику съ разсвѣтомъ взобраться на крышу и посмотреть, что дѣлаетъ непріятельскій флотъ. Если замѣтитъ, что корабли строятся въ рядъ, то немедленно меня разбудить.

Около 6-ти часовъ утра явился ко мнѣ дворникъ съ донесеніемъ, что пароходы развели пары и сплочиваются въ одну линію. Нечего

было дѣлѣ сомнѣваться. Напившись наскоро чаю, я приказалъ за-
пречь экипажъ, собралъ въ салфетку разные документы и цѣипости,
и отправился на бульваръ поглядѣть, что дѣлается, съ намѣреніемъ
послѣ перваго выстрѣла уйти за городъ. На бульварѣ собралось уже
довольно любопытныхъ, которые, подобно мнѣ, ждали перваго выстрѣла,
чтобы удрать подалше. Вдругъ опустился на море сильный туманъ.
Ничего не видно, но и выстрѣловъ не слышно. Въ такомъ выжидатель-
номъ положеніи мы находились до 11 часовъ. Когда туманъ разсѣялся,
то, ко всеобщему удивленію и радости, рейдъ оказался пустымъ и
даже на горизонтѣ не видно было ни одного неприятельскаго судна.
Потомъ уже стало извѣстнымъ, что все это была военная хитрость—
привлечь къ Одессѣ войска изъ другихъ мѣстъ побережья. Въ тотъ-же
день въ 2 часа неприятельскій флотъ подошелъ къ Кинбурнской косѣ,
а на другой день бомбардировалъ Кинбурнскую крѣпость, подбилъ всѣ
крѣпостныя орудія и взялъ крѣпость вмѣстѣ съ 400 чел. гарнизона.

(«Изъ прошлаго Одессы» Л. М. Де-Рибаса).

4. Воспоминанія Л. Трахтенберга.

Это было въ пятницу, 9 апрѣля 1854 г. Мнѣ было около 14 лѣтъ
отъ роду, и я состоялъ воспитанникомъ 2-й гимназіи, находившейся
тогда на Преображенской улицѣ въ домѣ, гдѣ нынѣ «Одесская гости-
ница». На другой день, въ Страстную субботу 10 апрѣля, англо-
французскій флотъ подъ начальствомъ адмираловъ Дуидаса и Гамелена
началъ обстрѣливать городъ. Еще наканунѣ вечеромъ и ночью казна-
чейство было вывезено изъ города. Институтъ благородныхъ дѣвицъ
переехалъ въ Вознесенскъ, и масса жителей покинула городъ.

День былъ солнечный. Всѣ высыпали на бульваръ, музыка гре-
мѣла. Публика была въ хорошемъ настроеніи. Дамы разодѣты, съ
разноцвѣтными зонтиками. Вдругъ началась пальба, и большая часть
публики оставила мѣсто гулянія. Дней десять до того у насъ въ домѣ
подготовлялись къ событіямъ; складывали дорогія вещи въ погребѣ,
потомъ его замуровали.

Для нашей семьи было нанято помѣщеніе на Молдаванкѣ въ домѣ
Лебединскаго. Въ субботу въ городѣ наблюдалось большое движеніе;
онъ объявленъ былъ на военномъ положеніи, вслѣдствіе чего многіе
оставляли свои квартиры на произволь судьбы. Тѣмъ не менѣе, не
было ни воровства, ни грабежей.

Командующій войсками былъ генералъ-адъютантъ баронъ (впо-
слѣдствіи графъ) Дмитрій Ерофѣевичъ Остенъ-Сакенъ, отецъ нашего

теперешняго посла въ Берлинъ. На одной изъ батарей, вблизи бульвара,
находился молодой прапорщикъ Щеголевъ, отражавшій нападеніе не-
приятеля.

Я зашелъ въ кондитерскую Виланда, находившуюся тогда на
Почтовой улицѣ, въ домѣ, принадлежащемъ теперь г. Дунину. За
нѣсколько минутъ до того въ него попала бомба; другая попала въ
Городской садъ. Затѣмъ бомба и ядро попали въ домъ Родоканаки
(теперь Вейвштейна) и въ памятникъ Ришелье на Бульварѣ.

Союзный флотъ нѣкоторое время оставался въ виду Одессы, за-
тѣмъ удался, нѣсколько позже снова возвратившись въ большомъ
составѣ. Англійскій пароходъ «Тигръ» взлетѣлъ съ своимъ капитаномъ
Джифардомъ и частью экипажа въ воздухъ, близъ дачи Рено, на Ма-
ломъ Фонтанѣ. Бѣдный капитанъ Джифардъ скончался и былъ похоро-
ненъ съ воинскими почестями въ Одессѣ. Плѣнные, взятые съ паро-
хода, молодые англійскіе моряки, сыновья аристократическихъ се-
мействъ, содержались въ домѣ Парпути, теперь Калихмана, на углу
Почтовой улицы и Канатной. Въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка
я встрѣтилъ за границей книгу одного изъ бывшихъ плѣнныхъ: «Odessa
and his inhabitants», гдѣ авторъ подробно описываетъ нашъ городъ и
его жителей.

Я живо помню торжественное молебствіе въ синагогѣ въ праздникъ
пятидесятницы на Пушкинской (тогда Итальянской) улицѣ въ домѣ
Кесинса (бывшій Папудова). Были на этомъ молебствіи всѣ высшіе
представители военного и гражданскаго начальства, присутствовалъ
между почетными гостями также въ Бозѣ почившій высокопреосвящен-
ный Гавріилъ. Послѣ богослуженія покойный банкиръ Іоакимъ Ефрусси
предложилъ въ своемъ домѣ (гдѣ нынѣ находится агентство ю.-з. ж. д.)
на бульварѣ завтракъ властямъ и почетнымъ гостямъ.

Въ слѣдующемъ 1855 году незабвенный Императоръ Александръ
II Николаевичъ, блаженной памяти, удостоилъ своимъ посѣщеніемъ
красавицу Одессу, гдѣ Его Величеству представленъ былъ герой пра-
порщикъ Щеголевъ. Императоръ въ высокомиловидныхъ словахъ наз-
валъ этого браваго офицера «голубчикомъ», далъ ему св. Георгія и
три чина разомъ.

Одесса тогда была безъ воды, безъ мощенныхъ улицъ и троту-
аровъ. Кто изъ старожилловъ не помнитъ, какъ бывалъ труденъ пере-
ходъ съ одной улицы на другую, какъ опасна была ѣзда по немощен-
нымъ улицамъ, ночью погруженнымъ въ темноту! О газѣ и объ элек-

тричествѣ и помпну не было. Лѣтомъ жаждали стакана воды и ѣздили на Фонтаны въ экипажахъ, чтобы отдохнуть тамъ. Движеніе было трудное и для небогатаго люда совершенно невозможное.

(«Одесскія Новости», 10 Апрѣля 1904 г.).

5. Бомбардировка Одессы.

(Воспоминанія К. Скальковскаго).

Я гдѣ-то читалъ, что въ прежнія войны русская публика будто бы очень мало интересовалась военными событіями и только въ нынѣшнюю кампанію интересъ ея къ подобнымъ событіямъ проявился. Это совершенно невѣрно. Возбужденіе умовъ въ сербскую и восточную войны 1877 г. у всѣхъ въ памяти. Чрезвычайно русская публика интересовалась и итальянскою войною 1859 г. и франко-нѣмецкою 1870—71 гг. Въ крымскую войну было буквально то-же самое. Войною интересовались даже въ деревняхъ и моего пріятеля, покойнаго профессора П. В. Панаева, одна баба въ деревнѣ спрашивала, правда-ли, что посылаютъ въ Севастополь какихъ то двухъ гигантскихъ медвѣдей, которые должны съѣсть англичанъ?

Каждый день у насъ въ Одессѣ за столомъ только и было разговоръ, что о войнѣ; осаду Севастополя я до сихъ поръ помню изо дня въ день. Былъ даже какой-то таинственный телеграфъ, и безъ электрической проволоки слухъ о смерти императора Николая Павловича и паденіи Севастополя долетѣлъ до Одессы ранѣе полученія официальнаго извѣщенія.

Восточная война началась какъ разъ въ то время, когда я изъ втораго класса гимназіи перешелъ въ третій и былъ уже развитъ настолько, что читалъ газеты и историческія сочиненія.

Очень хорошо помню, какъ пошли первые слухи о войнѣ, какъ вернулся въ Одессу Меньшиковъ, какъ мой отецъ ѣздилъ къ нему представляться на пароходъ «Владиміръ», какъ вернулся въ Одессу наше константинопольское посольство съ Озеровымъ во главѣ. Живо помню успѣхъ глухихъ стиховъ: «Какъ въ воинственномъ азартѣ воевода Пальмерстонъ», рассказы о нашихъ безконечныхъ неудачахъ на Дунаѣ, о сраженіяхъ подъ Ольтеницей, причемъ начальствовалъ нашъ сосѣдь генералъ Даненбергъ, подъ Четати, о неудачномъ штурмѣ Арабъ-Табіи.

Побѣды на Кавказѣ и разгромъ турецкаго транспортнаго флота подъ Синопомъ являлись утѣшеніемъ. «Художественный Листокъ» Тима изображалъ виды этихъ сраженій. Послѣ Синопскаго дѣла, которое,

какъ тогда не знали, являлось нарушеніемъ давнаго нашими дипломатами обязательства, заговорили и о войнѣ съ союзниками. Наполеонъ I былъ очень популяренъ еще въ Россіи, но французовъ не очень любили, стчасти по свѣжимъ воспоминаніямъ войнъ начала XIX столѣтія, отчасти какъ союзниковъ поляковъ, къ которымъ на Югѣ Россіи относились довольно враждебно. Англичане, хотя наши постоянные противники въ Восточномъ вопросѣ, пользовались въ Одессѣ скорѣе симпатіями отчасти благодаря англomanіи ки. Воронцова, номпальнаго еще новороссійскаго генералъ-губернатора?

Англійскій консулъ Іемсъ, почтенный старый джентельменъ внушительнаго вида, домъ котораго съ большимъ садомъ въ концѣ Канатной улицы находился недалеко отъ нашего дома, былъ другомъ нашего семейства и я помню, какъ моя мать и м-те Іемсъ горько плавали, при прощаніи въ каравтивѣ, когда Іемсы уѣзжали въ Мальту, гдѣ старый Іемсъ и умеръ, не видавъ болѣе Одессы. Домъ его купилъ Вассаль.

Одессптовъ поразило вскорѣ затѣмъ извѣстіе, что стоявшія въ гавани иностранныя суда, нагруженныя хлѣбомъ, снялись съ якоря, говорятъ даже, обрубивъ причалы, и ушли одинъ за другимъ въ море. Между тѣмъ на другой день опубликовали Высочайшее повелѣніе о воспрещеніи вывоза хлѣба за-границу.

Этотъ выпускъ кораблей повлекъ за собою отдачу подъ судъ исправляющаго должность новороссійскаго генералъ-губернатора Федорова, начальника таможеннаго округа Местмахера, капитана надъ карантиннымъ портомъ Потемкина и другихъ лицъ. Дѣло съ внѣшней стороны подробно изложено въ извѣстномъ сборникѣ процесовъ Любавскаго и за смертью Федорова окончилось ничѣмъ. Местмахеръ былъ даже потомъ градоначальникомъ въ Одессѣ.

По тогдашнимъ одесскимъ рассказамъ это некрасивое дѣло можетъ служить блестящей иллюстраціей нашихъ канцелярскихъ порядковъ. Федоровъ былъ человекъ хотя мало образованный, но честный и исполнительный, скорѣе даже строгій. Онъ ходилъ съ костью, которымъ „дверемъ затвореннымъ“ „училъ“ одесскаго полиціймейстера и другихъ провинившихся чиновниковъ. Долголѣтнее управленіе Федорова Бессарабіей составляетъ эпоху въ исторіи этой страны: онъ переловилъ всѣхъ разбойниковъ, нагналъ страхъ на воровъ и укротилъ помѣщиковъ и чиновниковъ, грабившихъ безъ церемоніи бѣдныхъ молдаванскихъ царанъ. Орудіемъ для этого дѣла была та-же клюка. Пріѣхавъ какъ то въ Аккерманъ, Федоровъ отправился въ земскій судъ, переколотивъ всѣхъ его членовъ и на память положилъ свой костью на столъ въ

присутствіи около зеркала. Историческая палка эта лежала тамъ много лѣтъ, внушая спасительный страхъ кому слѣдуетъ.

Что были тогда полицейскія учрежденія, показываетъ слѣдующій анекдотъ. Одесскій военный губернаторъ гр. Ланжеронъ, желая обругать своихъ чиповниковъ, сказалъ имъ:

— Ви баранъ, ви овецъ, (прикладывая кисть руки къ подбородку) мэ...э, vous êtes нижній земскій судья!

Въ 1854 г. Федоровъ, начавъ службу солдатомъ и бывший въ Николаевѣ полиціймейстеромъ, уже опустился, постарѣлъ, сталъ болѣзненъ и на него получилъ исключительное вліяніе старый плутоватый аудиторъ Гужва. По слухамъ, одесскіе хлѣбные негодіанты-греки, по полученіи извѣстія о воспрещеніи вывоза хлѣба за границу (цѣны были очень высокія уже съ 1853 г.), поговорили «коммерческимъ образомъ» съ Гужвою, который, какъ старый крючкотворъ, придумалъ слѣдующій простой съ виду фортель.

По полученіи Высочайшаго повелѣнія, вмѣсто того, чтобы послать немедленно черезъ казака капитану надъ портомъ приказъ задержать суда, на что требовалось полчаса, Гужва предложилъ исполнить Высочайшее повелѣніе «законнымъ порядкомъ», т. е. дать письменное предписаніе начальнику таможеннаго округа, тотъ долженъ былъ сообщить его таможи, та капитану надъ портомъ и корабельному смотрителю.

Пока предписанія эти предписывались и гуляли отъ одного протоколита къ другому, суда быстро нагрузились пшеницей, ночью выправили судовые документы и къ утру ушли въ море...

Въ это время хотя общее убѣжденіе было, что союзники Одессу, какъ городъ полуиностранный, созданный для всемірной торговли французами, итальянцами и греками, не тронуть, начали сооружать укрѣпленія.

Одесскій портъ тогда вовсе не былъ похожъ на нынѣшній; море доходило до подножія Бульвара, вплоть до находящейся у конца знаменитой лѣтницы церкви. Молы, сооруженные по проекту де-Волана, выдавались недалеко въ море.

Наскоро было возведено шесть батарей, для которыхъ частью пользовались каменною стѣною, ограждавшею молы отъ волнъ, частью насыпями изъ земли. По картамъ Пересынь считалась недоступною и батареи, повернутыя на юго-западъ, охраняли пространство только отъ мыса Ланжерона до военного мола.

Для вооруженія батарей преспокойно вырыли изъ земли екатери-пипскія чугунныя пушки, вбитыя въ гавани для причаливанія кораблей и попробовали усиленными зарядами пороха. Какія пушки не лопались, ставили на лафеты, а для нагрѣва до красна ядеръ наскоро построили простыя печи. Каленныя ядра были опасны для тогдашнихъ деревянныхъ кораблей; къ сожалѣнію наши пушки не брали далѣе 300 сажень.

Вскорѣ послѣ побѣга судовъ появился первый непріятельскій пароходъ «Фуріусъ» и сталъ дѣлать промѣры въ порту. Хотя уже тогда была окончена опись Чернаго моря и атласъ Манганари продавался, но англичане — въ чемъ оказались они были правы — не очень довѣрялись точности русскихъ картъ. Пароходу дали сигналы холостыми выстрѣлами остановиться, а затѣмъ пустили ядро, попавшее въ кожухъ. При этомъ выстрѣлъ оказалось, что съ борта, противоположнаго къ порту (такъ увѣрялъ Потемкинъ), отходила шлюпка подъ парламентерскимъ флагомъ, чтобы спросить, уѣхалъ-ли Іемсъ?

Англичане увѣрили, что Потемкинъ стрѣлялъ, видя парламентаря, а потому прислали три парохода, которые занялись ловлею каботажныхъ судовъ, такъ-называемыхъ «грицьковъ» или «херсонскихъ лодокъ», а затѣмъ въ четвергъ на Страстной недѣлѣ появился цѣлый флотъ. Мы любовались на него съ Бульвара и особенно съ дачи Ланжерона, тогда еще не провалившейся въ море.

Флотъ привезъ требованіе выдать все находившіяся въ портѣ суда. Я очень живо помню, какъ въ ночь съ 9-го на 10-е апрѣля меня разбудилъ шумъ въ домѣ. Оказалось, что изъ соседняго штаба 5 корпуса (домъ его былъ около нашего дома) любезно прислали предупредить отца, что утромъ будетъ бомбардировка. Кое-какія вещи наскоро укладывались частью для перевозки въ случаѣ пожара, частью для спрятанія въ погребъ. Для предохраненія отъ мелкихъ осколковъ снарядовъ, отецъ клалъ на окна, выходящія на улицу, томы Полнаго собранія законовъ. Ни у кого страха не было, а мы, дѣти, были въ восторгѣ. Волновалась только завѣдующая у насъ хозяйствомъ польская дворянка Теофиля Ивановна, ибо въ субботу пекутся на Югѣ Россіи безчисленныя бабы и куличи, по мѣстному «пасхи», а для подъема тѣста требуется полное спокойствіе и тишина. Теофиля Ивановна боялась, что отъ бомбардировки бабы сядутъ. Не смотря на бомбы, бабы взошли, однако, отанчно и мы ихъ ѣли по обыкновенію съ жадностью въ первый день послѣ поста, тогда еще аккуратно исполняемаго. Только отецъ никогда не постился, увѣряя, что архіерей разрѣшилъ ему это по слабости здоровья.

Утромъ въ семь часовъ при первыхъ выстрѣлахъ мать съ маленькими дѣтьми сѣла въ карету и поѣхала къ г-нѣ Протопоповой, вдовѣ профессора Московскаго университета, жившей около собора, отецъ, его секретарь Захарьевичъ и Теофиля Ивановна остались дома, который находился недалеко отъ моря; насъ, гимназистовъ, въ 9 часовъ отпустили пѣшкомъ, запретивъ ходить на Бульваръ и вообще берегъ моря. Но мы съ братомъ Александромъ немедленно спустились въ Карантинную балку, на которой еще тогда не было Строганова моста, и отправились по ней къ порту, чтобы подняться по Нарышкинскому спуску.

Утро было великолѣпное. Непрiятельскiй флотъ стоялъ вдали спокойно, не отдѣлившiеся отъ него семь париходовъ, идя въ кильватеръ вдоль гавани, сдѣлавъ разъ выстрѣлъ или залпъ съ одного борта, переворачивались и, пока заряжались орудiя, стрѣляли съ другого борта. Бомбы лопались часто въ воздухъ, образуя облачко. Картина была очень красивая. Париходы обстрѣливали преимущественно Практическую гавань; отъ время до времени попадали бомбы и въ городъ. Наши батареи отвѣчали рѣдко, и ясно было видно, какъ ихъ ядра не долетали. Непрiятельскiе снаряды долетали до Каѳедральнаго собора на Преображенской площади, гдѣ проходило архiерейское служенiе. Оно было описано затѣмъ очевидно со словъ архiепископа Инокентiя, знаменитаго витiя, а тогда одесскаго iерарха, но не совсемъ вѣрно.

Мы были съ братомъ и въ соборѣ какъ разъ въ моментъ, когда одна изъ бомбъ лоннула вблизи Соборной площади. Молящiеся, которыхъ было много, хотя далеко до наполненiя церкви, зашевелились, но остались въ церкви. Архiерей сказалъ приблизительно слѣдующее: «Вы слышите громы непрiятеля, они возвѣщаютъ славу Россiи!» Надо однако замѣтить, что слышно это было не многимъ, потому что Инокентiй говорилъ рѣчи всегда очень тихо, на греческiй манеръ, въ пось. Архiерей долженъ былъ тогда изображать человѣка, истомленнаго поствомъ и молитвою. Вообще рѣчи Инокентiя имѣли болѣе успѣха въ чтенiи, чѣмъ на каѳедрѣ; популярнымъ онъ въ Одессѣ никогда не былъ, всѣ считали его ученымъ, но корыстолюбивымъ; не помогли и его двукратныя поѣздки въ осажденный Севастополь *). Славу ему выписали болѣе Погодинъ, а затѣмъ Паллмисестовъ.

*) Удивительною, наоборотъ, популярностью пользовался въ Одессѣ архiепископъ Дмитрiй. Этого безсребренника читали даже евреи. Съ виду онъ былъ мужиковать и не краснорѣчивъ.

Какъ и рѣчь Инокентiя, одесская бомбардировка была весьма разукрашена въ реляцiи и приказѣ генералъ-адъютанта Остенъ-Сакена, знаменитаго «Ерофѣича», командовавшего тогда войсками въ Одессѣ. Затѣмъ со словъ якобы «очевидцевъ» повторялись объ этомъ событiи сильно преувеличенныя описанiя *). Г. Барсуковъ въ XIII т. жизнеописанiя Погодина повторилъ эти басни. Погодинъ писалъ трогательно, что союзники собрались «разрушить городъ», что «дрогнула земля, поколебались стѣны домовъ и солнце скрылось въ тучахъ порохового дыма». Какая-то княгиня Репнина, описывая, что въ соборѣ священники исповѣдывали,—что неудивительно, ибо это была Страстная недѣля, прибавляетъ: «всѣ готовились къ смерти!» Въ письмѣ Инокентiя: сказано «въ самый день Свѣтлаго Воскресенiя непрiятель прекратилъ огонь», когда онъ прекратилъ его еще наканунѣ въ 2 часа и слабо стрѣлялъ затѣмъ до шести.

И до сихъ поръ испадаются подобныя-же описанiя. Недавно я читалъ въ газетахъ денешу о томъ, что Одесса рѣшила увѣковѣчить «побѣду, одержанную прапорщикомъ Щеголевымъ противъ соединенной англо-французской эскадры», а корреспондентъ «Южнаго Края» написалъ даже, что Щеголевъ «разбилъ англiйскiй париходъ «Тигръ», флагъ котораго сохраняется въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ».

Въ дѣйствительности, хотя въ городъ попало по невѣрности стрѣльбы отъ качки судовъ не мало снарядовъ, однимъ изъ коихъ отбило уголь памятника Ринелье на Бульварѣ, а другимъ повредило домъ англiйскаго консула, о которомъ я говорилъ выше, но союзники не имѣли цѣлью разрушить городъ. Они имѣли у Одессы огромный флотъ, стоявшiй на якорѣ, но флотъ этотъ оставался спокойнымъ зрителемъ. Стрѣляли, какъ сказано, семь судовъ, къ которымъ подъ конецъ, когда загорѣлся париходъ «Вобанъ», присоединился двухдечный корабль «Сампарейль».

Отъ выстрѣловъ въ городѣ убито было изъ числа жителей только трое, а ранено восемь. Зато суда въ такъ-называемой Практической гавани были сожжены или потоплены. Гавань называлась Практической, ибо въ ней, какъ назначенной для каботажна, не было карантинна. По карантинной терминологiи, по выдержанiи карантинна суда выпускаются «на практику», т. е. могутъ свободно грузиться.

*) Даже въ исторiи Одессы, изданной въ 1894 г. одесскою думою, говорится о какомъ-то фантастическомъ «плѣненiи во время бомбардировки 3-хъ непрiятельскихъ париходовъ». Правдивое описанiе Л. М. де-Рибаса имѣется только въ книгѣ «Изъ прошлаго Одессы».

Это выраженіе подало поводъ къ одесской остротѣ. Храбрый ген. Лидерсъ, командиръ 5 корпуса, ухаживалъ за красавицею, женою одного греческаго негодявта, не говорившаго иначе, какъ: «moi, le zénéral Luders et ma femme». Когда сія гречанка какъ-то заболѣла и кто-то спросилъ мужа о ея здоровьѣ:

— Oh, elle est déjà longtemps en libre pratique, пренаивно отвѣчалъ онъ.

Батарея № 6 въ четыре орудія, устроенная въ концѣ военнаго мола Практической гавани, подвергалась наибольшей опасности. Названіе мола ввело, повидимому, въ заблужденіе союзниковъ, считавшихъ Практическую гавань военною. Орудія были поставлены въ амбразуры каменной изъ известняка стѣнки.

На эти четыре орудія, которыми завѣдывалъ выпущенный годъ передъ тѣмъ изъ Дворянскаго полка прапорщикъ Щеголевъ и прислуга которыхъ состояла изъ безсрочно отпускныхъ артиллеристовъ и таможенныхъ досмотрщиковъ, и обратили особое вниманіе пароходы, послѣ того, какъ они разбились зданія, стоявшія на углу Военнаго спуска и суда въ гавани. Щеголевъ долго и храбро отстрѣливался, не взирая на взрывъ у него заряднаго ящика и на пожаръ въ тылу деревяннаго магазина казенной Пароходной экспедиціи. У него было подбито два орудія, онъ стрѣлялъ изъ остальныхъ и оставилъ свой постъ, имѣя на это разрѣшеніе, когда пароходъ, не обращая вниманія на казенныя морскія карты, подвинулся къ Пересыпи, чтобы сжечь тамъ ракетами казенные соляные магазины и зашли въ тылъ всѣмъ одесскимъ батареямъ и въ томъ числѣ Щеголевской.

Къ шести часамъ вечера бомбардировка, продолжавшаяся непрерывно около 12 часовъ, прекратилась и мы всѣ вернулись домой. Противъ нашего дома въ пустой хлѣбный магазинъ Новикова попала бомба, разорвалась и убила .. крысу.

Четыре дня спустя весь непріятельскій флотъ, состоявшій изъ 19 линейныхъ кораблей и 9 пароходовъ, снялся съ якоря и ушелъ. Командовали имъ адмиралы Дундасъ и Гамленъ. Немедленно всѣхъ новорожденныхъ собакъ и въ томъ числѣ въ нашемъ домѣ прозвали «Дундасами» и «Дундасиками», оставивъ Гамелена въ покоѣ.

На третій день послѣ бомбардировки отецъ привезъ къ намъ обѣдать Щеголева. Это былъ истинно русскій герой въ томъ родѣ, какъ описываетъ Толстой. Ничего общаго съ Георгіемъ Побѣдопосцемъ или Ричардомъ Львиное Сердце онъ не имѣлъ. Щеголевъ представлялъ оглохшаго, молодого, безусаго прапорщика въ веспушкахъ, съ рыжими

слегка опаленными волосами. Онъ держалъ себя чрезвычайно скромно, застѣнчиво, вовсе не рисуясь даже по полученіи отовсюду самыхъ лестныхъ поздравленій. Онъ затѣмъ бывалъ у насъ въ домѣ и имъ Одесса и вся Россія интересовалась, пока Севастополь не создалъ сотни подобныхъ-же героевъ. О Щеголевѣ тогда совсѣмъ позабыли и только уже въ чинѣ полковника, когда Александръ II встрѣтилъ его случайно въ Кіевѣ, онъ сдѣлался флигель-адъютантомъ.

Кромѣ Щеголева Остенъ-Сакепъ въ реляціи отличилъ штурманскаго унтеръ-офицера Рыбакова, студентовъ Ришельевскаго лицея, Деминтру, Скоробогатаго и Пуля и ученика Одесскаго училища садоводства Бодаревскаго. Первые четыре получили солдатскаго Георгія и гордо послали его на Бульваръ.

Подвигъ ихъ состоялъ въ томъ, что они переносили приказанія Щеголеву, а кромѣ того пригнали на батарею «бендюги» со снарядами, брошенные погонщиками. Тогда снаряды возили еще такимъ примитивнымъ образомъ.

Награда молодымъ людямъ воспалила воображеніе всѣхъ одесскихъ юношей до того, что мы дни и ночи только и мечтали о новой бомбардировкѣ, чтобы идти на батарею. Когда флотъ снова пришелъ въ концѣ сентября 1855 г., была общія радость въ гимназій, но флотъ скоро ушелъ къ Кинбурну и геройское настроеніе кончилось.

Это ожиданіе новой бомбардировки стало махіей всѣхъ жителей. Въ домѣ моего дяди жилъ сирота мальчишка Федька, лѣтнѣй и забулдыга. Какъ-то мы сидимъ и слышимъ крикъ «стрѣляютъ!» Оказалось, что Федька забрался днемъ спать подъ кровать, тамъ переворачиваясь онъ стукнулся лбомъ объ уголь, искры посыпались у него изъ глазъ и съ просонья онъ вообразилъ, что уже пришли желанные англичане!

Вообще одесское населеніе держало себя во время боя бодро, показываясь даже на Приморскій бульваръ, гдѣ стояла тогда знаменитая пушка, стрѣлявшая въ полдень и которую во время войны украли одесскіе «шарлатаны!» За свою твердость городъ удостоился Высочайшей грамоты, которую читали и въ соборѣ, и на Бульварѣ у памятника Ришелье. вмѣстѣ съ гимназіей я присутствовалъ при этомъ чтеніи, происходившемъ при прекрасной погодѣ и сопровождавшемся вечеромъ феерверкомъ. Последніе были тогда въ большой модѣ.

Одесса построена изъ мягкаго третичнаго известняка. Поэтому снаряды свободно проходили черезъ ея стѣны, какъ черезъ тѣсто, не разваливая зданій. Зато очень легко было опредѣлять тѣ мѣста, куда попали снаряды. Эти мѣста послѣ бомбардировки украсились надписями

вродѣ тѣхъ, которыя долго существовали въ Петербургѣ послѣ наводненія 1824 г. Въ домѣ англомана Воровцова у подножья его дворца попало 200 снарядовъ.

Бомбы были тогда съ пистонами и многіе не рвались, почему послѣ бомбардировки было нѣсколько несчастныхъ случаевъ съ мальчишками, которые, найдя бомбу, хотѣли камнями съ мостовой сбить пистонъ, чтобы посмотреть, что такое положено внутри.

Торговый духъ одесситовъ скоро сказанся. Началась торговля осколками бомбъ. Ихъ брали на память. Когда же у берега Одессы былъ взятъ пароходъ «Тигръ», каютъ-компанія котораго была отдѣлана краснымъ деревомъ, то открылась фабрикація преспанье и другихъ вещей изъ красного дерева съ картечною пулею или осколкомъ снаряда съ соотвѣтственною надписью. Скоро, конечно, не хватило настоящего дерева съ «Тигра» и пошли въ ходъ куски старой мебели (тогда она была обыкновенно изъ красного дерева), а обломки снарядовъ собирались въ старой Одесской крѣпости.

Я отчасти былъ свидѣтелемъ гибели означеннаго парохода, сѣвшаго на мель у дачи Кортацци въ Одессѣ 30 апрѣля по случаю тумана и существующей около Одессы магнитной аномаліи. Сдача произошла утромъ; пароходъ сѣлъ такъ близко къ высокому берегу, что орудія его стрѣлять не могли. Нѣсколько выстрѣловъ нашей кавной батареи и сотни дунайскихъ казаковъ вынудили англичанъ спустить флагъ.

Прибѣжавшая съ базара кухарка сообщила намъ объ этомъ событіи. А тутъ подвернулся командиръ 2-го дунайскаго казачьяго полка Тихановъ, онъ взялъ меня съ собою въ дрожки и мы поѣхали къ Малому Фонтану. Въ это время вели уже плѣнныхъ, окруженныхъ казаками, для помѣщенія въ опустѣвшія по случаю войны зданія карантинна.

Къ обѣду, т. е. около 2-хъ часовъ, вся Одесса въ экипажахъ и пѣшкомъ собралась около дачи Кортацци. Поѣхало и наше семейство. Пароходъ, разбитый выстрѣлами пришедшихъ на помощь двухъ английскихъ пароходовъ, догоралъ и произошелъ весьма эффектный взрывъ, на который мы и полюбовались. Послѣ взрыва остатки парохода были живо разграблены, а выброшенные ранѣе въ море англичанами для облегченія судна боченки, содержавшіе не мало рому, тщательно собраны толпою и тутъ-же розданы.

Двѣ бомбическія пушки съ «Тигра» перетащили на батарею, которую построилъ на свой счетъ Джиджи (Осипъ) Мокко, близъ нашего дома въ концѣ Карантинной улицы.

Этотъ итальянецъ, толстый краснокожій брюнетъ, походившій съ виду на ипрата, былъ весьма популяренъ въ Одессѣ. Онъ былъ владельцемъ спасательной лодки, выѣзжавшей въ бури подавать помощь гибнущимъ кораблямъ. По слухамъ, человекъ дѣловой, Мокко, подѣзжая, сначала торговался о вознагражденіи за спасеніе, а въ случаѣ если въ цѣнѣ не сходился, то преспокойно возвращался обратно, представляя корабль собственной участи. Такія операціи дали ему возможность построить въ Одессѣ домъ и, для очистки репутаціи, отпустить деньги на батарею. Одна изъ английскихъ пушекъ при испытаніи разорвалась. На батареѣ Мокко мы, мальчишки, проводили цѣлые дни.

Плѣнные съ «Тигра», конечно, очень интересовали одесситовъ. Весь городъ собрался на похороны командира парохода Джифарда, которому оторвало ногу. Похороны были въ карантинѣ. Гробъ везли на лафетѣ; кромѣ русскихъ войскъ его сопровождала вся команда и офицеры «Тигра». Меня поразили большіе воротнички английскихъ офицеровъ и то, что чуть-ли не самое главное мѣсто у гроба занимали два юные гардемаринца. Это были лорды Гампльтонъ и Эльсингтонъ. Кажется, первый приходился родственникомъ князя Воронцова, сестра котораго была замужемъ за лордомъ Пемброкомъ.

Любезность къ плѣннымъ выражалась и другимъ образомъ: ихъ нарасхватъ приглашали въ гости, а тогда по изобилію кавалеристовъ балы въ Одессѣ были каждый день. На английскихъ офицеровъ приходилось записываться. И у насъ въ домѣ былъ данъ для англичанъ вечеръ. Приѣхали трое: морякъ, артиллеристъ и огромнаго роста въ красномъ мундирѣ морской пѣхотинецъ. Они держали себя просто и непринужденно; барышни, отличающіяся въ Одессѣ веселостью, забрали ихъ въ свои руки и смѣялись надъ неловкостью англичанъ въ попыткахъ танцевать мазурку. Вообще, неотлапочающіеся слухомъ, англичане не могли танцевать въ тактъ.

Англичанамъ, особенно нижнимъ чинамъ, такъ понравилось угощеніе одесситовъ, что они неохотно уѣзжали изъ плѣна.

Экипажъ «Тигра» былъ обмѣненъ на чиновъ Балаклавскаго греческаго баталіона, взятыхъ въ плѣнъ при переходѣ союзниковъ на Южную сторону и при обмѣнѣ человекъ на человекъ нѣкоторые матросы, оказавшіеся въ излишкѣ, предлагали за рубль или за два остаться, уступивъ свое право обмѣна товарищамъ.

Балаклавскій баталіонъ былъ курьезное учрежденіе. Образованный изъ мѣстныхъ грековъ, онъ считался регулярнымъ войскомъ и подчинялся новороссійскому генералъ-губернатору. Одѣты были балаклавцы

въ черные мундиры довольно тонкаго по тому времени сукна съ красными воротниками, на головѣ имѣли кожаные кивера той формы, что носятъ англійскіе полицмейеры. Они были, по настоянію гуманнаго Воронцова, избавлены отъ тѣлеснаго наказанія.

Это давало балаклавцамъ высокое понятіе объ ихъ привилегированномъ положеніи. Когда на инспекторскомъ смотру какой-то генералъ сказалъ: «Здорово, ребята», то батальонъ промолчалъ.

Къ удивленному генералу подошелъ чуть-ли не столѣтній командиръ батальона Манто и сказалъ:

— Здѣсь маленькихъ ребятъ нѣтъ, мы все гуспода.

По возвращеніи изъ плѣна отдаленныхъ родственниковъ Ифигенія въ Тавридѣ распредѣлили по армейскимъ полкамъ, гдѣ они, не смотря на свои привилегіи, скоро вкусили предести «комкавій мордасовъ» отъ тогдашнихъ Живновскихъ. Послѣ войны батальонъ былъ упраздненъ.

(«Нов. Время», 10 Апрѣля 1904 г.).

6. По поводу статьи г. Скальковскаго о бомбардировкѣ Одессы въ 1854 году.

Въ «Новомъ Времени» 10 апрѣля сего года, велѣдъ за патристическимъ *Маленькимъ Письмомъ* г. Суворина, напечатанъ фельетонъ г. Скальковскаго, подъ названіемъ: *Бомбардировка Одессы* (стр. 52).

Въ этомъ фельетонѣ мы съ прискорбіемъ читаемъ:

Непріятельскіе снаряды долетали до Каѳедрального собора, на Преображенской площади, гдѣ происходило архіерейское служеніе. *Оно было описано затѣмъ, очевидно, со словъ архіепископа Иннокентія*, знаменитаго витія, а тогда Одесскаго іерарха, но не совсѣмъ вѣрно.

Мы были съ братомъ и въ соборѣ какъ разъ въ моментъ, когда одна изъ бомбъ лопнула вблизи Соборной площади. Молящіеся, которыхъ было много, хотя далеко до наполненія церкви, зашевелились, но остались въ церкви. Архіерей сказалъ приблизительно слѣдующее: «*Вы слышите громы непріятели, они возвѣщаютъ славу Россіи!*» Надо, однако, замѣтить, что слышно это было немногимъ, потому что Иннокентій говорилъ рѣчи всегда очень тихо, на греческій манеръ, въ пось. *Архіерей долженъ былъ тогда изображать человека, истомленнаго постомъ и молитвой.* Вообще рѣчи Иннокентія имѣли болѣе успѣха въ чтеніи, чѣмъ на каѳедрѣ; популярнымъ онъ въ Одессѣ никогда не былъ, всѣ считали его ученымъ, но корыстолобивымъ; не помогли и его двукратныя походы въ осажденный Сева-

стополь. Славу ему выписали болѣе *Погодинъ*, а затѣмъ Палимпсестовъ

Какъ и рѣчь Иннокентія, одесская бомбардировка была *весьма разукрашена* въ реляціи и приказѣ генералъ-адъютанта Остенъ-Сакена, знаменитаго „Ерофѣича“, командовавшего тогда войсками въ Одессѣ. Затѣмъ со словъ якобы „очевидцевъ“ повторялись объ этомъ событіи съильно *преувеличенныя описанія*. Г. Барсуковъ въ XIII т. *жизнеописанія Погодина повторилъ эти басни*. Погодинъ писалъ трогательно, что союзники собрались „разрушить городъ“, что „дрогнула земля, поколебались стѣны домовъ и солнце скрылось въ тучахъ пороховаго дыма“. *Какая-то княгиня Репнина*, описывая, что въ соборѣ священники исповѣдывали.—что не удивительно, ибо это была Страстная недѣля, — прибавляетъ: „всѣ готовились къ смерти!“ Въ письмѣ Иннокентія сказано: „въ самый день Свѣтлаго Воскресенія непріятель прекратилъ огонь“, когда онъ прекратилъ его еще наканунѣ въ 2 часа и слабо стрѣлялъ затѣмъ до шести*).

Въ отвѣтъ на эти строки, позволяемъ себѣ напомнить соотечественникамъ ту страничку изъ книги XIII-й «*Жизнь и труды*» М. П. Погодина, въ которой, по словамъ г. Скальковскаго, я «повторилъ басни» о бомбардировкѣ Одессы. На этой «баснословной» страничкѣ написано у меня.

„Въ Великій Четвертокъ“, 8 апрѣля 1854 года, непріятельскій флотъ уже стоялъ предъ Одессой во всемъ страшномъ своемъ вооруженіи. Высокопреосвященный Иннокентій совершалъ Божественную литургію въ Каѳедральномъ соборѣ. Молящійся народъ былъ смущенъ. Съ словомъ Евангельскаго утѣшенія обратился Иннокентій къ молящимся и сказалъ: *Да не смущается сердце ваше, вѣруйте въ Бога и въ Мя вѣруйте. Держайте, яко Азъ побѣдихъ міръ.* «Когда»,— вопрошалъ святитель,— «открываются предстоющія намъ искушенія?— Открываются вмѣстѣ съ началомъ страданій Христовыхъ: такимъ образомъ мы будемъ проходить ихъ, такъ сказать, подъ сѣнію Креста Христова... Самій день пылѣвшій, въ которой явились противу насъ враги, служить уже для насъ знаменіемъ во благо»...

«На другой день, въ Великій Пятокъ, англичане и французы тѣснѣе обложили берегъ... Архіепископъ-же Иннокентій стоялъ на Божественной стражѣ и проповѣдывалъ...»

*) Курсивъ въ этой выпискѣ сдѣланъ нами. Н. Б.

10 апрѣля, въ Великую Субботу, англичане и французы начали правильную бомбардировку Одессы. Въ 6 час. утра раздался первый пушечный выстрѣлъ, за нимъ второй, третій, четвертый... и въ несколько минутъ воздухъ огласился страшнымъ громомъ—дрогнула земля, поколебались стѣны домовъ, в солице скрылось въ тучахъ пороховаго дыма... Между тѣмъ, среди Кафедральнаго собора возвышалась Св. Плащаница.. Архіепскопъ Иннокентій совершалъ Божественную литургію...

Въ это время въ Одессѣ пребывала княжна *Барвара Николаевна Репнина*, и она свидѣтельствуеъ: „Такъ какъ въ домовой нашей церкви обѣдня служилась поздно, то мы отправились въ соборъ, гдѣ служилъ самъ преосвященный Иннокентій. Во всѣхъ углахъ собора стояли аналои, и священники исповѣдывали: всѣ готовились къ смерти. Я стала противъ преосвященнаго. Загудѣлъ первый ударъ, затрещало въ куполѣ; у преосвященнаго на бородѣ ни одинъ волосъ не дрогнулъ: спъ продолжалъ служеніе медленно, благоговѣнно“... Богослуженіе близилось къ концу; пѣли причастный стихъ; вдругъ раздался оглушительный взрывъ.

«... Тогда, по свидѣтельству очевидца, крѣпкія стѣны соборнаго храма поколебались; стекла задребезжали,—пѣніе умолкло, и народъ, пораженный страхомъ, опустился на церковный полъ. Всѣмъ представилось, что куполъ собора отъ сотрясенія разрушится. Раздались рыданія и вопли... И въ эти-то минуты едва-ли не одинъ Иннокентій сохранилъ полное присутствіе духа! Царскія врата отверзлись... Выждавъ, пока испуганный народъ пришелъ въ себя, владыка вышелъ изъ алтаря, взялъ пастырскій жезлъ и началъ бесѣду: «И такъ, вы не рѣшились оставить Гроба Спасителя своего и въ эти грозныя минуты, когда смерть и пагуба носятя надъ собственными главами вашими!... Привѣтствуя васъ, возлюбленные, съ симъ святымъ жребіемъ Іосифа, Никодима и Женъ Мүроносицъ, кои также среди немалыхъ страховъ и опасеній отъ Іудеевъ погребали Учителя и Господа Своего. Вы не оставили Его теперь! Онъ, Преблагій, не забудетъ и не оставитъ васъ въ тотъ великій и страшный день, когда уже не слабые перуны челоуѣческіе будутъ летать по воздуху, а самыя небеса мимо идутъ съ шумомъ, самыя стихіи, сжигаемы, разорятся, а земля и ляже на ней дѣла—сгорятъ. А вы, возлюбленные сослужители наши,—заклучилъ владыка свою бесѣду,—столь бодрственно доселѣ стоявшіе съ нами на духовной стражѣ у Креста Христова, удвойте и устройте усердія и попеченія ваши, дабы къ наступающей священно-таинственной

ночи все было уготовано, по чину церковному, да не речеть врагъ града нашего, *укрѣпихся на него*» (XIII, 48—50).

Въ послѣдней книжкѣ *Русской Старины* напечатано письмо архіепскопа Иннокентія къ барону М. А. Корфу, написанное именно въ Великій Пятокъ, 9 апрѣля 1854 года, въ которомъ Владыка ни полслова не говоритъ о своихъ святительскихъ подвигахъ, и оно также можетъ свидѣтельствовать о сохраненіи имъ полного присутствія духа.

Въ этомъ письмѣ, между прочимъ, читаемъ:

«Христосъ Воскресе! Если когда благовременно возгласить намъ: *да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его*, то нынѣ, когда враги наши, по выраженію св. Давида, *обышедше обыдоша насъ, аки пчелы сотъ*; а намъ предлежитъ противляться имъ именемъ Господнимъ. Со вчерашняго числа (8-го) весь рейдъ нашъ покрытъ англо-французскими кораблями, и мы въ полной блокадѣ... Обстоятельства чрезвычайныя и нерадостныя; но, я не знаю почему, что-то въ нихъ нѣтъ дѣйствительно страшнаго... Что ободряетъ насъ? То, что наше дѣло и правое, и святое. Это чувствуетъ каждый, и готовъ на все. А затѣмъ—православное воинство наше видало и не такия полчища, мѣрилось и не съ такими врагами и оставалось побѣдоноснымъ. Теперь-же оно все горитъ нетерпѣніемъ пролить всю кровь свою за Гробъ Господень и за Вѣру Православную».

Такимъ образомъ, изъ всего вышеизложеннаго явствуетъ, что при описаніи *Бомбардировки Одессы* опирался я не на баснословія, а на достовѣрныя свидѣтельства.

Николай Барсуковъ.

С.-Петербургъ, 11 апрѣля 1904 г.

7. Письмо изъ Одессы.

Одесса, 20-го апрѣля.

Вы теперь уже узнали въ Москвѣ про замѣчательный для Одессы день 10-го апрѣля. Официальное донесеніе объ этомъ днѣ само по себѣ такъ краснорѣчиво, что прибавлять къ нему нечего. Если я пишу въ любезныя «Московскія Вѣдомости», то для того только, чтобъ сказать нѣсколько словъ о впечатлѣніяхъ и положеніи москвича въ городѣ, который бомбардировали, или, лучше сказать, желали бомбардировать. Буду по возможности кратокъ.

Перваго апрѣля рано поутру жители Одессы узнали, что появились гости, правда, ожидаемые, но приходъ которыхъ все-таки пока-

зался неожиданностью: три военные парохода, два английские и один французский. Я сказал, что их ожидали, и вот почему. Когда приходил к нам в последний раз английский пароход «Фьюриус» и, желая подойти под самый берег, получил удар ядром, то рассказывали, что капитан его, уходя, многозначительно погрозил перстом на Одессу. Такой свирѣпый!

Вѣсть о приходѣ трехъ пароходовъ многіе приняла за обманъ (не забудьте, что это было 1-го апрѣля). Но общее движеніе населенія къ бульвару, который тянется по морскому берегу, скоро разувѣрило недовѣрчившихъ. Въ двѣнадцать часовъ, окончивъ свои служебныя занятія, я отправился посмотрѣть на пароходы. Бульваръ былъ биткомъ набитъ народомъ; по улицамъ двигались войска; сильные отряды стояли на всѣхъ пунктахъ берега. Въ купеческой гавани всѣ иностранныя суда (большею частію англійскія) вывѣсили свои флаги. Пароходы бродили безпрестанно около гавани, но всегда на благородномъ разстояніи отъ нашихъ батарей. Французскій пароходъ превосходилъ англійскіе бойкостью движеній и исправностью. Всѣ три парохода были огромныхъ размѣровъ, и дымъ отъ ихъ трубъ далеко видѣлся. Въ продолженіе всего дня они занимались ловлею нашихъ купеческихъ лодокъ, которыя, ничего не зная, шли съ виномъ, солью и другими неважными продуктами. Нѣсколько этихъ барокъ было схвачено въ виду Одесскаго бульвара. При мнѣ былъ слѣдующій случай: пароходъ (кажется французскій) погнался за одною херсонскою баркой: шкиперъ ея, на всѣхъ парусахъ, полетѣлъ къ противоположному (отъ бульвара) берегу Одесскаго залива; пароходъ за нимъ, но барка никакъ не хотѣла сдаваться; пароходъ не могъ дальше гнаться за нею по мелководью, выстрѣлилъ и подбилъ ее. Нѣкоторые слышали, что изъ барки отвѣтили врагу выстрѣломъ изъ маленькой пушки; затѣмъ бывшіе на ней люди сѣли въ лодку, и благополучно высадились на берегъ. Можете себѣ представить, съ какимъ чувствомъ мы смотрѣли съ берега на эту сцену! Русскіе мужички неутерпѣли: восклицанія и совѣты градомъ сыпались нашей баркѣ за четыре или пять верстъ отъ берега; «живѣй, живѣй поворачивай направо!»... Уйдетъ, право слово уйдетъ!... Подбилъ анафема-англичанинъ!... Молодцы, ушлы!»... Пароходъ спустилъ баркасъ и притащилъ подбитое судно. Другое купеческое судно наше захватили враги въ то время, когда на бульварѣ стоялъ хозяинъ груза. Онъ дѣлалъ жесты, слѣдилъ глазами и сердцемъ за своимъ судномъ, какъ мать за ребенкомъ, котораго преслѣдуетъ лютый звѣрь. Нечего дѣлать, пришлось ему довольствоваться сожалѣніями собратьевъ по

торговлѣ и совѣтами благоразумныхъ, что не слѣдовало въ такое время отпирать судна, «маленько-бы подождать» и проч., и проч. Мнѣ рассказывали про поступокъ одного изъ нашихъ шкиперовъ, совершенно противоположный поступкамъ англичанъ. Вамъ извѣстно, что англійскіе корабли захватили нѣсколько нашихъ лодокъ, выставивъ чужой флагъ. Русскій шкиперъ, о которомъ я упоминалъ, встрѣтивъ близъ Одессы соединенный флотъ, поравнялся съ нимъ, и гордо выставилъ русскій флагъ! Онъ могъ-бы уйти, если-бъ захотѣлъ употребить англійскій обманъ. Весь день 1-го апрѣля прошелъ для трехъ огромныхъ неприятельскихъ пароходовъ въ великомъ подвигѣ—захватывать безоружныя лодки. По временамъ одинъ изъ нихъ удалялся далеко отъ Одессы завидѣвъ гдѣ-нибудь нашу лодку, другой занимался промѣрами, третій караулилъ добычу. На другой день пароходы ушли, по предположенію нѣкоторыхъ, праздновать англійскую пасху; по предположенію другихъ, привести нѣсколько кораблей для дѣйствія противъ города, который защищенъ шестью небольшими батареями, и въ портъ котораго не было ни одного военного корабля.

Надо сказать, что еще до прибытія трехъ пароходовъ жители одесской набережной начали переселяться въ дальнія улицы. Въ день прибытія пароходовъ переселеніе, разумѣется, увеличилось. Одесскій Пале-Рояль, близкій къ морю, опустѣлъ. Переселеніе главнымъ образомъ направлено было въ предмѣстіе Молдаванку, которое внезапно оживилось, и, по извѣстному экономическому закону, квартиры въ немъ страшно вздорожали, тогда какъ въ лучшей части города, на набережной, сдѣлались ни по чемъ. Послѣ отбытія пароходовъ, жители Одессы, еще денекъ поговоривъ о нихъ, стали было забывать...

8-го апрѣля показалась соединенная французско-англійская громада изъ девятнадцати линейныхъ кораблей и девяти пароходовъ съ 1,900 пушками. Подобный флотъ не часто приходится видѣть. Любопытные отправились за городъ, гдѣ съ возвышеній видно было приближеніе кораблей. Я отправился въ пятомъ часу пополудни къ дачѣ Лавжерона, находящейся на довольно высокомъ берегу моря, не болѣе версты отъ городской черты. Тамъ было настоящее гулянье: толпы народа всѣхъ классовъ расположились на высотахъ и по берегу. Сильный отрядъ пѣхоты стоялъ вблизи на площади, у Михайловскаго монастыря. Генералъ баронъ Остенъ-Сакенъ, съ нѣсколькими другими генералами и офицерами, стоялъ на высотѣ берега и наблюдалъ движеніе. Погода была прекрасная. Я сошелъ къ самому берегу, гдѣ устроена кофейня. Неприятельскіе корабли входили въ позицію, располагаясь дугою отъ

одного края Одесскаго залива до другого. Громадные корабли на всѣхъ парусахъ неслись къ линіи, заворачивали, свивали паруса, бросали якорь. Зрѣлище очень интересное, особенно для непривычныхъ. Въ подзорную трубку можно было видѣть на корабляхъ людей, которые, кажется, также смотрѣли на насъ въ свои трубы. При взглядѣ на этотъ громадный флотъ, невольно приходила мысль: зачѣмъ онъ пришелъ къ Одессѣ? Для того, чтобы блокировать Одесскій портъ достаточно двухъ или трехъ парходовъ по той простой причинѣ, что въ немъ не было (и теперь нѣтъ) ни одного нашего военного корабля. Бомбардировать Одессу? Какъ-то не вѣрилось этому. Конечно, англичане не разъ показали, что они не щекотливы въ средствахъ, — памятна до сихъ поръ бомбардировка Копенгагена. Но эта бомбардировка, если и не имѣла нравственныхъ и юридическихъ оснований, то имѣла хотя логическое — заставить Давію отдать свой флотъ и самое себя въ руки Англии. Мысль, что союзные адмиралы привели флотъ съ тѣмъ, чтобы вынудить что-либо несогласное съ честью Россіи, была далека отъ насъ.

Пятница прошла въ разговорахъ о союзномъ флотѣ. Во весь день зажиточные жители приморскихъ улицъ вывозились въ предмѣстья и на дачи. Это послужило въ большую выгоду одесскимъ извозчикамъ (большею частью великороссы): работы было пропасть, и цѣна самая красная. Надо было отдать честь одесскому населенію. Во все время опасности не было замѣтно ни малодушія, ни страха. Великороссы здѣсь еще безстрашнѣе, нежели на коренной родинѣ; прикосновеніе съ другими племенами возбуждаетъ въ нихъ чувство своего нравственнаго превосходства. Слухъ о бомбардировкѣ нисколько не тревожилъ народа въ его обыкновенныхъ занятіяхъ. Рассказываютъ, что одинъ бондарь, услышавъ, что городъ будутъ *бомбардировать* (т. е. бомбардировать), и полагая, что это какой-нибудь актъ, относящійся къ его ремеслу, явился къ начальству съ предложеніемъ своихъ безвозмездныхъ услугъ.

Вечеромъ въ пятницу замѣтна была на всѣхъ лицахъ какая-то тревожная торопливость: видно было, что важное извѣстіе пробѣжало въ народѣ. Подходя къ бульвару, я встрѣтилъ одного изъ моихъ знакомыхъ. На обычный вопросъ: что новаго? Онъ отвѣчалъ: «слышали ли вы, что адмиралы присылали парламентаря къ генералу барону Остенъ-Сакену съ разными требованіями? Генералъ, конечно, отказалъ, и завтра утромъ начнется бомбардировка». Какія были предложенія иностранныхъ адмираловъ, невозможно было узнать. Кто говорилъ о

денежной контрибуціи, кто о требованіи выдать корабли купеческіе, нагрузить ихъ пшеницею, и т. д. Только изъ приказа г. генералъ-адъютанта барона Остенъ-Сакена мы узнали, уже послѣ отраженія враговъ, что они требовали выдачи всѣхъ своихъ и русскихъ купеческихъ кораблей, стоявшихъ въ одесскихъ гаваняхъ. Впрочемъ, подробности требованій мало кого интересовали: достаточно было знать, что требованіе было несправедливое и оскорбительное, чтобы быть увѣрену, что послѣдовалъ полный отказъ. Толпы народа приходили и удалялись въ заботливыхъ разговорахъ; лавки, магазины, трактиры запирались; изъ нихъ и изъ домовъ, близкихъ къ берегу, спѣшили вывозить все, что было возможно, и что было полегче; чего нельзя было вдругъ вывезти, то запрягивали въ подвалы; всѣ чувствовали, что на другой день будетъ что-то, чего еще не видала Одесса. Я отправился съ бульвара къ моимъ московскимъ знакомымъ; слухъ о бомбардировкѣ распространился. Пока мы толковали о предстоящемъ боѣ, слуга, посланный зачѣмъ-то въ магазинъ, возвратился съ извѣстіемъ, что всѣ лавки, даже молочныя, заперты, и что въ сосѣднихъ домахъ уже начали вывозиться. Это извѣстіе положило конецъ разговорамъ, особенно когда одинъ изъ зашедшихъ къ намъ объявилъ, что дома, въ которыхъ обитали мои московскіе знакомые и я, будутъ находиться при бомбардированіи въ большой опасности. Мы условились при началѣ канонады собраться на Ришельевской улицѣ у одного изъ Москвичей, потому что въ опасности быть вмѣстѣ какъ-то веселѣе и покойнѣе. Было уже около полуночи, когда я пришелъ на свою квартиру, по улицамъ слышался глухой стукъ нагруженныхъ телегъ. Я полагалъ, что канонада не скоро дойдетъ до моего дома, но вышло наоборотъ.

Позвольте сказать намъ нѣсколько словъ о военномъ положеніи Одессы. Не большой, но открытый и широкій заливъ, на одномъ изъ береговъ котораго расположена часть Одессы, тянется по прямой линіи, если не ошибаюсь, версты на четыре или на пять. Для кораблей устроены двѣ гавани: при началѣ залива — Карантинная, при концѣ — Практическая. Въ первой обыкновенно останавливаются входящіе иностранные корабли; во второй они чинятся до выдержанія карантина и проч. Обѣ гавани искусственныя и входятъ въ нихъ довольно узокъ. Берегъ моря, на которомъ расположена Одесса, очень высокъ. Шесть недавно устроенныхъ батарей защищаютъ берегъ: 1-я, въ восемь орудій, находится при началѣ залива у дачи графа Ланжерона; 2-я, въ шесть орудій, и 3-я, въ шестнадцать, на Карантинной гавани; 4-я, въ во-

семь, посреди берега, направо отъ знаменитой лѣстницы въ двѣсти ступень, которая идетъ отъ моря къ Бульвару; 5-я и 6-я на Карантинной гавани. Всѣ полагали, что ударъ непріятели обрушится прежде всего на батарею № 1-й, но ошиблись.

Въ восьмомъ часу громъ канонады разбудилъ меня. Я отправился на означенное сборное мѣсто. Проходя по де-Рибасовской улицѣ, узналъ, что непріятельскіе пароходы подошли подъ шестую батарею, и стали такъ къ ней, что только одна пушка могла отвѣчать на ихъ выстрѣлы, что ядра падали ужъ въ новый лицей, и даже на де-Рибасовскую. Дѣйствительно, на этой послѣдней улицѣ ядро ударило въ окно второго этажа, изъ котораго еще не успѣли выбраться жильцы; къ счастью, никого не убило и не ранило. Громъ выстрѣловъ былъ непрерывный; по временамъ раздавался ужасный залпъ съ дѣлага борта большого корабля. На Ришельевской улицѣ были расположены конная артиллерія и дивизионъ уланъ, послѣдній прямо около нашего сборнаго мѣста. Трудно было узнать въ точности, что именно происходило. Возвращавшіеся съ бульвара говорили, что одна наша пушка продолжаетъ отстрѣливаться отъ нѣсколькихъ пароходовъ, но что за дымомъ нельзя разсмотрѣть положеніе дѣла. Ядра между тѣмъ долетали къ Михайловскому монастырю; это доказывало, что непріятель дѣлаетъ попытки и противъ первыхъ трехъ батарей. Мы стояли съ походными посохами, и рѣшились не прежде удалиться съ нашего сборнаго мѣста, какъ тогда, когда ядра будутъ долетать до насъ. Нѣсколько часовъ прошло въ разговорахъ и слухахъ: кто говорилъ, что на непріятельской эскадрѣ замѣтны были лошади, и что, слѣдовательно, непріятель намѣренъ сдѣлать высадку. Это извѣстіе очень порадовало наши войска. Разсуждали еще о томъ, до какихъ мѣстъ могутъ долетать ядра и проч. Часовъ въ одиннадцать пріѣхалъ къ дивизионному одинъ уланскій солдатъ, стоявшій вблизи бульвара. На вопросъ офицеровъ, что дѣлается на батареяхъ, солдатъ отвѣчалъ: „Наши бьютъ,—два парохода подбиты“. Мы знали, что непріятельскіе пароходы подошли подъ шестую батарею такъ, что могли ее громить изъ всѣхъ своихъ пушекъ, между тѣмъ, какъ она могла отвѣчать только изъ одной; поэтому каждый пойметъ, что извѣстіе улана было принято съ недоумѣніемъ. „Да не врешь-ли ты? — сказалъ одинъ изъ офицеровъ. Въдь ты не видалъ, стоялъ далеко отъ первой батареи!“ Солдатъ съ самымъ хладнокровнымъ видомъ повторилъ прежде сказанное. Подвигъ Щеголева казался до того невѣроятенъ, что и теперь всѣ опытные офицеры говорятъ о немъ, какъ о неслыханномъ, всѣ въ изумленіи, но надо было

любоваться невозмутимымъ видомъ улана—вѣстника: онъ сообщилъ о подбитіи одною пушкою двухъ кораблей какъ о чемъ-то очень естественномъ, чему такъ и быть должно! До такой степени чувство необходимости, порожденное 150-ти-лѣтними побѣдами, твердо укрѣплено въ душѣ русскаго солдата, что онъ самые неслыханные въ военной исторіи подвиги считаетъ съ нашей стороны дѣломъ очень обыкновеннымъ! Его товарищи приняли это извѣстіе съ такимъ-же хладнокровіемъ, и продолжали завтракать, угощаемые обывателями сосѣднихъ домовъ. Мы отправились, чтобы узнать навѣрное о вѣсти, которой сильно хотѣлось вѣрить, а все-таки не вѣрилось. Извѣстіе подтвердилось. Канонада между тѣмъ гремѣла неумолкаемо. Множество народа стремилось къ бульвару посмотрѣть на пальбу, такъ что милиція должна была удерживать безстрашное любопытство. Бодрость одесскаго населенія была по стипѣ удивительна. Въ полдень мы начали справляться, гдѣ-бы пообѣдать; трактиры были заперты, и открылось, что одна мужественная пѣмка, содержательница общаго стола, приготовила обѣдъ, не смотря на громъ пушекъ. Мы застали тамъ множество народу; обѣдъ кипѣлъ среди одушевленныхъ разговоровъ и выстрѣловъ. Вновь приходящіе сообщали новыя извѣстія; что было за часъ—считалось старымъ. Изъ оконъ видно было, что жители улицъ, лежащихъ за соборомъ, также начали двигаться къ Молдаванкѣ. Болѣе мужественные увязывали драгоценнѣйшее имущество и ждали на мѣстѣ приближенія грозы, въ томъ числѣ и наша пѣмка, которая успѣшила убрать гравюры, украшавшія ея столовую. Проходя чрезъ Соборную площадь, на которой стояло нѣсколько тысячъ пѣхоты и кавалеріи съ артиллеріей,—я увидѣлъ, что одинъ баталіонъ быстро пошелъ къ Пересыни; мнѣ сказали, что непріятель, кажется, намѣренъ сдѣлать высадку въ этой части города, лежащей въ самомъ концѣ залива. Жители Одессы стали привыкать къ выстрѣламъ, и я зашелъ на свою квартиру: домъ былъ почти пустъ, ключъ отъ моего обиталища валялся при входѣ; я зашелъ къ себѣ немного отдохнуть. Въ Одессѣ, гдѣ много празднаго народа, во всѣ эти дни не было ни одного воровства, хотя квартиры были не заперты, и даже на лѣстницахъ и дворахъ лежали узлы и стояли нагруженные экипажи, безъ всякаго присмотра. Въ пять часовъ я пошелъ по направленію къ Новому базару. Толпа мальчишекъ катала еще теплое ядро. Я спросилъ, гдѣ они его взяли. „Упало вотъ здѣсь, на Новомъ базарѣ, убило бабу да солдата“. Мальчишки продавали свою добычу. Одинъ паренъ, не принадлежавшій къ компаніи, владѣвшей ядромъ, закричалъ мальчишкамъ: „Что вы дураки, бросьте, разорветъ

сейчасъ"!.. Мальчишки отпрыгнули назадъ, хитрецъ подхватилъ ядро, и ушелъ, преслѣдуемый первыми пріобрѣтателями. Выстрѣлы продолжались, хотя и не такъ часто, какъ прежде. Въ шесть часовъ канонада умолкла, и толпы народа кинулись на Бульваръ осматривать ея послѣдствія. Весь результатъ двѣнадцати-часовой канонады состоялъ въ нѣсколькихъ сожженныхъ домахъ на Пересыпи, въ разбитыхъ стеклахъ, въ пробоинахъ въ нѣкоторыхъ домахъ на бульварѣ, въ сбитой батарее Щеголева, которая защищалась съ такимъ неслыханнымъ мужествомъ. Одно ядро ударило въ гранитный пьедесталъ монумента герцога Ришелье, поставленнаго среди бульвара; кусокъ гранита былъ имъ оторванъ. Любопытное дѣло: Одесса воздвигла монументъ благородному французу, котораго память до сихъ поръ чтить, а французское ядро полетѣло въ него, какъ будто-бы съ цѣлю показать, что тотъ народъ, къ которому принадлежитъ одинъ изъ основателей Одессы, черезъ сорокъ лѣтъ пришелъ истреблять ее. Въ сердцѣ русскомъ не умретъ ни то, ни другое воспоминаніе! Вся непріятельская эскадра стояла въ своей первоначальной линіи; одинъ пароходъ стоялъ отдѣльно противъ бульвара. Вечеръ былъ очень тихій; на Практической гавани горѣли молъ и довольно большой купеческій корабль. Кто-то замѣтилъ, что на непріятельскомъ пароходѣ снимаютъ дагерротипный видъ пожара, и что вѣрно явится во французской или англійской иллюстраціи картинка съ громкимъ именемъ „Bombardement d'Odessa"! На батареяхъ нашихъ кипѣли работы. Вечеромъ я зашелъ въ кондиторскую Келя (на Ришельевской улицѣ), почти единственную тогда открытую. Здѣсь я встрѣтилъ нѣсколькихъ изъ сослуживцевъ: каждый рассказывалъ о минувшемъ днѣ. Отъ одного изъ артиллерійскихъ офицеровъ, тутъ бывшихъ, узнали мы имя героя, начальствовавшаго шестою батареей; узнали также, что прапорщику Щеголеву всего восемнадцать лѣтъ, и что онъ очень недавно выпущенъ изъ корпуса. Раздавались всеобщія восторженные похвалы его непоколебимому хладнокровію въ теченіе двѣнадцати часовъ, когда тысячи ядеръ падали вокругъ него, и отъ гула ихъ онъ получилъ временную глухоту. Иностранцы были въ ярости и негодованіи. „Если онъ хотить драться, сказалъ одинъ французъ про свою и англійскія эскадры, такъ пусть идутъ въ Севастополь! Нечестно тревожить торговый городъ, когда самый успѣхъ не представляетъ никакой положительной выгоды“. Почти все были увѣрены, что на другой день канонада возобновится съ большимъ успѣхомъ. Одинъ высшій артиллерійскій офицеръ нашъ сказалъ: „Если-бъ я былъ начальникомъ непріятельскихъ артиллеристовъ, дѣйствовавшихъ сегодня,

то повѣсилея-бы на мачтѣ"! Дѣйствительно, трудно представить, чтобы триста пятьдесятъ непріятельскихъ пушекъ, въ виду и при пособіи остальнаго флота, въ теченіе дня не могли сдѣлать чего-нибудь побольше тѣхъ пустяковъ, которые они сдѣлали!.. Говорили о подвигахъ студентовъ здѣшняго лицея гг. Деминстру, Скоробогатова и Пуля. Студенты Ришельевского лицея достойнымъ образомъ поддержали то мнѣніе, которое Россія имѣетъ обо всѣхъ питомцахъ науки.

Сверхъ ожиданія, день Свѣтлаго Воскресенія прошелъ совершенно спокойно; утромъ только подходилъ было одинъ пароходный фрегатъ, но, встрѣченный мѣткими выстрѣлами, повернулъ назадъ. Послѣ обѣда на бульварѣ играла музыка; гуляющихъ была бездна, въ томъ числѣ множество дамъ; генералы и офицеры въ сѣрыхъ солдатскихъ шинеляхъ весело говорили о прошедшемъ днѣ. Съ непріятельскаго парохода, стоявшаго насупротивъ бульварной лѣстницы, лорнировали насъ: Одесса показала намъ, какъ мало она была встревожена! Понедѣльникъ также прошелъ спокойно. На другой день хоронили одного изъ капитановъ непріятельскихъ кораблей. Народъ, глядя съ берега на похороны, говорилъ, что это тотъ самый капитанъ, который осмѣлился грозить пальцемъ Одессѣ, т. е. капитанъ «Фьюриуса». Но захваченные матросы нашихъ купеческихъ судовъ, возвратившись, объявили, что убитъ былъ французскій капитанъ. Ночью съ понедѣльника на вторникъ, по рассказамъ бывшихъ на берегу, нѣсколько пароходовъ непріятельскихъ шныряли по залпу съ фонарями: одесскіе остряки говорили, что Дондасъ велѣлъ искать свой мозгъ!..

Въ среду утромъ весь непріятельскій флотъ снялся съ якорей и исчезъ изъ вида.

Въ городѣ все приняло прежній видъ; уѣхавшіе мало-по-малу возвращаются, — все принялись писать роднымъ и знакомымъ, въ томъ числѣ и вашъ покорный слуга вспомнилъ о родныхъ «Московскихъ Вѣдомостяхъ».

И такъ, Одессѣ досталось первой встрѣтить грудью французовъ и англичанъ! Не много хорошаго, кажется, могутъ ожидать они для себя впереди, особенно предъ Севастополемъ, гдѣ ихъ встрѣтятъ не нѣсколько небольшихъ батарей, а сотни пушекъ, неприступная крѣпость и сильный Черноморскій флотъ. Мы проводили гостей искреннимъ желаніемъ и впередъ такихъ-же успѣховъ, какой имѣли они подъ Одессой.

Л. А.

(«Москов. Вѣдом.»)

8. Воспоминанія очевидца Н. И. Ленца.

Членъ Императорскаго одес. общества исторіи и древностей Н. И. Ленць, очевидецъ бомбардировки Одессы союзнымъ англо-французскимъ флотомъ въ 1854 г., сообщилъ намъ свои воспоминанія объ этомъ событіи.

— Я, свазалъ г. Ленць, жилъ въ это время въ концѣ Б.-Арнаутовой ул., около моря, вблизи дачи, принадлежащей теперь мир. судѣ г. Фабрицкому, въ д. адмирала Сванкина. Я самъ наблюдалъ въ подзорную трубу приближеніе непріятельскихъ кораблей. Жители мѣстностей, прилегающихъ къ морю, въ районѣ бульвара и центровъ города, сильно заволновались, стали покидать свои квартиры со всѣмъ имуществомъ и переселяться на пустынную тогда Молдаванку. Я поселился противъ Петропавловской церкви въ училищѣ, гдѣ тогда преподавалъ уроки.

Помню, въ Страстную субботу, я вышелъ рано утромъ изъ дому, чтобы приложиться къ плащаницѣ въ церкви Стурдзовской общины сердобольныхъ сестеръ. Я посмотрѣлъ на растлающуюся передъ мною море и замѣтилъ движеніе между непріятельскими судами. Въ день бомбардировки нашего города, 10 апрѣля, погода была теплая, тихая, такъ что залпы были слышны далеко на Молдаванкѣ. Но скоро, вѣроятно, отъ сотрясенія воздуха поднялся вѣтеръ, закружилась пыль, и вся Одесса покрылась будто туманомъ, такъ что, когда я взобрался на колокольню Петропавловской церкви, чтобы сдѣлать наблюденія, то увидѣлъ одни столбы не то пыли, не то дыма... Между тѣмъ, канонада не только не утратила жителей, но потянула ихъ на бульваръ и въ другія опасныя мѣста. Увидя, что народъ ничего не боится, отравился и я въ городъ и по дорогѣ зашелъ въ нашъ Кафедральный соборъ. Никогда мнѣ не забыть картины храма, переполненнаго молящимися по случаю наступленія праздниковъ св. Пасхи! Архіепископъ Иннокентій, подъ громомъ выстрѣловъ, неустрашимо, спокойно, отправлялъ церковныя службы—и весь народъ особенно благоговѣйно молился. Не смотря на всеобщую панику въ началѣ бомбардировки, помню хорошо, что порядокъ въ городѣ былъ образцовый. Не было ни кражъ, ни грабежей, столь частыхъ на окраинахъ въ то время; населеніе обязано было этимъ благоразумной распорядительности барона Д. Е. Остенъ-Сакена. Въ городѣ разъѣзжали патрули.

Далѣе припоминаю, что всѣ тогда восхваляли безиремѣнную неустрашимость и геройскую защиту прапорщика Щеголева, который даже оглохъ отъ вражескихъ выстрѣловъ. Онъ храбро боролся съ непріателемъ. Остатки пушекъ того времени еще и теперь находятся въ нашемъ порту, вкопанные въ землю. Эпизодъ съ пароходомъ «Тигръ»

также помню отлично. Я видѣлъ бѣдствіе этого парохода, наскочившаго на камни около дачи Картацци на М.-Фонтанѣ. Покойный одес. город. голова В. Н. Лигинъ рассказывалъ мнѣ, что когда наша батарея съ возвышеннаго берега обстрѣливала пароходъ «Тигръ», а два английскихъ парохода, пришедшіе на выручку къ «Тигру» позади него отвѣчали ядрами русской батареи, онъ, Лигинъ, будучи мальчикомъ, купался въ это время на М.-Фонтанѣ подъ дождемъ снарядовъ. Черезъ его голову перелетали ядра, и онъ преспокойно наблюдалъ ихъ шипящій полетъ. Впослѣдствіи у меня былъ мундштукъ, сдѣланный изъ краснаго дерева, изъ котораго былъ построенъ остовъ парохода «Тигръ». Капитана «Тигра» Джиффорда, которому русское ядро оторвало ногу, хоронили при мнѣ на лафетѣ пушки, причемъ похоронная процессія была окружена карантинной стражей, такъ какъ въ это время свирѣствовала за границей какая-то эпидемія.

Вамъ, конечно, извѣстны подвиги студентовъ Деменитру и Скоробогатаго, которые отважно, подъ градомъ непріятельскихъ снарядовъ, послали порохъ въ портъ для нуждъ прапорщика Щеголева. Братъ Деменитру проживаетъ въ Одессѣ. Непріятельскіе снаряды сдѣлали нѣкоторыя опустошенія въ городѣ. На поврежденныхъ ими мѣстахъ впослѣдствіи были установлены мраморныя дощечки съ соотвѣтствующею надписью. Такія дощечки существовали на Военномъ спускѣ, Надеждинской и др. ул. Былъ отбитъ уголъ пьедестала памятника Ришелье на бульварѣ. Въ Одессѣ знали господина, который съ женой своей гулялъ по бульвару во время бомбардировки. Мальчишки, увидѣвъ летящій снарядъ, гнались за нимъ. Изъ мелочей того времени припоминаю, что въ городѣ вдругъ исчезла вся разнѣнная монета. Это было на руку мѣняламъ, которые драли крупныя цѣны за разнѣны ассигнаціи. Взятые съ парохода «Тигръ» въ лафетъ матросы содержались въ большомъ помѣщеніи на Троицкой ул., около Михайловскаго монастыря—и публика съ большимъ любопытствомъ относилась къ нимъ. Подзорную трубу, въ которую я наблюдалъ тогда непріятеля, я до сихъ поръ храню, какъ драгоценность.

Я. С.

(«Одес. Листокъ» 10 Апрѣля 1904 г., № 94).

9. Патріотическія стихотворенія.

Крымская война вызвала громадную массу различнаго рода проявленій патріотическаго чувства, и во всѣ тогдашнія газеты со всѣхъ концовъ земли русской сразу были направлены цѣлыя массы стихо-

творений, въ которыхъ воспѣвались различные моменты борьбы русскихъ съ союзниками. Громадное количество подобаго рода стихотворений получала и редакция «Одесскаго Вѣстника»; очень многія изъ нихъ въ немъ и были напечатаны, а нѣкоторыя въ печать не попадали. Въ хранящихся въ *Одесской публичной библиотекѣ* матеріалахъ по исторіи «Одесскаго Вѣстника» за 1854—1855 гг. находится довольно значительное число стихотворений этого рода *); нѣкоторыя изъ нихъ я привожу ниже, какъ историческій матеріалъ для характеристики общественнаго настроенія во время событія, которому нынѣ истекло *пятьдесятъ лѣтъ*.

М. П—ко.

I.

Одесская пѣсня.

На Страстной недѣли
У одесскихъ стѣнъ
Съ флотами засѣли
Дондасъ и Гамленъ.
Говорятъ: «отдайте
Намъ свои суда,
А не то такъ знайте
Будетъ вамъ бѣда»!...
Удивясь не мало
Дерзости такой,
Вся Одесса ждала,
Чтобъ начался бой.
На зарѣ въ субботу
Будитъ насъ пальба:
Началась работа
Злобнаго врага!..

Чванные фрегаты
Съ громомъ и огнемъ
Ядра и гранаты
Сыпали кругомъ.
Но мы хлѣбосольно
Встрѣтили гостей:
Щеголевъ ихъ больно
Пощипалъ, гусей!..
До-ночи врагъ бился,
Выбился изъ силъ,
Толку-жъ не добился,
Вспять поворотилъ.
Чай, не досчитался
Многихъ онъ друзей,
Въ дуракахъ остался...
Будетъ впредь умнѣй!..

II.

Голосъ русскаго.

Святой любовью пламенѣя
Къ престолу, вѣрѣ, за Царя,
Мы ополчились на злодѣевъ
Подъ свѣтлымъ знаменемъ Христа.

Единый Богъ за насъ и съ нами;
Благословилъ Онъ Русь давно;
Съ Нимъ твердо станемъ мы во брани
И уповаемъ на Его.

*) Матеріалы эти Г. А. Троицкимъ были въ 1894 году присланы Л. М. Де-Рибасу (для сборника «Прошлое Одессы»), но использованы имъ не были и переданы на храненіе въ публичную библиотеку. Во всѣхъ стихотвореніяхъ сохранена орфографія подлинниковъ. Приводимыя стихотворенія напечатаны не были, насколько мнѣ это извѣстно.

Ничтожный галлъ, британецъ гордый,
Кипя враждой къ намъ съ давнихъ
поръ,
Скрѣпивъ союзъ съ чалмой позорной
И дерзко занявъ нашъ Босфоръ.
Теперь пятой своей преступной
Коснулись Русскія земли
И смѣло, въ дерзости безумной,
Нашъ Крымъ въ добычу обрели!
Ужель знести намъ оскорбленье?
Врага въ отчизнѣ молча зрѣть?
И видѣть мѣстъ тѣхъ оскверненье,
Гдѣ князь Владимиръ пріялъ крестъ?
Откуда лучъ святая вѣры
Проникъ къ далекимъ племенамъ,
И гдѣ Суворова побѣды
Еще такъ памяты врагамъ?
Нѣтъ!—мы не дрогнемъ предъ бѣдою:
Готовы все на зовъ Царя,—
И Русь, подъ Царскою рукою,
Не побѣдима и сильна!
Пускай, въ безумномъ ослѣпленьи,
Вы разгласили рядъ побѣдъ,
Забывъ подъ Альмой пораженье—
Врагамъ незваннымъ нашъ привѣтъ.

Забывъ, какъ ваши пароходы
Свозили раненныхъ въ Стамбулъ,
Какъ сотни тѣлъ привяли воды,
Подъ погребальный пушекъ гулъ.
Забывъ о томъ, какъ нашъ «Вла-
димиръ» *),
Васъ, властелиновъ на моряхъ,
Передъ тройной не дрогнувъ силою,
Разбилъ, разсѣялъ, будто прахъ.
Забывъ Аландъ и Соловецкій,
Какъ васъ Одесса приняла
И какъ Пломриджъ **) клеймомъ
злодѣйскимъ,
Закабалилъ васъ навсегда,
Такъ что-жъ? Иль мало вамъ уроковъ,
Что Севастополь мните взять?
Такъ знайте, суждено вамъ рокомъ
Своей отчизны не видать.
Грозенъ и страшенъ русскій вопль;
Злодѣи! Здѣсь вамъ лечь костями;
Заранѣй вамъ могилы роemt,
Заранѣй вѣчное—прости!

Иосифъ Бардовскій, черноморскаго
линейнаго № 5 батальона рядовой.

III.

Солдатская пѣсня.

Вышелъ приказъ Бонапарта,
И при немъ морская карта,
Чтобы къ половинѣ марта
Флотъ соготовили на насъ—

Непиръ
Джинджинборъ,
Хамъ-лѣнь
Тюлень
И Дондасъ
Дурандасъ (Этотъ при-
пѣвъ повто-
ряется послѣ
каждаго куп-
лета).

Собралися адмиралы:
Изъ Парижа самохвалы,
Да изъ Лондона нахалы,
Собирайтесь въ добрый часъ.

Вотъ они пустились въ море
Точно тѣма собакъ на сворѣ,
И сулятъ Россіи горе
Издали грозя на насъ.

Что-то будетъ! Ждутъ въ Европѣ;
Чай десантъ ужъ въ Перекопѣ?..
Нѣтъ, онъ грѣется въ Синопѣ,
Поджидаетъ даромъ васъ.

*) Пароходъ. Прим. автора стих.

**) Контръ-адмиралъ, извѣстный грабежами и поджегами въ Ботвическомъ заливѣ.
Прим. авт. стихотв.

Черезъ бѣглеца Таифа
Шлютъ увѣдомить Редклифа,
Что Нахимовъ хуже скифа.
Что надежда лишь на васъ.

* * *

Тотчасъ по приказу Лорда
Сунулась Годдема морда
Частью съ Веста, частью съ Норда,
Часть къ Одессѣ,—въ добрый часъ!

* * *

Вотъ эскадра разостѣлась,
(Хлѣбца, дрожекъ захотѣлось!)
И Одесса загорѣлась...
Но щить Божій не за васъ.

* * *

Съ Щеголевой батарей
Рвутъ рангаутъ, реи:—
Словомъ, гонятъ ихъ по шею,—
Такъ что будутъ помнить насъ.

* * *

Убравшись супостаты,
Англо-франко-ренегаты,
Доносить въ свои палаты,
Какъ честять въ Россіи васъ...

В. Ш—овъ.

Г. Чугуевъ.

Ю. Изъ писемъ очевидца Севастопольской обороны.

Впервые появляющіяся въ печати предлагаемая читателю письма принадлежатъ перу бывшего чиновника особыхъ порученій при князѣ Горчаковѣ, Осипа Ильича Константинова, и были писаны имъ женою его, съ театра военныхъ дѣйствій.

О. И. Константиновъ, скончался, въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, въ С.-Петербургѣ, въ 1856 году, занимая должность чиновника особыхъ порученій при Военномъ Министрѣ.

Интересный матеріалъ этотъ любезно предоставленъ мнѣ сыномъ автора писемъ, статскимъ совѣтникомъ Сергіемъ Осиповичемъ Константиновымъ.

С. Плакшинъ.

П и с ь м о I.

3 марта 1855 г.

... За Севастополь не дрожи!—онъ не погибнетъ. У насъ теперь сильная буря и въ эту минуту заколебалась земля отъ сильнаго удара землетрясенія, такъ, что вся мебель и я со столомъ закачались, въ половинѣ 12 часа ночи.

По послѣднимъ извѣстіямъ, бомбардирада со стороны непріятеля, начавшаяся съ 5 числа продолжается, но она существеннаго вреда городу не наноситъ, ибо гранаты и бомбы ихъ или рветъ въ воздухѣ или вовсе не рветъ; всѣ наши батареи цѣлы, но артиллеристы на нихъ

страдаютъ, такъ что въ шесть дней вышло изъ строя убитыми и ранеными болѣе тысячи человѣкъ.

Между тѣмъ, пришедшая 9 числа бригада 12 пѣх. дивизіи была послана въ обходъ врагамъ и отрѣзала имъ сообщеніе отъ Крымскихъ деревень, откуда они получали продовольствіе. При этомъ непріятель былъ оттѣненъ отъ занимаемыхъ имъ высотъ, до самыхъ его редутовъ, 13-же числа, надослѣвшая другая бригада той-же дивизіи, подъ начальствомъ генерала Липранди штурмовала эти редуты, взяла четыре съ одиннадцатью орудіями. Англичане были опрокинуты, бѣжали, половина ихъ кавалеріи уничтожена и самъ лордъ Рогланъ едва спасся бѣгствомъ. Наши заняли эту позицію. Извѣстіе это, полученное сегодня утромъ, исполнило насъ величайшею радостью и многіе въ восторгѣ цѣловались какъ въ Свѣтлый праздникъ. Теперь у Меншикова должно быть, безъ Севастопольскаго гарнизона до 80 тысячъ. Съ этими войсками онъ можетъ разбить союзниковъ на голову и будь увѣрена, что если англо-французы успѣютъ на половину вырваться, то оставятъ всю свою артиллерію и запасы, а еще вѣрнѣе, что едва десятый выйдетъ живой и доберется до родины.

Предлагаю тебѣ пѣсенку моего сочиненія по случаю прибытія къ намъ Великихъ Князей на службу. Она понравилась Коцебу, Горчакову и послѣдній представилъ ее Великимъ Князямъ.

Солдатская пѣсня.

Царь почтилъ насъ, храбрыхъ,
честью—
Давъ въ рядъ Своихъ дѣтей.
Въ бой—ура!.. за честь, мы честью,
Хоть на тысячу смертей!

Въ бой—ура!.. за честь, мы
честью,

Хоть на тысячу смертей!

* * *

Онъ—Надежа нашъ, безомѣнно
Стражемъ Руси всей стоитъ,
Что ей дорого, священно:
Вѣру, славу, честь хранить!

Въ бой—ура!... и пр.

* * *

За одно народъ съ Нимъ дышетъ,
Слитъ съ Нимъ сердцемъ и душой,

Ту жъ мольбу ихъ Небо слышитъ,
Думой думаютъ одной!

Въ бой—ура!.. и пр.

* * *

Врагъ нагрянулъ, грудью встали
Рать за ратью, крестъ творя,
Въ массу стали ихъ спаяли—
Вѣра въ Бога и въ Царя!

Въ бой—ура!.. и пр.

* * *

Не жалѣя, кости сложимъ
Въ грозной битвѣ, въ смертный мигъ,
Но охулки не положимъ
Во Суворовскій нашъ штыкъ!

Въ бой—ура!... и пр.

Твой вѣрный другъ

О. Константиновъ.

29 марта 1855 г.

... Праздникъ мы встрѣтили тихо, спокойно; я былъ у заутрепи на своей, сѣверной сторонѣ, не ѣздилъ въ городъ, боясь ночью простудиться при переѣздѣ на лодкѣ черезъ бухту. Хотя непріятель весьма плохо стрѣлялъ, однако-же стрѣлялъ. Говорятъ, что на эту ночь и первый день турки заступили мѣсто на батареяхъ англичанъ и французовъ, у которыхъ Пасха пришла въ одинъ день съ нами. Разговлялся я у Горчакова и кое какъ убилъ первый день праздника, живя воображеніемъ съ вами всѣми, но за то, съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня, въ 5 час. утра разбудила насъ страшная канонада. Всѣ непріятельскія батареи залпами потрясали воздухъ. Наша оборонительная линія вся заговорила адскимъ грохотомъ и въ туманѣ, облежавшемъ холмы Севастополя только сверкали выстрѣлы, а гулъ пальбы удесятираемый эхомъ, въ влажномъ воздухѣ, сливался въ немолчный громъ. Кромѣ залповъ, можно было насчитать въ минуту отъ 40 до 50 выстрѣловъ. Такъ продолжалось до полудня, а потомъ до обѣда, постепенно переходило все въ обыкновенную, ежедневную перестрѣлку. Тогда и ружейный огонь сталъ быть смѣшнымъ, а то прежде онъ поддерживался грохотомъ орудій и визгомъ ядеръ. Судя потому, что непріятель стрѣлялъ преимущественно ядрами, прицѣльно въ амбразуры, что въ траншеяхъ его было много войскъ и полевыхъ орудій—должно полагать, что онъ намѣревался штурмовать городъ ради пріѣзда Наполеона, какъ здѣсь разнесся слухъ. Но, какъ при сильномъ, юго-восточномъ вѣтрѣ хлесталъ дождь, отчего глинистая почва сейчасъ распустилась—то штурмъ былъ невозможенъ. Между тѣмъ, наши съ нетерпѣніемъ ждали гостей на штыки въ несомнѣнной надеждѣ отразить съ успѣхомъ и, быть можетъ, разомъ покончить съ друзьями кровавымъ ножомъ. При духѣ нашихъ воиновъ—защитниковъ Севастополя въ особенности при геройствѣ моряковъ, которымъ нѣтъ цѣны, нѣтъ словъ для выраженія степени величія, жертвуютъ собою какъ Сцевола, умираютъ какъ Спартакъ при Фермопилахъ—все это сбудется!

Въ особенности заботливая бдительность неутомимаго вождя и всѣхъ начальниковъ гарнизона, при гениальномъ знаніи своего дѣла, распорядительности, предусмотрительности и присутствіи духа Тотлебева, на головѣ котораго лежитъ защита Севастополя надъ землею и подъ землею—поручкою, что наше возьметъ къ славѣ оружія Россіи.

Вотъ доказательство: непріятель выпустилъ до 10 тыс. снарядовъ, а что сдѣлалъ? Сбилъ 7—8 орудій, которыя черезъ часъ были замѣ-

нены другими, находящимися по близости на готовѣ, ранилъ только до 300 человекъ; люди были отведены по-отдалѣ, въ болѣе безопасныя мѣста, а тѣ, что оставлены въ укрѣпленіяхъ, были защищены блиндажами (т. е. крышами изъ нѣсколькихъ рядовъ толстыхъ бревенъ, засыпанныхъ сверху слоемъ земли въ нѣсколько футовъ толщины) и даже при орудіяхъ была оставлена только половинная часть прислуги.

Большая часть его бомбъ падала въ Южную бухту предъ и за мостомъ, но, къ счастью, никакого вреда не нанесли, городу тоже, а тѣмъ менѣе кораблямъ, стоявшимъ въ большой бухтѣ, куда тоже сыпалась бомбы и прилетали ракеты, пускаемая съ Херсонскаго мыса на разстояніи до 5 верстъ. Богъ вездѣ видимо хранилъ, а между тѣмъ наши батареи заставили молчать множество ихъ орудій и потому пальба стихла.

Сегодня, съ разсвѣта, поднялась точно такая-же канонада и длилась во весь день и теперь даже, хотя уже за полночь, можно насчитать среднимъ числомъ до 30 выстрѣловъ въ минуту, т. е. болѣе или менѣе. Результатъ тотъ-же, но потеря наша менѣе отъ благоразумныхъ мѣръ не дремлющаго начальства. Погода прояснилась съ полудня и грозный видъ представляла папорама Севастополя, позади котораго поднималась вверхъ по голубому небу синяя полоса пороховаго дыма; въ каждое мгновеніе ока, то здѣсь, то тамъ прорывалась огненными полосами хлопочущихъ на батареяхъ орудій клубы дыма, вылетая изъ жерлъ и катились по холмамъ и разсыпались въ глубинѣ овраговъ. Между тѣмъ, непріятельскій флотъ закурился съ разсвѣта и корабли его стали вытягиваться изъ Камышевой бухты и строиться въ три линіи на рейдѣ. На нашихъ приморскихъ батареяхъ стали калить ядра—красныя яички для Свѣтлаго Праздника, ждали атаки флота и новой адекой бомбардировки; цѣлый день флотъ двигался подъ паромъ, не опуская якорей и такъ ночь сошла въ напряженномъ ожиданіи. Храбрые моряки говорятъ: милости просимъ теперь пожаловать къ намъ! 5-го октября они выпустили 150 т. снарядовъ, которыми убили только 16 человекъ, разрушили нѣсколько маленькихъ ближайшихъ домиковъ и побили Константиновскую батарею или фортъ, поврежденія коего были исправлены на слѣдующій день. Тогда не было приготовлено каленыхъ ядеръ и береговя батареи отъ Константиновской до Волохова башни заключали въ себѣ только 4 орудія, а также весь берегъ опоясанъ брустверомъ, изъ котораго грозно смотрятъ на рейдъ десятки огромныхъ орудій. Милости просимъ на славный пиръ смерти! Что будетъ завтра—Богу извѣстно, но мы готовы на все, а я не утекъ

подальше со всёми и со всёми, что не принадлежит къ ремеслу губить челоуѣческой родъ.

Курьеръ завтра ѣдетъ и, если что будетъ, то еще приняшу страичку. Подкрѣпленія изъ Южной арміи 2¹/₂ дивизіи пѣхоты и одна кавалерія уже сближаются и голова колоны за перекатомъ. Вотъ тебѣ, милая моя, исторія дѣяній за послѣдніе дни, писанныхъ подъ ужасной пальбой, которая, не смотря на привычку иногда невольно заставитъ вздрогнуть. Впрочемъ спится подъ этотъ громъ довольно спокойно и крѣпко. Нечего дѣлать—еще страичку!

... Недостаетъ терпѣнья!... похоронный маршъ иногда цѣлыми днями отдается въ ухахъ и плачемъ своимъ томительно потрясаетъ нервы.

Какая трогательная картина: голубая пелена во всю ширину бухты медленно вздымается, будто грудь дыханіемъ, порой на ней будто золотой дождь, брызжутъ краски и подъ обаяніемъ стонущихъ звуковъ погребальнаго марша и ударовъ уныло звучащаго колокола видишь, какъ съ того берега отдѣляется баржа, осѣненная хоругвами и крестами. Священники въ черныхъ облаченіяхъ, толпа офицеровъ съ обнаженными головами стоятъ на кормѣ вокругъ нѣсколькихъ открытыхъ гробовъ, въ которыхъ товарищи ихъ, съ сомкнутыми на вѣки очами, съ лицами омертвѣлыми, но которыхъ не исказила болѣзнь и долгая мука, а пуля или осколокъ гранаты оторвалъ отъ жизни, какъ рука — цвѣтокъ — лежатъ обращенные къ солнцу, къ небу, куда ужъ отлетѣли души этихъ героевъ. Печальная процессія, сопровождаемая музыкой, немедленно движется по волнамъ бухты, подъ ядрами и бомбами, мимо громадныхъ кораблей, къ сѣверному берегу и, тутъ, товарищи, взяли гробы на плечи, несутъ ихъ до могилы. Здѣсь нѣтъ наемщиковъ, плакальчиковъ... Здѣсь нѣтъ за гробомъ разрывающихъ душу рыданій, нѣтъ цѣли тщеславія и къ гробу приковываютъ не расчеты, алчность наслѣдниковъ и лицемеріе... нѣтъ! одно братство, безкорыстная любовь товарищей и уваженіе къ достоинствамъ тѣхъ, которые завтра можетъ быть, сами пойдутъ въ вѣчность тою-же дорогой; и не отъ этой мысли поникли головы и тихо скатывается слеза на усъ, а отъ непритворной скорби о потерѣ брата!..

Такъ, на-дняхъ, похоронили мы генеральнаго штаба офицера Лаврова, а вчера генерала Бевата и такъ всякій день кого-нибудь болѣе или менѣе знакомаго...

О, Боже мой! когда-же кончится эта страшная бойня, когда перестанутъ возрастать эти пространныя насыпи за сѣверными укрѣпленіями, Богу одному извѣстно!...

На этотъ вопросъ, сію секунду, когда я писалъ его, среди завыванія вѣтра и хлынувшего проливнаго дождя, во мракѣ ночи, вспыхнули залпы орудій, разсыпался грохотъ ружейныхъ выстрѣловъ и бой закипѣлъ, готовя новыя жертвы землѣ. Вотъ и отвѣтъ на мое восклицаніе. Морякамъ неоспоримо принадлежитъ лучшая часть славы въ геройской защитѣ Севастополя и вмѣстѣ съ тѣмъ безпрерывно оказываемой удали!

Матросъ Кошка ужъ извѣстенъ вамъ по газетнымъ описаніямъ, многими выходками удалства, какъ онъ ночью прокрался къ непріятельской траншеѣ, какъ неожиданно бросился на офицера, живымъ взвалилъ его на плечи и, преслѣдуемый ружейными выстрѣлами, принесъ плѣннаго къ намъ, какъ мокрую курлицу.

Въ другой разъ, онъ вышелъ днемъ, подхватилъ на плечи тѣло убитаго нашего солдата и подъ жестокимъ огнемъ возвратился невредимо, а семь пуль влѣпились въ тѣло солдата.

Есть много подобныхъ смѣльчаковъ и между пѣхотинцами, которые живьемъ крадутъ англичанъ изъ секретовъ, уносятъ ихъ, заклепываютъ орудія и т. п.

Въ началѣ ноября прошлаго года стадо дрофъ, не обратившихъ вниманія на газетныя извѣстія возгласившія всему міру, что Севастополь въ осадѣ, — неблагоприятно изволило пролетать надъ Севастополемъ и сдѣлалось за это жертвою «Восточнаго» вопроса. Стрѣлки изъ нашей и непріятельской траншей въ одно время пустили кучу пуль въ лѣтѣвшее стадо и четыре самыхъ уважаемыхъ изъ дрофинаго общества, тяжело рухнули на половинѣ дороги между обѣими траншеями. Радость была общая, но прошло ¹/₄ часа и никто ни съ нашей, ни съ противной стороны не рѣшался воспользоваться лакомою добычей. Наконецъ, выходитъ изъ нашей траншеи морской офицеръ лейтенантъ П. и прямо къ дрофамъ. Пули вражьи посыпались на него какъ градъ, но смѣльчакъ преспокойно взялъ пару тяжелыхъ птицъ, проволокъ ихъ къ нашей траншеѣ и, бросивъ въ нее, снова, подъ неумолкавшимъ по немъ огнемъ возвратился къ оставшейся другой парѣ птицъ. Но, къ удивленію непріятеля, поволокъ ихъ къ траншеѣ французовъ.

Огонь умолкъ и при многочисленной публикѣ съ обѣихъ сторонъ, высунувшейся изъ за шанцевъ подоидя къ непріятельской траншеѣ, офицеръ поклонился и спустилъ пару дрофъ въ ровъ противниковъ.

«Brave Russe, brave Russe!» — воскликнула вся линія при общемъ аплодисментѣ и смѣльчакъ, ужъ не преслѣдуемый пулями, съ торжествомъ возвратился распоряжаться приготовленіемъ своей добычи на обѣдъ.

Тоже почти случилось съ поручикомъ гвардіи, бывшимъ при пѣхотномъ полку, кажется на 3-мъ баталіонѣ. Разсуждали о томъ, что хоть врагъ англичанинъ, а право не лучше стрѣляетъ, чѣмъ наши, хотя у него нарѣзные штуцера. Слово за слово и гвардеецъ сказалъ, что докажетъ это на дѣлѣ. Преспokoйно вышелъ за валъ, пули по немъ посыпались, а онъ, между тѣмъ, вынулъ изъ папиросницы бумагу, табакъ, не торопясь свернулъ папиросу, закурилъ, началъ медленно прохаживаться; непріятельскіе стрѣлки такъ и стрѣляютъ по немъ, по все мимо. Наконецъ, смѣльчагъ возымѣлъ какое-то желаніе, совмѣстное съ природой животнаго, присѣлъ лицомъ къ свопмъ и съ совершеннымъ равнодушіемъ къ жужжавшимъ надъ нимъ, подъ нимъ и вокругъ него пулямъ, занялся разсматриваніемъ растущихъ передъ нимъ травокъ. Окончивъ курсъ ботаники и, показавъ опытъ зоологіи, онъ приподнялся, оправился, и, потомъ, отойдя въ сторону, снова скрутивъ папиросу и выкурилъ ее. Однимъ словомъ пробывъ за брустверомъ подъ выстрѣлами, которые, наконецъ, прекратились, какъ бесполезные по Зоологу, смѣльчагъ возвратился въ траншею, бравировавъ опасностью болѣе часа времени. Панфиловъ смотрѣлъ по часамъ. Недавно противъ Чургуна, показалась цѣль англійской кавалеріи и, разумѣется, въ то-же время съ нашихъ аванпостовъ выѣхало къ ней на встрѣчу нѣсколько десятковъ казаковъ и завязалась безвредная перестрѣлка. Между тѣмъ, англійскій сержантъ слѣзъ съ лошади и началъ въ трубу разсматривать нашу позицію. Вдругъ Донской урядникъ пригнулся къ луку, какъ стрѣла налетѣлъ на наблюдателя, схватилъ его затылокъ и сильной рукой повлекъ его «маршъ—маршъ»!

Товарищи-англичане едва могли опомниться отъ внезапности и удивленія! Поскакали, пифъ-пафъ, а между тѣмъ, другіе Донцы къ нимъ на встрѣчу и урядникъ успѣлъ ускакать съ добычей, которая, несчастная, тащась на отлетѣ, какъ ангелъ легкокрылый, ради собственнаго сохраненія по инстинату, поспѣшилъ руками вцѣпиться лошади за холку, а ногами обвить одну изъ ногъ Донскаго летуна.

Подобныхъ этому разсказу — нѣтъ числа, но вотъ слѣдующій, весьма оригиналенъ.

Одинъ морской офицеръ отличился въ ночной вылазкѣ и на другое утро его позвалъ къ себѣ командовавшій тогда войсками генераль Остенъ-Сакенъ.

«Благодарю васъ, сказалъ ему Сакенъ, очень хорошо, смѣлый поступокъ, прекрасно! очень, очень благодарю!» И Сакенъ все наклонялъ голову къ офицеру, а тотъ, конфузясь все кланялся и отступалъ

къ дверямъ, по мѣрѣ того какъ генераль все къ нему приближался съ высунутою впередъ головою. Наконецъ, офицеръ ушелъ.

«Какіе эти моряки, сказалъ Сакенъ, не образованные, безъ всякаго воспитанія»!..

— Что вы сдѣлали? — сказали моряку адъютанты генерала. Вы не поцѣловали его въ щеку, когда онъ ее вамъ подставлялъ, а это знакъ его величайшей милости!»

— Чортъ-же это зналъ, отвѣтилъ совсѣмъ перекофужившійся морякъ. Въ это время его потребовали къ начальнику штаба, генералу Семякину.

— Благодарю васъ, молодой человекъ, смѣлый подвигъ... и проч!..

Морякъ что-то отвѣтилъ, а Семякинъ протянулъ къ нему правую щеку. Морякъ долго не думая, чмокъ въ генеральскую ланиту. Какъ отскочить Семякинъ да вскрикнуть: «Что съ вами? Вы съума сошли, что-ли?»

Оторопѣлый морякъ, какъ воронъ облитый выскочилъ на дворъ.

— Чортъ возьми этихъ сухопутныхъ, никакъ не угодишь! Не повернешься бьютъ, перевернешься---бьютъ. Что за народъ!

Дѣло въ томъ, что Семякинъ отъ контузіи оглохъ и, когда слушаетъ, что ему говорить, подставляетъ правую щеку подъ самый ротъ говорящаго.

Довольно болтовни, пора закончить, намаралъ пропасть бумаги. Надо еще дѣткамъ написать писульки. Да, кстати, я узналъ, что полковникъ Генрихъ все по прежнему живетъ на работахъ въ Николаевѣ.

До свиданія, добрый другъ, цѣлую тебя милліонъ разъ съ дѣтками.

Твой вѣрный другъ *О. Константиновъ*.

P. S. Письмо это доставить въ канцелярію князь Горчаковъ, гусарскій поручикъ, адъютантъ Коцебу, съ которымъ стою на квартирѣ и онъ общалъ зайти къ тебѣ, если будетъ время.

Письмо III.

3-го апрѣля 1855 г.

На сѣверной сторонѣ Севастополя.

Я, слава Богу, здоровъ и нѣко тебѣ кланяюсь, мой милый другъ.

А у насъ сегодня ужъ 8-й день идетъ страшная бомбардировка, такъ, что пушечные выстрѣлы бьютъ дробь какъ батальонный огонь и сливаются эхомъ, гудятъ, визжатъ и грохочутъ, будто сильный громъ,

день и ночь. Адь! Нервы болят и при всей привычкѣ, когда лопнетъ бомба по срединѣ бухты или при какомъ-либо взрывѣ, невольно вздрогнешь и зачастую разъ десять проснешься вскочешь къ окошку, — ужъ не подь окномъ-ли разорвало! Третьяго дня, такъ, непріятельскій корабль около полуночи подлеталъ къ бухтѣ и цѣлымъ бортомъ хваталъ бомбами, ажъ халупа моя затряслась и чуть не повылетали окна, да храбры больно — подлетѣли такъ близко, что бомбы ихъ за полъ версты не долетали до крайнихъ батарей Константиновской и № 10 и только испугали еще разъ подь утро, но съ тѣмъ-же успѣхомъ... напрасно будили честный народъ. Наши пушечки озлились и даже сильнѣе вражьихъ заговорили... ни ихъ, ни наша сторона не уступаетъ, а Севастополь, послѣ 7 дневной ужасной бомбардировки стоитъ себѣ спокойно въ томъ-же самомъ состояніи какъ былъ до 28 августа, т. е. до продолжающейся нынѣ бомбардировки. Только потеря наша значительна за эти дни, хотя, безъ сомнѣнія и съ ихъ стороны не менѣе нашей; въ сущности-же врагъ ничего не выигралъ. Говорятъ, что завтра будетъ съ его стороны усиленный огонь, а тамъ пойдутъ на штурмъ; всѣ этого ждуть съ нетерпѣніемъ въ полномъ упованіи такую задать гостямъ острастку, что, быть можетъ, они уберутся домой. Дай-то Господи скорѣйшаго и благополучнаго окончанія этой кровавой драмы, а то ужъ одно пуганье надоѣло до невыносимости, а какъ услышишь, что того ранило, того убило или оторвало ноги, да привезли двадцать телѣгъ труповъ — такъ сердце сжимается болью и воетъ скорбно: зачѣмъ столько гибнетъ народа. Но какъ и не гибнуть, когда нашъ солдатъ съ такимъ бѣшенствомъ порывается на непріятеля, что если его только выведутъ въ поле и скажутъ: «непріятель!»!, то ужъ никакая команда или сигналы не могутъ возвратитъ назадъ. «Отбой, отбой!», кричатъ; бакой тутъ отбой!..

«Измѣна, ребята, впередъ!.. и лѣзутъ не смотря ни на штыкъ, ни на градъ картечей непріятеля. Въ Хрулевскую вылазку съ 11 на 12 марта, 50 человекъ прошли всѣ траншеи французовъ и пробилсь къ батарее Викторіи, но что съ ними случилось — неизвѣстно. А чтобъ вернуть Диѣпровскій полкъ, не хотѣвшій слушать команды, назадъ — должны были послать священника съ крестомъ и тотъ ужъ умолилъ ихъ вернуться. Вотъ каковы наши солдаты и ихъ-ли побороть союзникамъ-бусурманамъ! Что будетъ далѣе, опишу тебѣ въ первомъ письмѣ затѣмъ...

О. Константиновъ.

Письмо IV.

6-го мая 1855 г.

Другъ мой Мариша!

..... *).

Не получивъ отъ тебя письма, я накажу тебя тѣмъ, что ограничу свое болтаніе немногими словами, потому что нечего писать.

Бездѣйствіе и спокойствіе съ обѣихъ сторонъ не постижимое. Выстрѣлы весьма рѣдки, дѣлъ никакихъ, непріятель какъ будто готовится къ чему-то важному и бережетъ силы до того роковаго дня, а мы жалѣемъ напрасно тратить порохъ, готовимся встрѣтитъ какъ слѣдуетъ гостей, строимъ новыя батареи и улучшаемъ старыя, утолщая бруствера и углубляя траншеи. Наша оборонительная линія никогда еще не была устроена такъ хорошо и надежно, какъ теперь, за то работаемъ съ неутомимой дѣятельностью. Запасы во всемъ огромны, и не проходитъ дня, чтобъ не являлось къ намъ на Сѣверную сторону 3—4 тыс. подводъ съ сухарями, мукой, порохомъ, снарядами и проч. принадлежностями. У непріятелей нашихъ открылась холера, цынга, продовольствіе весьма дурное, а потому французы и англичане снова стали перебѣгать къ намъ десятками. Еще и то сманиваетъ ихъ къ намъ, что ясно видать на сѣверной сторонѣ колоссальные склады продовольствія, слышно въ теченіе всего дня музыку нѣсколькихъ хоровъ, барабанный бой и звуки рожковъ на ученьи, хоры пѣсенниковъ и, подь ихъ глазами, по чудной поверхности бухты, десятки свующихъ по всѣмъ направленіямъ катерсвъ и гичекъ подь парусами и на веслахъ. Такая чудная картина при веселомъ говорѣ и заманчивыхъ звукахъ пѣсенъ и увертюръ, разносимыхъ эхомъ по сосѣднимъ холмамъ, показывая въ какомъ состояніи находится духъ гарнизона осажденнаго города, не можетъ не дѣйствовать соблазнительно на изнуренныхъ защитниковъ луны, которыхъ дурно кормятъ, обнадеживаютъ скорымъ взятіемъ Севастополя, а они ужъ перестали этому вѣрить и говорятъ «не знаемъ, за что мы тутъ 8 мѣсяцевъ переносимъ всѣ страданія, за что бьемся и вполне увѣрены, что Севастополя взять нельзя!»!

Какъ, напримѣръ, покажется непріятелю слѣдующая высадка: мичманъ Богдановичъ на-дняхъ, на 4 бастіонѣ, спустилъ къ сторонѣ непріятеля два большіе бумажные змѣя съ трещетками, къ полному удовольствію всѣхъ обитателей бастіона. А французы завидя змѣй,

*) Касается семейныхъ дѣлъ.

пзумились и, немного спустя, открыли по нимъ вверхъ ужасный, штуцерный огонь и при общемъ хохотѣ, успѣли разстрѣлять ужасныхъ враговъ. Вотъ чѣмъ занимаются на рубежѣ жизни и смерти подь бомбами и ядрами! Этого подь Троей не было! До свиданія мой дорогой другъ, ради Бога пиши...

Твой вѣрный другъ *О. Константиновъ.*

П и с ь м о V.

4-го августа 1855 г.

И н к е р м а н ь .

Пользуюсь отходящимъ курьеромъ и спѣшу опять написать тебѣ, мой другъ, нѣсколько строкъ, но, на этотъ разъ, неутѣшительныхъ!

Сегодня съ развѣтомъ было дѣло: мы атаковали непріятеля со стороны Черной, но Богъ не увѣнчалъ насъ побѣдой. Дѣло не удалось! Подробности сраженія мнѣ хорошо неизвѣстны, потому что я пріѣхалъ на телеграфъ, откуда издали можно было видѣть поле битвы тогда, когда она уже окончилась.

Но, скажу только, что въ числѣ убитыхъ нашъ Вревскій, которому ядро отбило часть лица и правое плечо. Онъ не вздохнулъ. Я видѣлъ его трупъ и совершилъ надъ нимъ крестное знаменіе за упокой его души.

Другая жертва—нашъ Бельгардъ, который храбро повелъ своихъ украинцевъ на Оедюхину гору, но какъ наши были два раза сбиваемы съ оной превосходною массою непріятеля, то и полкъ его опрокинуть въ Черную рѣчку. Бельгардъ пропалъ безъ вѣсти. Я спрашивалъ его солдатъ: они рассказывали, что ему перебило обѣ ноги и онъ взятъ французомъ въ плѣнъ, другіе—что у рѣчки, будучи раненъ, сваллся съ лошади и неизвѣстно взятъ-ли въ плѣнъ или утонулъ. Во всякомъ случаѣ—его нѣтъ и мало надежды, чтобы онъ остался живъ. Убиты также, генералъ Реадъ, гранатой расможженъ, и мой товарищъ генералъ Веймарнъ пулей въ темя, тоже на повалъ. Коцебу раненъ въ щеку осколкомъ гранаты, но весьма легко. Изъ Кавказскихъ знакомыхъ еще раненъ въ руку генералъ Вранкенъ.

Вѣроятно вмѣстѣ съ симъ, а можетъ быть немного погодя, прочтете извѣстіе объ этомъ дѣлѣ въ газетахъ, а я, пока, болѣе ничего не скажу.

Мы, вѣроятно, останемся, по прежнему, въ Ингерманъ, откуда я тебѣ пишу, и дѣло это не можетъ имѣть особенно дурныхъ послѣдствій,

потому что это была неудачная попытка, отъ которой мы ничего не выиграли и ничего не проиграли, а урокъ, я полагаю, у непріятеля большой, чѣмъ у насъ, потому что мы страшно валяли его изъ многочисленной нашей артиллеріи, дѣйствовавшей удивительно хорошо.

Въ городѣ все спокойно и непріятель ничего не предпринимаетъ со стороны онаго.

Письмо къ Гагемейстеру отошли съ кѣмъ-либо въ домъ къ нему. Онъ задалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ, на которые я ему отвѣчаю.

Я не знаю въ какихъ отношеніяхъ былъ Бельгардъ съ М-ше Н—вой, а потому не передавай ей подробностей, а скажи прямо, что взятъ въ плѣнъ.

Сегодня ночью пріѣхалъ изъ Петербурга флигель-адъютантъ Столыпинъ и вѣрно привезъ отъ тебя письмо, но какъ опъ остался на позиціи, то я до сихъ поръ не получилъ письма и не могу на него отвѣтить.

До свиданія, дорогая

Твой вѣрный другъ *О. Константиновъ.*

П и с ь м о VI.

27-го августа 1855 г.

И н к е р м а н ь .

Послѣ 3-хъ съ половиной дней ужаснѣйшаго бомбардированія днемъ и ночью, непріятель, въ числѣ, я думаю, тысячъ во сто, бросился на штурмъ, въ самый полдень, на всю оборонительную линію. Я видѣлъ съ телеграфа, какъ эти вражьи тучи летѣли на наши бастіоны были сражаемы картечью ружейнымъ огнемъ и, наконецъ, штыками были разсѣваемы. Но сила числительная брала верхъ; бастіоны по нѣсколько разъ переходили изъ рукъ въ руки и въ 7 часу вечера врагъ былъ отбитъ на всѣхъ пунктахъ, исключая самаго главнаго пункта Малахова Кургана. Тутъ онъ остался владѣтелемъ первой линіи, но вторая за нею, въ 30 саженьяхъ, осталась за нами, откуда жесточайшій огонь билъ на встрѣчу французамъ и въ этомъ положеніи застала ночь. Что будетъ далѣе—неизвѣстно; быть можетъ Богъ дастъ намъ силы отбить врага и съ этого пункта! Тогда слава увѣнчаетъ нашихъ храбрыхъ защитниковъ. Нельзя ничего сказать о нашей потерѣ, какъ равно и объ уроцѣ непріятеля, который долженъ быть огроменъ и

можетъ быть простирается до 20 тысячъ и болѣе. У насъ до сихъ поръ извѣстно, что ранены: Хрулевъ—оторвало два пальца на лѣвой рукѣ, генералъ Мартынецъ раненъ и изъ свиты Князя—флигель-адъютантъ Воейковъ и капитанъ генеральнаго штаба Мейендорфъ. Оба смертельно. О другихъ еще неизвѣстно.

Битва была страшная, при чемъ ужасный вѣтеръ холодный, бившій прямо въ лицо непріятелю. Въ бухтѣ у насъ сгорѣлъ фрегатъ «Коварка» и транспортъ «Березань», и кромѣ того часть Екатерининской улицы и нѣсколько домовъ на Корабельной. Сущій адъ!

Пальба продолжается теперь ночью. Горчаковъ остался со штабомъ въ городѣ.

Князь Барятинскій ѣдетъ съ депешами и везетъ это письмо. Человѣкъ Бельгарда отправляется съ его человѣкомъ на особой почтовой тележкѣ и привезетъ тебѣ 4 тыс. спичекъ

О. К.

Солдатская пѣсня.

Здравствуй, батюшка Свѣтлѣйшій,
Изъ вождей нашъ вождь славнѣйшій!
На Твой радостный приходъ,
На побѣду бьемъ походъ...

* * *

Мы успѣли ужъ немножко
Потасовку турку дать
И въ турецчину окошко
У Мачина проломать.

* * *

Поведи насъ на потѣху—
Молодецкимъ мы штыкомъ
Ужъ не этаку прорѣху
Чрезъ Балканъ тебѣ пробьемъ.

* * *

Сквозь нее сто тысячъ рати
За тобой въ Стамбуль войдетъ
И ликуя: „испала-ти“,
Православье воспоетъ!

* * *

За Царя, за Русь святую
Рады кровь свою пролить!
Церковь Греціи родную
Рады смертью искупить.

* * *

Нут-ка нехристь съ кумовьями,
Изъ французовъ, англичанъ,
Выходи-ка въ схватку съ нами,
Выводи свой сбродъ, султанъ.

* * *

Нашъ фельдмаршалъ, какъ обычно,
Вамъ задастъ лихой трезвонъ,
Ужъ простите! бить отлично
Супостата онъ ученъ!

О. Константиновъ.

11. Изъ записокъ очевидца Палатина.

Въ мартѣ 1854 года я былъ командированъ въ Одессу въ распоряженіе только-что назначеннаго туда военнаго губернатора генерала Крузенштерна. Собравшись наскоро, я выѣхалъ съ женой въ концѣ марта, и по невыразимо дурной весенней дорогѣ едва добрался до Одессы, перемѣнивъ на пути три экипажа. За Кременчугомъ начали встрѣчаться намъ кареты и коляски, увозившія изъ Одессы жителей опасавшихся непріятеля; приближаясь къ Николаеву, мы стали встрѣчать ихъ еще чаще, а въ Николаевѣ огромная гостиница была набита выѣхавшими изъ Одессы семействами. Расскажамъ объ Одессѣ, о непріятеляхъ и въ особенности объ англичанахъ не было конца; но всѣ эти рассказы были до крайности сбивчивы и противорѣчили одинъ другому, такъ что нельзя было составить о положеніи дѣлъ никакого понятія. Рассказывалось болѣе положительно только о томъ, что накануне изъ Одесскаго карантиннаго стрѣляли по англійскому пароходу, но какъ и почему, добраться было невозможно. Одни говорили, что пароходъ первый началъ стрѣлять; другіе опровергали это, иные лишь восхваляли мѣткость нашихъ выстрѣловъ. Такъ я и уѣхалъ изъ Николаева, не узнавъ ничего порядкомъ.

Ночь была лунная, тихая, теплая, дорога по временамъ извивалась у самаго берега, и Черное Море впервые заблестало предо мной своими игривыми струями, серебрившимися отраженіемъ луны. Ночной переѣздъ нашъ совершился благополучно, и часу въ шестомъ великолѣпнаго, яснаго утра мы были на послѣдней станціи къ Одессѣ. Станція эта находилась въ маленькой деревушкѣ, на высокомъ берегу моря. Солнце поднялось изъ-за моря и залило его золотымъ отблескомъ; море было тихо и ровно какъ зеркало. Картина была такъ хороша, что можно было засмотрѣться, забыться. ., но, увы, на зеркальной безмятежной синевѣ моря, недалеко отъ берега, видѣлся англійскій пароходъ, а за нимъ привязанная къ нему осиротѣлая херсонская лодка, вчера захваченная. Она представлялась кроткой, едва виднѣвшеюся надъ водой, въ сравненіи съ захватившимъ ее гигантомъ!

Въ восьмомъ часу утра въѣхали въ городъ. Улицы были оживлены; ямщикъ провезъ насъ къ бульвару и остановился у воротъ гостиницы, занимавшей огромный угловой домъ, выходящій на бульваръ, надъ самымъ моремъ. Торчавшій у воротъ дворникъ озадачилъ насъ извѣстіемъ, что изъ гостиницы всѣ выѣхали и что она закрыта, такъ какъ ожидаютъ нападенія англичанъ на городъ. Извѣстіе это заставило

насъ повернуть оглобли, и мы помѣстились въ другой, отдаленной отъ моря, гостиницѣ. Въ то же утро я явился къ губернатору, а чрезъ часъ онъ пріѣхалъ къ намъ и обязательно предложилъ переѣхать къ нему въ квартиру, что я и не замедлилъ исполнить въ тотъ-же день.

На другой день по пріѣздѣ, я отправился представиться барону Остенъ-Сакену, которому, какъ главному отрядному командиру, была ввѣрена защита Одессы. Въ пріемной я встрѣтилъ одного изъ его адъютантовъ и попросилъ доложить обо мнѣ барону. «Идите вотъ въ кабинетъ», отвѣтилъ мнѣ какъ-то фамиллярно адъютантъ, указавъ на дверь кабинета. Я извинился, что не могу принять такого предложенія, тѣмъ болѣе, что генералъ можетъ быть занятъ. Адъютантъ пожалъ плечами и съ словами: «пожалуй, доложу», пошелъ въ кабинетъ. Чрезъ минуту онъ вышелъ оттуда и пригласилъ меня войти. Въ кабинетѣ, кромѣ обыкновенной мебели, стоялъ между окнами большой столъ; на немъ лежала развернутая карта Россіи, утыканная булавами съ красными и зелеными головками; тутъ-же лежали три запечатанных конверта. Баронъ Остенъ-Сакенъ стоялъ у стола. Едва я вошелъ къ кабинетъ, онъ тотчасъ-же подошелъ ко мнѣ. Я представился ему.

— Когда вы пріѣхали?

— Вчера.

— Губернаторъ васъ ждалъ; онъ говорилъ мнѣ о васъ.

Сказавъ это, баронъ быстро повернулся, отошелъ къ столу, посмотрѣлъ, пригнувшись, на то мѣсто карты, гдѣ были булавки; потомъ взялъ одинъ конвертъ въ руки, перекрестился, перекрестилъ конвертъ, вскрылъ его, взглянулъ на бумагу и, положивъ ее на столъ, обратился ко мнѣ съ вопросомъ о дорогѣ; я отвѣчалъ. Онъ посмотрѣлъ на меня молча, взялъ со стола и вскрылъ крестясь другой конвертъ, осѣнивъ его также крестомъ, и началъ внимательно читать бумагу. Я стоялъ, созерцая все это, и размышлялъ о томъ, не слѣдуетъ-ли мнѣ удалиться, но баронъ Остенъ-Сакенъ положилъ на столъ бумагу, и подойдя снова ко мнѣ началъ предлагать мнѣ одинъ за другимъ вопросы о разныхъ предметахъ и затѣмъ кивнулъ мнѣ головой въ знакъ милостиваго отпуска. Я вышелъ, оставивъ его съ нераспечатаннымъ третьимъ конвертомъ.

Послѣ этой явки я думалъ было явиться еще къ находившемуся въ Одессѣ бывшему генералъ-губернатору Новороссійскому, генералъ-адъютанту Федорову; но мнѣ сказали, что онъ уже уволенъ отъ должности и никого не принимаетъ, а вскорѣ онъ выѣхалъ вовсе изъ Одессы; такъ мнѣ и не удалось видѣть этого замѣчательнаго человѣка,

выдвинутаго покойнымъ княземъ Воронцовымъ изъ полиціймейстеровъ города Николаева въ генералъ-губернаторы Новороссійскаго края.

Слѣдующіе дни посвящены были мною знакомству съ городомъ и разпросамъ о бывшихъ предъ мной пріѣздомъ происшествіяхъ.

Лучшую часть города по красотѣ зданій и виду на море составляла Набережная съ бульваромъ, памятникомъ де-Ришелье и мраморною лѣстницей къ морю.

Изъ новостей наиболѣе занимали всѣхъ: выпускъ хлѣба изъ Одесскаго порта, вопреки запрещенію, и способы вооруженія Одессы.

Выпускъ хлѣба, рассказывали, случился будто-бы слѣдующимъ образомъ. Когда произошелъ разрывъ Россіи съ Франціей и Англіей, то въ Одесскомъ портѣ застряло, на бѣду тамошнихъ торговцевъ, множество кораблей, не успѣвшихъ погрузить пшеницу; корабли эти подъ шумокъ нагружались съ величайшею поспѣшностью день и ночь и были, какъ говорится, на чеку, только-бы получить изъ таможи паспорта, да улизнуть въ море. Но, вдругъ прискакалъ въ Одессу къ генералъ-губернатору Федорову фельдъегеръ *) и привезъ Высочайшее повелѣніе: хлѣбъ съ купеческихъ кораблей ссылатъ въ амбары, и кораблей изъ порта не выпускать. Получивъ это повелѣніе, Федоровъ призвавъ къ себѣ служившаго у него нѣкоего чиновника, ловкаго молодца, дослужившагося изъ простыхъ писарей до высокочелобородныхъ ранговъ, имѣвшаго на шеѣ Анненскій крестъ. Переговоривъ съ нимъ о способахъ исполненія полученнаго повелѣнія, Федоровъ рѣшилъ написать бумагу градоначальнику о томъ, чтобы сейчасъ-же были сдѣланы имъ всѣ распоряженія къ невыпуску кораблей и сыпкѣ съ нихъ хлѣба. Казалось, мѣра принятая генералъ-губернаторомъ была хорошая, но на бѣду случился казусъ: фельдъегеръ съ повелѣніемъ пріѣхалъ въ Одессу предъ вечеромъ; пока генералъ-губернаторъ посылалъ за чиновникомъ, пока тотъ пріѣхалъ къ нему, пока они совѣщались между собою и пока написано было предписаніе градоначальнику, наступилъ вечеръ; конвертъ съ предписаніемъ градоначальнику былъ направленъ не къ нему, а по заведенному порядку, въ его канцелярію; тамъ дежурный чиновникъ припалъ его и пошелъ къ правителю канцеляріи, а того, какъ на грѣхъ, не было дома; дежурный, выдавшій въ своей жизни не одну сотню конвертовъ съ подписью «пужное» и знавшій по опыту, что не всѣ подобные конверты заключаютъ въ себѣ что-либо важное, положилъ спокойно этотъ конвертъ на столъ въ кабинетъ правителя.

*) Телеграфа въ началѣ Крымскій войны въ Одессѣ еще не было.

Самъ-же правитель, не будучи одаренъ даромъ предвидѣнія, выйдя предъ тѣмъ изъ своей квартиры, пошелъ погулять по бульвару, а оттуда завернулъ въ клубъ, да и пробылъ тамъ до трехъ часовъ утра. Возвратясь домой усталый онъ, по обыкновенію, помолясь Богу, залегъ спать, а вставъ утромъ, часу въ девятомъ, не торопясь одѣлся и, присевъ къ столу, началъ распечатывать конверты и прочитывать одну за другою бумагу, прихлебывая исподволь чаекъ. Вдругъ онъ вскочилъ, какъ безумный; злополучная бумага дрожить въ его рукахъ; нестово кричить онъ: «позвать дежурнаго»; тотъ входитъ. — «Что вы надѣлали! Важнѣйшая бумага!... Когда полученъ этотъ конвертъ?» — «Вчера, въ началѣ вечера». — Какъ въ началѣ вечера; вы съума сошли! Такая важнѣйшая бумага! Что теперь дѣлать? Посылайте скорѣе верховаго казака за столоначальникомъ, скажите, чтобы скакалъ во весь духъ; понимаете, скорѣе, скорѣе!»

Конечно, правителю можно было-бы и самому написать исполнительную бумагу по такому экстренному дѣлу, чѣмъ терять время въ ожиданіи столоначальника; но такой уже у него былъ порядокъ. Столоначальникъ жилъ не близко, у самага карапина, т. е. на концѣ города, и ничего не зная о случившемся, вышелъ изъ квартиры своей въ 9 часовъ утра и направился ровными, тихими шагами въ канцелярію. Къ довершенію горя, скакавшій къ нему казакъ, слѣдовалъ не по тѣмъ улицамъ, по которымъ онъ шелъ; и поэтому не могъ ни встрѣтиться съ нимъ, ни застать его дома. Только въ 10 часовъ столоначальникъ, придя въ канцелярію, принялся наконецъ за писаніе бумагъ начальнику порта о невыпускѣ кораблей съ хлѣбомъ и начальнику таможи о невыдачѣ кораблямъ паспортовъ. Черезъ четверть часа бумаги были готовы, отвезены къ градоначальнику для подписи, и затѣмъ, бѣдному столоначальнику досталось скакать съ ними на извозикѣ въ портъ и таможию, для сдачи ихъ по назначенію и объясненія, что онѣ очень спѣшныя. Но каково-же было его разочарованіе, когда, прискакавъ въ портъ, онъ не нашелъ тамъ ни одного нагруженнаго корабля: всѣ они еще до свѣта ушли, нѣкоторые, успѣвъ захватить паспорта, а нѣкоторые, и чуть-ли не большая часть, даже безъ паспортовъ.

Въ свое время о происшествіи этомъ производилось слѣдствіе; что имъ открыто, не знаю; но въ Одессѣ тогда были весьма неблагоприятныя толки о выпускѣ кораблей съ хлѣбомъ.

Когда эскадры французская и англійская вошли въ Босфоръ, а затѣмъ прогулялись въ январѣ 1854 году по Черному Морю къ Тра-

pezунду, открыто угрожая намъ нападеніемъ, мѣстное начальство, въ видахъ спасенія города отъ внезапнаго разгрома, придумало воздвигнуть нѣсколько батарей на берегу, начпная отъ Практической гавани до Карантинной. Для чего городскою думой было отпущено 25 тыс. руб. сер. На эти деньги предполагалось сдѣлать такъ-называемыя мѣшечныя батареи, т. е. нашить изъ холста мѣшковъ, набить ихъ пескомъ, уложить ихъ мерлонами, между которыми поставить имѣвшіяся пушки. Негоціанты пожертвовали холстъ на всѣ батареи, въ количествѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ аршинъ; оставалось только сшить ихъ. Командиръ двухъ арестантскихъ ротъ, майоръ Соловьевъ, старикъ необыкновенно добрый, услужливый и во всѣхъ отношеніяхъ почтенный, раскрылъ пожертвованный холстъ, и роты его духомъ нашили цѣлый обозъ мѣшковъ, которые и были развезены по берегу въ назначенные пункты, а затѣмъ опираясь на объявленное въ Одессѣ военное положеніе, ничего уже не стоило заставить полицію сгнать съ улицъ праздный народъ и даровыми руками набить и уложить на мѣста мѣшки. Такимъ образомъ, съ невѣроятною быстротой были устроены мѣшечныя батареи, окаймившія Одесскій берегъ. Одно только было упущено изъ виду—это море: батареи были размѣщены внизу у самой воды, а море какъ будто оскорбясь такимъ стѣсненіемъ для себя, притаясь во все время укладки мѣшковъ и давъ окончить устройство батарей, въ первую-же затѣмъ ночь до того разсвирѣпѣло и всколыхалось, что къ утру смыло всѣ до одного мѣшки и оставило осиротѣлыя пушки безъ всякаго прикрытія.

Тогда приступлено было къ постройкѣ, на тѣхъ-же мѣстахъ, батарей съ деревянными мерлонами. Для этого поставили бревенчатые срубы одинъ отъ другаго на такое разстояніе, чтобы между ними могла выглядывать пушка, и мерлоны эти засыпали землей. Эти-то батареи и засталъ я, пріѣхавъ въ Одессу, и ими-то пришлось отстрѣливаться во время бомбардировки.

14-го марта 1854 года, непріятельскіе союзные флоты вышли изъ Босфора и направлись къ Варнѣ. Съ того-же времени начали появляться у Одессы ихъ пароходы, гонясь въ виду города за мелкими нашими каботажными судами, стрѣляя по нимъ и забирая ихъ къ себѣ на буксиръ.

27-го марта, англійскій паровой фрегатъ *Фюри* подошелъ къ Одессѣ, и когда изъ Карантинной гавани произведены были два холостые пушечные выстрѣла, то онъ остановился подъ парами, поднявъ англійскій флагъ, и спустилъ шлюпку подъ переговорнымъ флагомъ.

Шлюпка приблизилась къ берегу, и находившійся на ней парламентаръ сдѣлалъ вопросъ: находится-ли еще въ городѣ англійскій консулъ? Ему отвѣчали, что консулъ выѣхалъ. Тогда лодка повернула назадъ и когда она стала сближаться съ фрегатомъ, то онъ, повернувъ нѣсколько отъ нея вправо, началъ тихо подходить прямо къ берегу, дѣлая промѣры. Капитанъ порта видя такую продѣлку фрегата и убѣдясь, что онъ подошелъ къ берегу ближе пушечнаго выстрѣла, велѣлъ выстрѣлить ядромъ, которое угодило прямо въ кожухъ фрегата. Какъ только фрегатъ получилъ эту затрещину, онъ тотчасъ-же поворотилъ назадъ и, принявъ свою шлюпку, быстро удалился отъ Одессы.

На шестой день послѣ этого, 2-го апрѣля, къ Одессѣ пришли три парохода, два англійскихъ и одинъ французскій. Высланный ими парламентаръ потребовалъ отъ имени англійскаго адмирала Дондаса объясненія о причинѣ выстрѣла сдѣланнаго будто-бы по переговорной шлюпкѣ. Ему объяснили въ чемъ было дѣло, но онъ просилъ изложить отвѣтъ ипсьменно, почему ему была вручена записка отъ барона Остенъ-Сакена слѣдующаго содержанія:

«Одесса 2-го (14-го) апрѣля 1854 года. Генераль адъютантъ баронъ Остенъ-Сакенъ почтаетъ долгомъ выразить адмиралу Дондасу изумленіе, побужденное въ немъ извѣстіемъ будто-бы изъ Одесской гавани стрѣляли по фрегату *Фюри*, находившемуся подъ переговорнымъ флагомъ.

«По прибытіи *Фюри* были произведены два холостые пушечные выстрѣла, вслѣдствіе которыхъ фрегатъ поднялъ свой *національный* флагъ и остановился внѣ выстрѣла. Лодка подъ *бѣлымъ* флагомъ тотчасъ-же отправилась отъ фрегата къ моллу, гдѣ ее встрѣтилъ дежурный офицеръ, который на вопросъ англійскаго офицера отвѣчалъ, что англійскій консулъ уже выѣхалъ изъ Одессы. Безъ дальнихъ переговоровъ лодка отправилась обратно къ фрегату и уже подходила къ нему, когда фрегатъ, вмѣсто того, чтобы ея дожидаться, двинулся въ направленіи къ моллу, оставивъ лодку влѣво отъ себя и приблизился къ батареямъ на разстояніе пушечнаго выстрѣла. Тогда-то офицеръ, командующій батареей на моллѣ, исполняя отданное приказаніе — не позволять непріятельскимъ военнымъ судамъ подходить ближе пушечнаго выстрѣла, счелъ обязанностью открыть огонь не по парламентару, а по непріятельскому судну, подошедшему слишкомъ близко къ берегу, хотя этому судну и поданъ былъ двумя холостыми выстрѣлами знакъ остановиться.

«Это простое изложеніе дѣла въ томъ самомъ видѣ какъ оно доведено до свѣдѣнія Его Величества Государя Императора, должно уничтожить само собою предположеніе, котораго, впрочемъ нельзя и допустить, будто-бы въ русскихъ гаваняхъ не уважаютъ переговорнаго флага, за неприкосновенность котораго ручаются законы общіе всѣмъ просвѣщеннымъ націямъ.

«Генераль-адъютантъ Его Императорскаго Величества баронъ Остенъ-Сакенъ».

Эта записка, по отзыву всѣхъ очевидцевъ, была безусловно правдива, и въ ней только не было упомянуто о промѣрахъ, сдѣланныхъ фрегатомъ *Фюри*, о которыхъ всѣ единогласно подтверждали, и всѣ были убѣждены, что переговоры о выѣздѣ консула были только пустой предлогъ, а въ сущности фрегатъ подходилъ къ Одессѣ съ единственною цѣлью произвести промѣры у берега.

Пароходы удалились. Но по смыслу заявленія Дондаса легко было понять къ чему оно клонилось, и что Одессѣ не миновать бѣды.

Батареи наши, какъ я выше сказалъ, были устроены на берегу; ихъ было шесть: изъ нихъ только № 1 на горѣ, за карантинномъ, изъ четырехъ пушекъ и шести мортиръ, прочія находились внизу, а именно №№ 2 и 3 на Карантинномъ молѣ, то-есть на плотинѣ защищающей Карантинную гавань отъ напора морскихъ волнъ и едва торчащей надъ водой, изъ нихъ въ № 2 было 6, а въ 3-мъ 16 орудій; № 4 изъ 8 орудій между Карантинною и Практическою гаванью; рядомъ съ нею влѣво № 5 изъ 6 пушекъ и еще влѣво на концѣ мола Практической гавани № 6 изъ 4 пушекъ. На всѣхъ батареяхъ мерлоны были поставлены такъ что амбразуры, а слѣдовательно и пушки, были направлены вправо, то-есть къ сторонѣ открытаго моря и не могли быть повернуты для стрѣльбы влѣво; только одна крайняя пушка на батарее № 6, названной въ послѣдствіи Щеголевскою, была обращена влѣво къ Пересыпи. Изъ такого устройства мерлоновъ и изъ числа орудій на батареяхъ было очевидно что военное начальство въ Одессѣ ожидало нападенія непріятельскихъ флотовъ не иначе какъ съ рейда, то есть на Карантинную гавань; поэтому то на одномъ Карантинномъ молѣ и было устроено двѣ батареи №№ 2 и 3-й съ 22 орудіями, да, кромѣ того, туда же были направлены орудія и съ остальныхъ батарей. Устройство это, какъ объясняли военные, было основано на томъ что Одесскій заливъ, по удостовѣренію знающихъ людей, былъ у Пересыпи до того мелокъ что никакой воен-

ный корабль не могъ подойти къ ней, и слѣдовательно сама природа защищала эту часть города отъ нападенія съ моря. Конечно, для точнаго удостовѣренія въ этомъ не мѣшало бы предъ устройствомъ батарей промѣрить глубину около Пересыпи, тѣмъ болѣе что Черное море довольно бурливо и могло легко измѣнять фарватеръ, но какъ-то случилось что строители батарей повѣрили мелководью на слово, да еще и приложили къ тому земскую давность, такъ какъ лица увѣрявшія о мели у Пересыпи не шутя ссылались на то что еще лѣтъ за тридцать херсонскія лодки перестали приближаться къ Пересыпи, боясь сѣсть на мель.

Не долго мы ждали. Въ Страстную пятницу, 9-го апрѣля, утро было великолѣпное, небо безоблачно, море тихо и ясно, какъ зеркало. Вдругъ съ пикета прискакалъ казакъ съ извѣстіемъ что показался флотъ, направлявшійся къ Одессѣ. Въ одну минуту городъ узналъ эту новость; кто полѣзъ на каланчу съѣзжаго дома, кто на колокольню, кто на крыши строеній, со зрительными трубками и биноклями въ рукахъ; большинство же бросилось на бульваръ. Всѣ взоры были обращены къ морю; но еще ничего не было видно; народъ прибывалъ, покрывалъ всѣ возвышенности; всѣ тѣснились, смотрѣли, шумѣли; въ городѣ сдѣлалась замѣтная суэта тамъ и сямъ скакали по улицамъ куда-то казаки; всѣ нетерпѣливо ожидали... и вотъ на горизонтѣ начали появляться вереницей одинъ за другимъ пароходы и корабли; они быстро приближались къ рейду, рисуя на небосклонѣ вырывающимся изъ трубъ дымомъ черныя полосы, таявшіяся по вѣтру, клубившіяся и разлетавшіяся въ прозрачномъ коздухѣ. Всѣхъ кораблей было двадцать шесть. Они приблизились къ рейду и, выстроясь въ двѣ линіи, остановились противъ города верстахъ въ трехъ отъ него. Вскорѣ на нихъ развернули, вѣроятно для просушки, бѣлые паруса. Картина какую представляли эти корабли, украсившіеся сверху до низу парусами, была въ полномъ смыслѣ грандіозная. При гладкой, зеркальной поверхности моря и прозрачномъ воздухѣ, разстояніе скрадывалось, и казалось что корабли стали не далѣе полуверсты; освѣщенные яркимъ солнцемъ, они походили подъ распущенными парусами на какіе-то фантастическіе, величественные бѣлые храмы, покоившіеся на синевѣ моря, невиданные дотолѣ, причудливые своими очертаніями, возникшіе какъ бы со дна моря по какому-то волшебству.

Попятно что прибрежнымъ жителямъ было не до созерцанія этой картины. Многіе начали поспѣшно укладываться и переѣзжать въ отдаленныя части города; нѣкоторые сносили пожитки въ подвалы, но никто

навѣрное еще не зналъ что будетъ; среди общей суеты, толкотни и бѣготни, я пробрался къ квартирѣ губернатора, гдѣ жилъ; она была на Софійской улицѣ, въ домѣ богатаго негеціанта Мавро-Біазы, выходящемъ угломъ противъ небольшого Скаржинскаго переулка, всего дома въ три, ведущаго къ морю, влѣво отъ Щеголевской батареи, недалеко отъ нея, такъ что изъ гостиной нашей были видны въ окно и море, и вдали непріятельская эскадра.

Въ 4 часа мы сѣли обѣдать; но едва подали второе блюдо какъ пріѣхалъ адъютантъ барона Остенъ-Сакена и извинясь, передалъ губернатору что баронъ ожидаетъ его къ себѣ сію же минуту. Губернаторъ въ свою очередь извинился предъ сидѣвшими за столомъ и отправился съ адъютантомъ. Мы окончили обѣдъ безъ губернатора и нетерпѣливо ожидали его возвращенія; онъ вскорѣ вернулся и прошелъ прямо въ кабинетъ, туда же отправилась за нимъ его жена, а за нею былъ позванъ и я. Здѣсь передалъ онъ намъ *по секрету* что прибывшіе на эскадрѣ непріятельскіе адмиралы Дондасъ и Гамеленъ прислали къ Сакену парламентаря съ требованіемъ выдать имъ всѣ находившіеся въ гавани купеческіе корабли какъ иностранные, такъ и русскіе, и что завтра неминуема бомбардировка Одессы, такъ какъ Сакенъ отказалъ имъ въ выдачѣ кораблей.

Въ послѣдствіи оказалось что адмиралы прислали Сакену съ парламентаремъ два письма, одно на французскомъ, другое на англійскомъ языкѣ, совершенно одинаковыя.

Вотъ содержаніе этихъ писемъ.

Предъ Одессой. 21 апрѣля (нов. ст.) 1854 г.

«Господинъ губернаторъ,—Такъ какъ письмо вашего превосходительства, отъ 14-го апрѣля, полученное нами только сегодня утромъ, содержитъ лишь ложныя показанія въ оправданіе неслыханнаго покушенія одесскихъ властей противъ одного изъ нашихъ фрегатовъ и его гребнаго судна, которые оба были подъ переговорнымъ флагомъ.

«И какъ, несмотря на этотъ флагъ, съ батарей города брошено нѣсколько ядеръ въ фрегатъ и на судно его, въ ту минуту когда послѣднее удалялось отъ мола, куда оно довѣрчиво приблизилось.

«А потому оба вице-адмирала, начальствующіе надъ соединенными эскадрами Англии и Франціи, почитаютъ себя въ правѣ требовать удовлетворенія отъ вашего превосходительства.

«Вслѣдствіе сего, всѣ англійскія и французскія суда, стояція въ настоящее время при Одесской вѣрности или батареяхъ, должны быть немедленно присоединены къ двумъ соединеннымъ эскадрамъ.

«Если до солнечнаго заката вице-адмиралы не получают отвѣта, или получают отвѣтъ отрицательный, то они будутъ вынуждены прибѣгнуть къ силѣ, для отмщенія за оскорбленіе нанесенное флагу одной изъ соединенныхъ эскадръ; хотя человеколюбіе и побуждаетъ ихъ принять лишь съ сожалѣніемъ это послѣднее рѣшеніе, отвѣтственность за которое падеть не на нихъ».

«Примите и пр. Вице-адмиралы, начальствующіе надъ соединенными эскадрами Англійи и Франціи. Гамеленъ, Дондасъ».

«Его превосходительству г. губернатору города Одессы».

Въ письмахъ, какъ видимъ, оказалось *небывалое* нападеніе нашихъ батарей на фрегатъ и шлюпку въ то время когда она удалялась отъ берега, то-есть когда по здравому смыслу не могло послѣдовать ни одного выстрѣла еслибы фрегатъ самъ не вызвалъ этого. Письмо было оставлено безъ всякаго отвѣта. Надо было готовиться къ бомбардировкѣ; но не понятно что заставило тогда одесское начальство медлить объявленіемъ жителямъ о предстоявшемъ нападеніи непріятеля, тѣмъ болѣе что для нихъ каждая минута была дорога чтобъ успѣть выѣхать по крайней мѣрѣ въ отдаленную отъ моря часть города, на Молдаванку, куда не могли достигать выстрѣлы съ кораблей, а также убрать изъ домовъ на набережной имущества, подвергавшіяся непосредственной опасности отъ пожара, который непріятелю легко было произвести бомбами.

Часу въ 7 вечера я вышелъ изъ квартиры чтобы взглянуть что дѣлалось въ городѣ, и только-что сошелъ на подъѣздъ, какъ былъ окруженъ нѣсколькими негодяями, которые остановили меня вопросами, будетъ ли завтра бомбардировка?

Предупрежденный начальствомъ, я, конечно, отвѣчалъ, скрѣпя сердце, что ничего не слышалъ и не знаю.

— Помилуйте, говорилъ одинъ изъ нихъ,---къ Сакену пріѣзжалъ парламентаръ, говорятъ, объявилъ что будутъ стрѣлять по городу; вы живете у губернатора, какъ вамъ не знать.

— Повторяю вамъ, господа, что я ничего не знаю.

— Извините, придрался другой негодянтъ, вы не хотите сказать; странно, что скрываютъ это; мы можемъ лишиться и жизни и всего достоянія, потому только что секретничаютъ, тогда какъ скажи теперь, мы бы успѣли выбраться.

Дѣло принимало серіозный оборотъ. Къ говорившимъ со мною подходили другіе, образовалась цѣлая толпа, слышался со всѣхъ сторонъ ропотъ.

— Господа, сказала я рѣшительнымъ тономъ, — меня удивляетъ что вамъ угодно обращаться ко мнѣ съ подобными вопросами. Предметъ вашихъ вопросовъ не можетъ ко мнѣ относиться.

— Ну такъ извините, подхватилъ какой-то пожилой господинъ, — я пойду просить губернатора сказать что намъ дѣлать. Кому угодно идти со мною? Человѣка четыре присоединились къ нему, и они отправились къ губернатору; прочіе остались на улицѣ.

Отдѣлавшись отъ этихъ допросовъ, я успѣшилъ направиться къ бульвару чтобы еще разъ взглянуть на эскадру. Корабли убрали уже свои паруса и безмолвно стояли какими-то таинственными, мрачными великанами; жители по прежнему толпились на бульварѣ, по улицамъ проходили въ походной формѣ военныя команды и занимали мѣста на ночь; на соборную площадь пріѣхала и выстроилась артиллерія; разставлялись около нея часовые: Одесса, видимо, готовилась къ завтрашнему дню. Но особенной суеты на улицахъ не замѣчалось; жители были покойнѣе, нежели можно было ожидать. Главною причиною этого настроенія безъ сомнѣнія была общая увѣренность что англичане и французы не рѣшатся напасть разбойнически на открытый европейскій городъ.

Возвратясь домой, я нашелъ во дворѣ приведенную съ почты шестерку лошадей; изъ сарая была выдвинута дорожная карета; въ домѣ происходили приготовленія къ отъѣзду, который назначенъ былъ на утро; укладываніе и увязыванье продолжалось за полночь, и наконецъ всѣ мы улеглись спать. Жена моя, на бѣду занемогла и простонала всю ночь; я почти не спалъ, ухаживая за нею.

Наступила Страстная суббота, памятное для меня 10 апрѣля 1854 года. Мы всѣ встали въ пять часовъ утра; сейчасъ же подали чай, послѣ котораго дамы наши начали готовиться къ отъѣзду; лошади были уже запряжены. Вотъ уже разсвѣло... вдругъ раздался съ моря пушечный выстрѣлъ; я взглянулъ на часы, было 35 минутъ седьмого; выстрѣлъ прогудѣлъ, за нимъ другой, третій... началась бомбардировка.

По первому выстрѣлу жена губернатора, вмѣстѣ съ моей женой, воспитавицей, гувернанткой и жившей у нихъ старушкой были усажены въ карету; мы съ ними распростались, перекрестили ихъ на дорогу, и онѣ понеслись на Молдаванку, подъ прикрытіемъ губернаторскаго адъютанта и десяти казаковъ, поскакавшихъ у кареты. За ними

вслѣдъ уѣхала вся прислуга, и въ домъ, полною за минуту людьми, остались только губернаторъ, его камердиперъ, да я; во дворъ же къ намъ въѣхали вскорѣ до тридцати казаковъ, присланныхъ для разсылокъ, а вслѣдъ за ними прибылъ и выстроился предъ квартирой, на улицѣ, взводъ конныхъ жандармовъ, при двухъ офицерахъ.

Понятно что начавшаяся такъ рано бомбардировка застала многихъ жителей, всожидавшихъ ся, въ постеляхъ, и надѣлала большой суматохи. Пробужденные пушечною пальбой жители бросились кто какъ могъ въ отдаленныя части города и за городъ, — кто пѣшкомъ, кто на лошадяхъ, съ узлами, сундуками, коробками; здѣсь тащили перину, тамъ вели подъ руки старушку; между спѣшившими пѣшеходами тѣснились коляски, кареты, телѣги, навьюченныя всякимъ добромъ и хламомъ; евреи, позабывъ свой шабашъ, суетились больше всѣхъ, цѣлые воза маленькихъ жиденятъ, напичканныхъ вмѣстѣ съ корзинами, узлами, подушками, тащились на тощихъ клячахъ. Къ десяти часамъ утра ближайшія къ морю улицы опустѣли; магазины и лавки, трактиры, кабаки и всякія другія подобныя заведенія закрылись. Все это случилось какъ то само собою, безъ особыхъ распоряженій; но тѣмъ не менѣе порядокъ и благочиніе нигдѣ не потерпѣли; былъ впрочемъ, по рассказамъ, одинъ случай, но объ этомъ скажу послѣ.

Канонада между тѣмъ успливалась; выстрѣлы сдѣлались непрерывны. Выйдя изъ квартиры, я отправился по Скаржинскому переулку къ морю; въ концѣ переулка, возвышавшагося надъ моремъ, толпилась небольшая кучка любопытныхъ разнаго званія лицъ; я подошелъ къ нимъ, и глазамъ моимъ представились всѣ подробности начавшейся битвы.

Отъ эскадры, стоявшей на прежнемъ мѣстѣ, отдѣлились девять парходовъ, и пройдя внѣ выстрѣловъ одинъ за другимъ мимо всѣхъ нашихъ батарей, они пострѣляли въ нихъ мимоходомъ и направилась къ Пересыпи, то-есть въ ту часть залива, которая считалась у насъ непроходимою для кораблей. Тамъ занявъ позицію противъ лѣваго фланга крайней № 6 (Щеголевской) батареи, спустили два катера, которые поплыли впереди парходовъ и, дѣлая безпрестанные промѣры глубины начали бросать въ воду около себя какія-то горючія вещества, отъ которыхъ вились надъ водой струйки дыма. Струйки эти, на подобіе нашихъ зимнихъ вѣхъ, втыкаемыхъ около проселочныхъ дорогъ, обозначали большой кругъ, къ которому парходы начали ходить одинъ за другимъ, и каждый изъ нихъ, выходя по кругу противъ Щеголевской батареи, стрѣлялъ въ нее послѣдовательными выстрѣлами, такъ

что когда одинъ парходъ, выстрѣливъ на ходу изъ послѣдняго своего орудія, удалялся, заворачивая по кругу, то на его мѣсто выходилъ слѣдовавшій за нимъ другой парходъ и стрѣлялъ по батарее, подобно первому, и такимъ образомъ атаковавшіе батарею парходы кружились предъ нею и стрѣляли съ праваго борта на ходу одинъ за другимъ, чрезъ что выстрѣлы были непрерывны; нѣкоторые же парходы, равнялись съ батареей, посылали ей выстрѣлы залпомъ со всего борта.

Планъ атаки былъ очень простъ и очень умно придуманъ. Атака происходила именно съ того мѣста, откуда вовсе ее не ожидали, и воображаемая нами отмель у Пересыпи оказалась въ этомъ случаѣ чѣмъ-то въ родѣ кокетки, неприступной только для насъ и очень благосклонно принявшей къ себѣ девять непріятельскихъ военныхъ парходовъ, вооруженныхъ огромными бомбическими орудіями, да еще присоединившійся къ нимъ въ послѣдствіи линейный 84-хъ пушечный корабль.

Съ возвышенности Скаржинскаго переулка была совершенно видна вся картина сраженія и вся набережная Одессы, съ бульваромъ, унизаннымъ любопытными зрителями. Съ города поднялся рѣзкій вѣтеръ и понесъ облаки пыли на непріятельскіе парходы; море зарыбило; сдѣлалась качка, что по всей вѣроятности мѣшало мѣткости выстрѣловъ съ парходовъ, и многія бомбы или летѣли въ воду, падая ниже батареи, или разрывались высоко надъ нею въ воздухѣ. Непрерывный грохотъ непріятельскихъ выстрѣловъ, визгъ снарядовъ, хлопанье ихъ въ батарейные мерлоны и въ сваи мола, оглушительный громъ разрывавшихся вверху бомбъ, все это сливалось вмѣстѣ и потрясало воздухъ, въ которомъ вилась пыль и клубился дымъ, вырывающійся изъ орудій и парходныхъ трубъ; взоры не успѣвали улавливать всѣхъ явленій, мгновенно возникавшихъ, пропадавшихъ и снова возникавшихъ. Это былъ какой-то хаосъ, раздражавшій нервы и убивавшій всѣ чувства, кромѣ безсиьной злобы на врага, осыпавшаго насъ смертоносными ударами и державшагося на такомъ мѣстѣ и въ такомъ разстояніи, гдѣ мы не могли ничего ему сдѣлать.

На непрерывныя выстрѣлы непріятели Щеголевская батарея отвѣчала сначала двумя, а потомъ одною крайнею пушкой. При незначительномъ своемъ калибрѣ пушка эта какъ-то голосила въ отвѣтъ на грозный ревъ непріятельскихъ бомбическихъ орудій; ядра съ батарей летѣли большею частью рикошетомъ, дѣлая на водѣ одинъ и два всплеска; нѣкоторыя изъ нихъ не долетали до парходовъ, другія летѣли мимо, но были и такія которыя попадали въ нихъ. Бой былъ

не равенъ, но батарея отстрѣливалась честно. На бѣду позабыли снять торчавшій въ тылу батареи какой-то деревянный сарай, выстроенный для склада корабельныхъ канатовъ; сарай этотъ загорѣлся отъ непріятельскихъ выстрѣловъ и благодаря вѣтру, скоро сгорѣлъ. Каково-то было оставаться въ то время на батареѣ лицомъ противъ летѣвшихъ какъ градъ непріятельскихъ бомбъ и ядеръ, а тыломъ къ пылавшему сараю, огненными языками лизавшему мерлоны, но пушка наша продолжала стрѣлять, не смотря на этотъ пожаръ и на горѣвшіе уже въ гавани у батареи три купеческихъ корабля... Вотъ на батареѣ раздался оглушительный, ужасный грохотъ. Отъ непріятельской ли бомбы, или отъ чего другаго, тамъ взорвало пороховой погребокъ. Громадная, черная туча дыму, пыли; камней и осколковъ взлетѣла на воздухъ. Всѣ мы невольно ахнули; батарея замолкла, замерла; казалось, на ней все погибло; дымъ начало относить; тамъ что-то курилось; болѣе ничего не было видно. Прошло нѣсколько томительныхъ минутъ, въ теченіе которыхъ непріятельскіе пароходы продолжали громить своими выстрѣлами несчастную батарею; отвѣта съ нея нѣтъ. Но вдругъ изъ ущѣлѣвшей амбразуры мелькнулъ огонекъ, вырвался клубъ дыма, раздался выстрѣлъ,—наша пушка, единственная пушка, ожива! Выстрѣлъ этотъ неожиданностію своею поразилъ насъ всѣхъ; раздался громкія одобрительныя восклицанія, и всѣ начали креститься, благодаря Бога за спасеніе бывшихъ на батареѣ артиллеристовъ.

Между тѣмъ и мы обратили, повидимому, на себя вниманіе непріятеля. Ему съ пароходовъ хорошо было видно что небольшая кучка людей, гдѣ я былъ, состояла изъ мирныхъ, ничѣмъ не вооруженныхъ жителей, не могшихъ причинить ему никакого вреда и привлеченныхъ только любопытствомъ, однакоже онъ не устыдился направить на насъ выстрѣлы. Прежде всего надъ нашими головами начали лопаться бомбы; вслѣдъ за этимъ онѣ начали попадать въ сосѣдніе дома: одна прошибла въ хлѣбномъ магазинѣ двѣ стѣны на вылетъ; другая отшибла уголъ дома; третья ударила въ стѣну дома Скаржинскаго, отлетѣла отъ нея, ударила въ стѣну другаго дома, и упала во дворъ; мы бѣгали каждый разъ осматривать эти поврежденія; но бѣльшая часть изъ насъ заблагодарасудила убраться по-добру, по здорову. Наконецъ, когда мы, въ числѣ нѣсколькихъ человекъ, возвратились отъ двора Скаржинскаго на прежнее мѣсто, то вверху подъ нами шлепнула 96-тифунтовая бомба и взлѣтѣвъ оттуда рикошетомъ на гору, упала прямо къ нашимъ ногамъ. Мы окружили эту бомбу; какой-то мѣщанинъ, потренивъ ее руками, объявилъ что она еще горячая; бомбу эту понесли къ подѣ-

ѣзду губернаторской квартиры и положили въ водосточную канавку, около стоявшаго тамъ часоваго. Всѣ столпились разсматривать непрощенную гостью; она была начинена, со ввинченною трубкой. Нашелся какой-то вѣмецъ, съ видомъ знатока началъ старательно отвинчивать трубку и, отвернувъ ее, принялся высыпать изъ бомбы мякоть; такимъ образомъ бомба была скоро разряжена и отдана на сохраненіе часовому; на трубкѣ ея былъ вырѣзанъ 1848 годъ.

Послѣ этого всѣ разошлись. Не рѣшаясь возвратиться въ переулокъ, и я отправился домой, гдѣ въ опустѣвшихъ комнатахъ нашелъ только губернаторскаго камердинера. Сильно проголодавшись, я послалъ его купить гдѣ-нибудь хотя бы хлѣба; онъ пробѣгалъ съ полчаса и принесъ мнѣ черствый пяточковый бѣлый хлѣбъ, заплативъ за него рубль серебромъ; оказалось что всѣ булочные и всѣ заведенія торгующія съѣстными припасами были наглухо заперты, и нигдѣ ничего не приготавливалось. Дѣлать было нечего; мы начали съ нимъ формальный обыскъ въ своей квартирѣ, съ цѣлью отыскать что-нибудь, чѣмъ бы подкрѣпить силы; но нашли только полбутылки кюмелю и штофикъ сливокъ. Выпивъ глотокъ кюмелю, я съѣлъ кусокъ хлѣба, далъ кусокъ камердинеру, который онъ тутъ же съѣлъ вмѣстѣ со сливками, а остальной кусокъ и кюмель вынесъ на улицу и предложилъ двумъ жандармскимъ офицерамъ, находившимся еще предъ квартирой губернатора и продрогнувшимъ въ однихъ мундирахъ на рѣзкомъ вѣтрѣ; они остались очень благодарны за мое угощеніе; затѣмъ ихъ со взводомъ вскорѣ послали куда-то въ другое мѣсто.

Губернатора съ утра не было дома; я оставался въ квартирѣ одинъ и записавъ наскоро о томъ что въ этотъ день видѣлъ, подошелъ къ окну, выходившему на Скаржинскій переулокъ. Канонада продолжалась съ прежнимъ ожесточеніемъ; улица совершенно опустѣла, и на ней никто не показывался; только на противоположномъ углу стоялъ щедущий, небольшого роста, будочникъ изъ евреевъ, еще молодой; его видимо мучило любопытство взглянуть что дѣлается на морѣ, но чувство самосохраненія осливало любопытство: онъ буквально становился на четвереньки, боязливо высовывалъ въ такомъ положеніи голову изъ-за угла дома въ Скаржинскій переулокъ, и лишь только раздавался громъ лопнувшей надъ переулкомъ бомбы, мгновенно прятался за уголъ. Когда же грохотъ какой-нибудь лопнувшей бомбы раздавался вблизи, онъ оковчательно припадалъ къ тротуару и лежалъ недвижимъ на нѣсколько минутъ, а потомъ приподнималъ понемногу голову и озирался, какъ бы сомнѣваясь, уцѣлѣлъ ли городъ. Онъ и не подозрѣвалъ

что за нимъ наблюдаютъ изъ окна губернаторской квартиры и, кажется, вовсе забылъ объ ней и о всякомъ начальствѣ. Но вотъ выстрѣлы усилились и подняли страшную трескотню; тогда мой храбрый блюститель порядка окончательно не выдержалъ и, вскочивъ на ноги, поспея какъ стрѣла, пригнувшись у самыхъ домовъ, по Софійской улицѣ!

Вскорѣ возвратился губернаторъ, но тотчасъ же прѣбъжали сказать что непріятель поджигаетъ дома на Пересыпи; губернаторъ отправился туда и, возвратясь чрезъ часъ, разсказалъ что дѣйствительно подошедшій къ Пересыпи пароходъ спустилъ было лодки, съ которыхъ бросались въ строенія конгревовы ракеты и нѣсколько етросей подожжено, но что подоспѣвшія туда наши пушки прогналы поджигателей картечью, и пароходъ, убравъ лодки свои, отошелъ.

Было уже три часа когда губернаторъ вышелъ въ гостиную, куда набралось нѣсколько офицеровъ; начались разказы о томъ что видѣлъ или слышалъ. Прошло съ полчаса, каюнада не умолкала. Чрезъ нѣсколько минутъ вошелъ казачій офицеръ и доложилъ губернатору что Щеголевская батарея замолчала и прислуга съ ней снята въ 3^{1/2} часа. Въ это время я стоялъ у окна выходившаго въ Скаржинскій переулокъ. Взглянувъ въ окно, я увидѣлъ что противъ переулка, то-есть прямо противъ нашего дома, вытянулся непріятельскій пароходъ; едва я успѣлъ сказать объ этомъ губернатору какъ съ парохода блеснулъ огонь и вслѣдъ за нимъ раздался выстрѣлъ; бомба влетѣла въ окно нижняго этажа сосѣдняго угловаго дома, лопнула въ комнатѣ и оттуда за клубился дымъ; губернаторъ и всѣ бывшіе у насъ побѣжали туда тушить огонь, а я отправился въ свою комнату записать время въ которое замолчала наша батарея. Только-что я принялся за перо какъ меня оглушилъ страшный громъ, потрясшій весь домъ; я вскочилъ, комната была полна пыли, потолокъ въ срединѣ сосѣдней столовой залы разломанъ, штукатурка осыпалась, видѣлась на чердакъ щель. Въ послѣдствіи оказалось что 96-ти фунтовая пистонная бомба, пущенная навѣснымъ выстрѣломъ, ударила къ намъ въ крышу, пробила ее и потолокъ, пробивъ стоявшій у стѣны шкафъ, разбила въ немъ хрустальный стаканъ, измяла бронзовую пепельницу и зашла въ стѣну, но къ счастью моему не лопнула; иначе не пришлось бы мнѣ писать этихъ строкъ. Въ первый моментъ у меня блеснула мысль что съ моря при значительной качкѣ не могутъ быть вѣрны выстрѣлы, въ особенности навѣсныя, и что поэтому въ квартирѣ можно бы остаться но мысль эта также мгновенно и улетучилась, когда другая бомба или ядро ударило въ нашу крышу. Опасность была

очевидная; я бросился собирать мои бумаги въ портфель, взялъ его подъ мышку, схватилъ на всякій случай стоявшее въ углу ружье мое и побѣжалъ по черной лѣстницѣ на дворъ, гдѣ была приготовлена для меня верховая казачья лошадь. На бѣду дверь оказалась запертою и ключа въ ней не было; я бросился назадъ и пока пробѣгалъ рядъ комнатъ чтобы выскочить на парадную лѣстницу, новая бомба ударила въ мостовую или въ стѣну подъ нашими окнами, такъ что изъ оконъ посыпались стекла. Я выбѣжалъ во дворъ и пока подавали мнѣ лошадь, еще три или четыре ядра ударились вблизи по крышамъ; казаки на нашемъ дворѣ суетились и не знали что дѣлать. Пока я скакалъ по Софійской улицѣ, чрезъ грѣшную мою голову перелетѣло съ визгомъ восемь ядеръ, напоследокъ какое-то шальное ядро пронеслось мимо меня довольно низко вдоль улицы и, упавъ на мостовую, покатилося въ припрыжку впередъ. Своротить было некуда; я скакалъ далѣе, догналъ ослабѣвшее, но еще катившееся ядро, обогналъ его и наконецъ выскакалъ изъ-подъ выстрѣловъ, гулъ которыхъ раздавался уже не такъ рѣзко. Осадивъ измученную лошадь, я снялъ фуражку и перекрестившись поѣхалъ шагомъ.

Такимъ образомъ я благополучно пріѣхалъ на Молдаванку и нашелъ нашихъ дамъ расположившимися въ тамошнемъ съѣзжемъ домѣ. Осмотрѣвъ оригинальное жилище, гдѣ помѣстилась губернаторша съ своими дочками, которыхъ было человекъ болѣе двадцати, я сдѣлалъ вопросъ, чѣмъ они питались въ этотъ день? И увы, отвѣтъ получилъ очень печальный: всѣ они питались одною жареною камбалой, рыбой, какъ извѣстно, не слишкомъ большихъ размѣровъ и не весьма высокихъ качествъ, хлѣба же вовсе не было, хорошо еще что захватили съ собою чай: овъ-то и выручилъ всѣхъ въ горѣ.

Каюнада, наконецъ, начала умолкать и вскорѣ совсѣмъ затихла; пріѣхалъ губернаторъ, и напившись чаю, я поѣхалъ съ нимъ на ночлегъ въ помѣщеніе его канцеляріи, переведенной предъ бомбардировкой въ наемный домъ, удаленный отъ моря.

Вотъ что я видѣлъ и испыталъ въ день бомбардировки Одессы 10-го апрѣля 1854 года; но это далеко, конечно не исчерпываются подробности общей картины. Чтобы пополнить, насколько могу, остающіеся пробѣлы; приведу слышанное мною тогда на мѣстѣ. Считаю необходимымъ оговориться что слышанное мною, хотя разсказывалось людьми казавшимися мнѣ солидными и достовѣрными, я не передаю за несомнѣнные факты.

Бомбардировка случилась въ страстную субботу, то-есть въ такой день, который православный людъ привыкъ чтить постомъ и воздержаніемъ и проводить преимущественно въ молитвѣ. Благодаря отчасти и этому обстоятельству порядокъ въ городѣ былъ сохраненъ во все время бомбардировки. Но вотъ между прочимъ, по рассказамъ, былъ какой случай. На одной площади, удаленной отъ выстрѣловъ, названіе которой теперь не упомяну, собралась толпа празднаго народа; въ толпѣ этой незамедлили появиться вѣстовщики прибѣжавшіе съ бульвара; ихъ, какъ очевидцевъ, обступили съ вопросами; они пустились въ объясненія; одинъ рассказывалъ что видѣлъ какъ на Сабанѣвскомъ мосту шла женщина и вела за руку ребенка, и какъ ядро непріятельское ударило въ эту женщину и разорвало ее на части; другой добавлялъ что при немъ ядро попало на пьедесталъ памятника де-Решелье и осколкомъ пьедестала ударило въ спину какого-то молодого человѣка, который покатился мертвымъ; третій присовокуплялъ что начальство бросило бульваръ и уѣхало къ архіерею въ гости. Рассказывали, пересказывали и свели розказни къ тому что непріятель стрѣляетъ въ насъ изъ ста орудій, а мы отстрѣливаемся только одною пушкой, и что батарея у Воронцовой лѣстницы и правѣе ея вовсе не стрѣляютъ. Толпа слушала все это съ напряженнымъ вниманіемъ и наконецъ порѣшила что такой слабый отпоръ съ нашей стороны и отъѣздъ съ бульвара начальниковъ означаютъ ни болѣе ни менѣе какъ измѣну. Какъ только было произнесено это роковое слово, толпа загудѣла, слышались крики: „бей, ребята! пойдемъ бить кабаки!“ съ шумомъ, съ гвалтомъ, двинулись къ запертому наглухо на той же площади кабаку; предводилъ молодой, рослый дѣтина, въ поддевкѣ, повидимому, мясникъ. Въ это самое время въѣхалъ на площадь верхомъ полиціймейстеръ съ шестью казаками. Увидѣвъ толпу намѣревавшуюся взломать двери кабака, онъ прищепилъ лошадь и подскакалъ къ толпѣ со своими казаками.

— Что вы орете здѣсь, разбойники, закричалъ грозно полиціймейстеръ.

Толпа нѣсколько осадилась при внезапномъ появленіи полиціймейстера котораго всѣ знали въ лицо.

— Вишь, чего ореть, что больно неладно поступаете, вотъ что.

— Кто не ладно поступаетъ? чѣмъ?

— Вѣстимо, чѣмъ, англичанцы бьютъ нашихъ, смотри-ка, изъ всѣхъ пушекъ, а наши-то молчатъ.

— Какъ молчатъ!

— Вѣстимо, молчать, загудѣла толпа, — а начальство попряталось; генералъ-то знать, пзмѣничаеть!

— Измѣна! закричалъ во всю глотку мясникъ, порываясь впередъ.

— Арканъ! крикнулъ громовымъ голосомъ полиціймейстеръ, обращаясь къ казаку. — Повѣсить этого каналью на фонарѣ!

Едва онъ произнесъ эти слова, какъ у казака моментально появился въ рукѣ арканъ; одинъ взмахъ, — и петля захлестнулась на шею мясника; казакъ дернулъ поводья своей лошади и поволокъ къ фонарному столбу свалившуюся съ ногъ жертву. Все это сдѣлалось такъ внезапно и быстро что пораженная толпа бросилась въ рассыпную, кто куда понало, такъ что чрезъ минуту на площади, кромѣ полиціймейстера съ казаками да мясника на арканѣ, не осталось ни души. Разумѣется, арканъ тотчасъ же сняли съ оробѣвшаго добраго молодца и отвели его въ полицію, подъ арестъ. Не давая полной вѣры этому рассказу, я помню однако же что онъ повторялся тогда многими и не отвергался самимъ полиціймейстеромъ, хотя официально о томъ имъ донесено не было; но въ тѣ времена умалчивалось предъ начальствомъ и не о такихъ вещахъ. Какъ бы то ни было, но за исключеніемъ этого случая, въ теченіе всего дня бомбардировки жители вели себя во всѣхъ отношеніяхъ безукоризненно и вполне заслужили благоволеніе государя, выраженное вскорѣ въ особой данной городу Высочайшей грамотѣ.

Изъ мирныхъ гражданъ въ этотъ день было ранено непріателемъ восемь человѣкъ и убито трое: сынъ аптекарскаго ученика Филипповъ на бульварѣ, солдатка Федосѣева на Сабанѣвскомъ мосту и отставной солдатъ Стройко на базарной площади. Изъ городскихъ строеній пострадали болѣе всѣхъ: домъ князя Воронцова, чего и слѣдовало ожидать, потому что онъ находился какъ разъ надъ Щеголевскою батареей, подъ непріятельскими выстрѣлами; сосѣдній съ нимъ домъ канцеляріи генералъ-губернатора и домъ Нарышкиной на бульварѣ; кромѣ того получили пробоины и другія поврежденія еще сорокъ девять домовъ, принадлежавшихъ также частнымъ лицамъ, а на Пересыпи сгорѣло четырнадцать разныхъ небольшихъ строеній, принадлежавшихъ десяти владѣльцамъ. Надо замѣтить что въ Одессѣ дома и прочія строенія строятся не изъ кирпича, а изъ камня, добываемаго изъ подъ земли около города. Камень этотъ сѣроватый, довольно мягкій при ломкѣ, такъ что его пилятъ пилами на правильные бруски, которые твердѣютъ потомъ на воздухѣ и составляютъ довольно удобный строительный матеріалъ. Этотъ-то камень въ стѣнахъ строеній оказался весьма выгоднымъ подъ

ударами ядеръ тѣмъ, что ядра дѣлали въ немъ только пробоины, не разрушая стѣнъ, тогда какъ кирпичныя стѣны отъ ядеръ осыпаются.

Такъ какъ главная атака непріятеля, во время бомбардировки Одессы, была направлена на Щеголевскую батарею, то героемъ дня былъ командовавший этою батареей молодой только-что выпущенный изъ корпуса прапорщикъ Щеголевъ. Онъ былъ небольшого роста, худощавый офицерикъ. Не знаю насколько справедливо, но про него рассказывали что онъ наканунѣ бомбардировки сидѣлъ за какую-то шалость на гауптвахтѣ, откуда былъ освобожденъ въ то время, когда непріятель объявилъ о намѣреніи напасть на Одессу, такъ что на батарею Щеголевъ попалъ прямо съ гауптвахты. Когда пароходы начали обстрѣливать его батарею, то онъ по словамъ расказчиковъ, будто бы растерялся при первыхъ выстрѣлахъ; артиллеристы, видя своего молодого офицера смутившимся, начали суетиться, но явившійся случайно на батарею волонтеръ, какой-то отставной опытный фейерверкеръ, имя котораго къ сожалѣнію осталось неизвѣстнымъ, обратился къ Щеголеву съ простою солдатскою рѣчью о томъ что робѣть печего; что они защищены такими мерлонами, которыхъ непріятелю не удастся разбить, и что какъ тамъ англичане ни стрѣляй, а ничего не подѣлаютъ.

Рѣчь эта успокоила офицера, онъ осмотрѣлся, перекрестился и началъ отстрѣливаться. Да не послужить этотъ передаваемый мною рассказъ укоромъ Щеголеву; если дѣйствительно справедливо что въ началѣ битвы молодая грудь его дрогнула предъ громадой навалившейся на него непріятельской силы, то онъ искупилъ это цѣлымъ днемъ самоотверженія и хладнокровнаго упорства, съ которымъ держался на батарее, не взирая на горѣвшій въ тылу сарай, на пылавшіе потомъ молъ, мерлоны и корабли и на взрывъ порохового погреба; онъ оставилъ батарею тогда уже когда на ней послѣдняя пушка покатила съ подбитаго лафета и не изъ чего уже было стрѣлять. Онъ честно выполнилъ свой долгъ. Я самъ видѣлъ въ послѣдствіи въ театрѣ, съ какимъ любопытствомъ и уваженіемъ смотрѣли на него англійскіе офицеры, взятые съ парохода *Тигръ*, сидѣвшіе рядомъ со мною, въ сосѣдней ложѣ; они съ живостью разспрашивали объ немъ у сидѣвшаго съ нами переводчика и другъ за другомъ приподнимались съ креселъ чтобы получше рассмотреть Щеголева, вошедшаго въ партеръ.

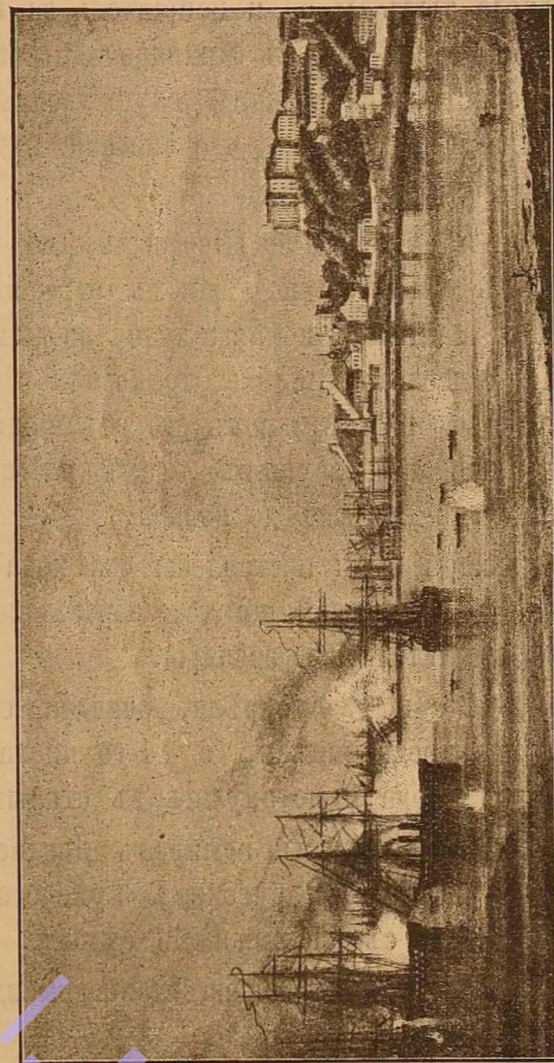
О пападеніи непріятеля на Пересыпь рассказывали слѣдующее: англійскій пароходъ, подойдя близко къ берегу, спустилъ нѣсколько лодокъ, которыя начали бросать на строенія ракеты и произвели ими пожаръ; тогда на Пересыпь были посланы четыре полевыхъ орудія,

подъ прикрытіемъ двухъ баталіоновъ пѣхоты, и изъ нихъ два орудія, захавъ въ небольшой переулочекъ, выходящій къ морю, открыли огонь по лодкамъ, стрѣляя картечью. Лодки при первыхъ выстрѣлахъ бросились къ пароходу, а онъ, привявъ ихъ на бортъ, подвинувшись еще къ берегу, открылъ пальбу изъ бомбическихъ своихъ орудій бомбами, гранадами и картечью и въ одну минуту не только заставилъ замолчать наши пушки, подбивъ у нихъ лафеты, но и вырвалъ въ пѣхотѣ изъ строя болѣе сорока человекъ, такъ какъ пѣхота выстроилась было противъ переулка. По рассказамъ очевидцевъ это произвело тамъ большую суматоху; раненые солдаты кричали, стонали, просили помощи, а перевязочный пунктъ будто бы не былъ указанъ, и врача на мѣстѣ не было. Вообще, рассказы о столкновеніи съ непріятелемъ на Пересыпи сопровождалась сильными порицаніями на то что посланная туда пѣхота выставялась безъ надобности на показъ непріятелю, тогда какъ ее можно было укрыть за строеніями. Такъ или иначе, по оказывается что на Пересыпи произошло небывалое въ исторіи сраженіе пѣхоты съ кораблемъ, не попавшее въ реляцію и не занесенное поэтому въ военныя лѣтописи.

Наступило Свѣтлое Христово Воскресенье. Тяжело было на душѣ встрѣтить этотъ великій праздникъ при такой грустной обстановкѣ. Мы поднялись тихонько чтобы не разбудить спавшаго еще губернатора; прежде всего начались справки чѣмъ бы намъ разговѣться; кулича и пасхи ни у кого не было и негдѣ было достать ихъ; добылъ только одинъ изъ чиновниковъ чаю и сахару, другому чиновнику гдѣ-то по-счастливилось раздобыться половиной жаренаго поросенка съ кашей да бутылкой мадеры, вотъ и все, хлѣба же не было ни крошки. Нашли у сторожа самоваръ и стаканы и духомъ распорядились чаемъ. На одномъ изъ канцелярскихъ столовъ былъ установленъ самоваръ, стаканы, бутылка съ мадерой и положенъ на какой-то картонкѣ поросенокъ. Помолясь усердно Богу, мы похристосовались, поздравили другъ друга со Свѣтлымъ праздникомъ и усѣлись пить чай. Вскорѣ всталъ и губернаторъ; мы вошли въ его комнату, похристосовались съ нимъ и принеся ему поздравленіе съ праздникомъ предложили чаю; онъ съ видимымъ удовольствіемъ принялъ наше предложеніе и такимъ образомъ мы справили оригинальное наше разгавливаніе, попивъ сначала чайку, а затѣмъ отвѣдали и поросенка съ кашей. Часу въ девятомъ пріѣхалъ полиціймейстеръ; онъ отапортовалъ губернатору, по принятому порядку, о благополучіи въ городѣ (хорошо было благополучіе!). Къ приказаніямъ отданнымъ ему губернаторомъ по разнымъ предме-

тамъ я присоединилъ свою просьбу позаботиться о снабженіи нашихъ дамъ какою-нибудь съѣстною провизіей; онъ далъ мнѣ слово устроить это по возможности, и дѣйствительно чрезъ нѣсколько времени завезъ большую корзину, въ которой было уложено нѣсколько битой птицы, зелень, нѣсколько бутылокъ отличнаго меда, а главное нѣсколько бѣлыхъ хлѣбовъ; съ корзиной этой я тотчасъ же отправился на Молдаванку и произвелъ тамъ появленіемъ своимъ съ такими запасами не малую радость: прошло въ разговорахъ нѣсколько времени, какъ вдругъ послышались опять пушечные выстрѣлы; народъ на улицѣ забѣгалъ; всѣ кричали что началась снова бомбардировка, но выстрѣлы скоро прекратились, и пріѣхавшій къ намъ губернаторъ разсказалъ что непріятельская эскадра стоитъ на своемъ мѣстѣ и что отъ нея отдѣлялся одинъ французскій пароходъ, который подошелъ было по вчерашнему направленію къ Пересыпи, но тамъ еще ночью въ одной каменной стѣнкѣ, идущей по берегу моря, были сдѣланы амбразуры и поставлены четыре орудія, которыя, какъ только пароходъ подошелъ къ Пересыпи, открыли по немъ огонь и одна изъ пущенныхъ въ него бомбъ разбила руль и оторвала привязанные къ нему баркасы; пароходъ въ ту же минуту отошелъ къ эскадрѣ.

Подстрекаемый любопытствомъ я отправился верхомъ посмотрѣть на тѣ разрушенія которыя произвела вчерашняя бомбардировка. Къ удивленію моему я не нашелъ большихъ поврежденій въ зданіяхъ: кое-гдѣ виднѣлись пробоины въ стѣнахъ или разбитыя стекла въ окнахъ, но все это было ничтожно въ сравненіи съ тою массой снарядовъ какая была брошена непріателемъ въ городъ въ теченіе цѣлаго дня. Только на бульварѣ дома канцеляріи генераль-губернатора и Нарышкиной и лѣвѣе домъ князя Воронцова, какъ находившіеся подъ выстрѣлами пароходовъ нападавшихъ на Щеголевскую батарею, были порядочно испещрены пробоинами. Спустясь въ низъ я вѣхалъ на Щеголевскую батарею; здѣсь было полное разрушеніе: деревянные мерлоны сгорѣли до-чиста; бывшая въ нихъ земля осыпалась и лежала въ неправильныхъ кучахъ; сваи мола обгорѣли до воды; пѣкоторыя изъ нихъ еще курились; пушечные лафеты сгорѣли и чугунныя пушки валялись на землѣ; кругомъ пепель и уголья; по всей вѣроятности Щеголевъ съ командой успѣлъ уйти съ батареи тогда еще когда она не горѣла, иначе оттуда никто бы не выскочилъ. Но болѣе всего я былъ пораженъ когда взглянулъ вправо: тамъ въ весьма недалнемъ разстояніи была батарея № 5, расположенная совершенно тыломъ къ Щеголевской, такъ что съ этой стороны вся прислуга на батареѣ была

Бомбардированіе Одессы.

защищена только небольшою каменною стѣнкой вышиной четвертей въ пять или шесть, прикрывавшею развѣ только однѣ ноги, и надо удивляться, почему пароходъ, выдвинувшійся противъ Скаржинскаго перулка, когда Щеголевская батарея замолчала, не направилъ своихъ выстрѣловъ на № 5, вмѣсто того чтобы бросать бомбы въ дома; достаточно было двухъ-трехъ выстрѣловъ картечью чтобъ уничтожить всю прислугу; можетъ быть горѣвшіе мерлоны на Щеголевской батарее заслоняли отъ парохода тылъ № 5, и непріятель за пламенемъ и дымомъ не могъ разсмотрѣть въ какомъ отчаянномъ положеніи находились наши бѣдные артиллеристы; во всякомъ случаѣ опасность пережитая ими была такъ велика и несомнѣнна что спасеніе ихъ можно отнести только къ особому милосердію Божію.

Направясь далѣе я проѣхалъ на Пересыпь, но тамъ кромѣ нѣсколькихъ обгорѣвшихъ домовъ и надворныхъ строеній ничего особеннаго не представилось; пожарная команда заливала дымившіеся остатки сгорѣвшихъ строеній; жители толпились, толковали о вчерашнихъ нападѣніяхъ непріятеля и о бѣгствѣ лодокъ его отъ нашихъ выстрѣловъ. Посмотрѣвъ на пожарище и послушавъ этихъ разсказовъ я возвратился на Молдованку, гдѣ пробылъ до вечера.

Вечеромъ на бульварѣ были поставлены два хора военной музыки и поэтому тамъ, при теплой ясной погодѣ, образовалось грустное гулянье въ виду всей непріятельской эскадры.

Слѣдующіе дни, 12-е и 13-е апрѣля, эскадра стояла на прежнемъ мѣстѣ, ничего не предпринимая, а 14-го числа, утромъ въ 8 часовъ, она снялась съ якора и потянулась въ открытое море.

При уходѣ своемъ изъ Одессы адмиралъ Дондасъ прислалъ къ намъ на австрійскомъ кораблѣ 49 русскихъ купеческихъ шкиперовъ и матросовъ, захваченныхъ съ каботажными судами.

Вотъ донесеніе барона Остенъ-Сакена главнокомандующему арміей отъ 10-го апрѣля 1854 года.

«Вчерашній день непріятельская эскадра, въ числѣ шести трехдечныхъ, тринадцати двухдечныхъ линейныхъ кораблей и девяти пароходовъ подошла къ Одессѣ и стала на позиціи, правымъ флангомъ противъ батареи № 1, въ трехъ верстахъ отъ берега.

«Около 4 часовъ пополудни, адмиралы Дондасъ и Гамеленъ, чрезъ парламентаря, прислали ко мнѣ, на англійскомъ и французскомъ языкахъ, одинаковаго содержанія, дерзкое, основанное на лжи, письмо съ требованіемъ, чтобъ имъ выданы были находившіяся въ Одессѣ англій-

скія, французскія и русскія суда. Письмо это, какъ они и сами вѣроятно ожидали, оставлено мною безъ отвѣта.

«Сегодня въ шесть съ половиною часовъ утра, девять непріятельскихъ пароходовъ, изъ коихъ одинъ 54-хъ-пушечный и восемь большею частію 32-хъ-пушечные, пройдя внѣ выстрѣла мимо 1-й или правой батареи, атаковали постепенно остальные пять батарей, стрѣляя по временамъ и въ городъ; наконецъ обратились всѣ на шестую или лѣвую батарею, устроенную на оконечности Практическаго мола, состоявшую изъ четырехъ 24-хъ-фунтовыхъ пушекъ; къ пароходамъ присоединился потомъ и линейный 84-хъ-пушечный винтовой корабль.

«Непріятель, пользуясь большимъ калибромъ своихъ орудій, въ особенности 68-ми и 96 ти-футовыми бомбическими пушками, не подходилъ на близкое разстояніе, и потому 4-я и 5-я наши батареи, болѣе удаленныя, мало принимали участія въ боѣ, хотя находились подъ выстрѣлами; но шестая, или лѣвая батарея, подъ начальствомъ прапорщика Щеголева, сражалась сначала четырьмя, а потомъ двумя орудіями, подъ перекрестными выстрѣлами непріятельскихъ судовъ, въ продолженіе шести часовъ; въ послѣднее же время противъ болѣе трехсотъ пятидесяти орудій. При всемъ томъ батарея замолчала, и храбрый прапорщикъ Щеголевъ вывелъ прислугу только тогда, когда примыкающія къ углу батареи, стояція въ гавани суда и мерлопы батарей объаты были пламенемъ. Спокойствіе и самоотверженіе его передавались прислугѣ, и предъ концомъ его подвига три непріятельскіе парохода были взяты на буксиръ.

«Будучи самъ свидѣтелемъ столь рѣдкаго мужества, я, по власти мнѣ данной, поздравилъ особенно отличившихся нижнихъ чиновъ помывутой батареи кавалерами знака отличія военнаго ордена, и полагаю, что прапорщикъ Щеголевъ заслуживаетъ особую награду.

«Между тѣмъ непріятельскіе желѣзные пароходы, не требующіе большой глубины, для окруженія Практическаго мола, сверхъ чаянія подходили близко къ берегу, и одинъ изъ нихъ отдѣлился даже къ предмѣстью Пересыпь съ гребными лодками, которыя конгревовыми ракетами зажигали наши суда на Практической гавани и строенія на означенномъ предмѣстьѣ. Войска, на лодкахъ находившіяся, пытались сдѣлать высадку, но встрѣченныя картечью изъ четырехъ полевыхъ орудій резервной № 14-го батареи 5-й артиллерійской дивизіи, подъ прикрытіемъ шести ротъ резервнаго и запаснаго баталіоновъ Томскаго и резервнаго баталіона Колыванскаго егерскихъ полковъ, поставленныхъ

въ засадѣ, обращены въ бѣгство къ судамъ и преслѣдуемыя ядрами, понесли значительную потерю.

«Вслѣдъ за симъ непріятельскіе линейные корабли отдѣлялись отъ линіи и подходили къ дачѣ генерала Лидерса для открытія по ней огня, но встрѣчаемые выстрѣлами изъ батарей № 1-го, 2-го и 3-го, перестрѣливались съ ними и отходили назадъ, что и повторялось нѣсколько разъ.

«Бой продолжался около двѣнадцати часовъ, и въ седьмомъ часу вечера непріятельскій линейный корабль и пароходы потянулись съ лѣваго нашего фланга къ своей позиціи, а линейный корабль, стоявшій противъ 1-й, 2-й и 3-й батарей отошелъ изъ-подъ выстрѣловъ.

«Непріятельская артиллерія, несмотря на превосходство калибровъ, не имѣла удачи. Батарея наша, отлично устроенная, нисколько не потерпѣла, исключая 6-й. Убито всего у насъ нижнихъ чиновъ четыре, ранено: состоящій по артиллеріи подполковникъ Мецкерскій и нижнихъ чиновъ сорокъ пять, контужено нижнихъ чиновъ двѣнадцать.

«Войска, участвовавшія въ бою и оставшіяся въ резервѣ, сражались за вѣру, Царя и честь Россіи, одушевлены были безстрашіемъ и примѣрнымъ усердіемъ.

«Явившійся ко мнѣ за часъ до начатія боя генералъ-адъютантъ Анненковъ, принималъ особенное участіе въ ходѣ дѣла и со свойственною ему опытностью и распорядительностью былъ мнѣ весьма полезенъ. Успѣху дѣла также много способствовали: начальникъ штаба 3-го корпуса генералъ-майоръ Тетеревниковъ, начальникъ постоянного пѣшого артиллерійскаго резерва генералъ-майоръ Майдель, командующій Одесскимъ гарнизономъ генералъ-майоръ Корвинъ-Красинскій; командовавшій прибрежными батареями, командиръ резервной бригады 5-й артиллерійской дивизіи полковникъ Яновскій и командовавшій отрядомъ на Пересыпи, Украинскаго егерскаго полка майоръ Чемерзинъ. О прочихъ отличившихся я буду имѣть честь представить вашей свѣтлости по полученіи представленія отъ частныхъ начальниковъ.

«Завтра должно ожидать новой атаки непріятели. Я приказалъ снять мерлоны съ 4-й и 5-й батарей, стѣснявшіе кругъ дѣйствія артиллеріи, и въ продолженіе ночи построить на Пересыпи брустверъ изъ четырехъ полевыхъ батарейныхъ орудій. Непріятель, вѣроятно, употребитъ всѣ свои силы, но я добросовѣстно приму неравный бой въ день Воскресенія Христа Спасителя.

Апрѣль, при прекрасной погодѣ, проскользнулъ незамѣтно. Наступило 30-е число. Утромъ былъ такой густой туманъ, что море совер-

шенно скрылось изъ глазъ и Одесса точно была завѣшена отъ него бѣлыми, непроницаемыми занавѣсами; по улицамъ же туманъ клубился подобно облакамъ, и сквозь него едва виднѣлись зданія. Въ 10 часу утра я отправился къ губернатору и занялся у него въ кабинетѣ нѣкоторыми бумагами. Во время этихъ занятій губернатору подали конвертъ, привезенный казакомъ съ одного изъ сторожевыхъ пикетовъ; такіе конверты безпрестанно присылались оттуда съ разными свѣдѣніями о движеніи непріятельскихъ кораблей. Полученная бумага заключала въ себѣ очень интересную и пріятную новость; въ ней сообщалось, что непріятельскій пароходъ сѣлъ на мель, въ 6 верстахъ отъ Одессы, у дачи Кортацци. Новость эта всѣхъ переполошила; занятія наши были оставлены; губернаторъ поспѣшно одѣлся и уѣхалъ къ барону Сакену, я же вышелъ изъ кабинета и только что началъ передавать эту новость разнымъ лицамъ, случившимся въ приемной, какъ вошелъ состоявшій при губернаторѣ по особымъ порученіямъ Полетаевъ и узнавъ въ чемъ дѣло предложилъ мнѣ отправиться на мѣсто происшествія; я, разумѣется, не заставилъ себя упрашивать, и мы оба, не захавъ на свои квартиры, чтобы сказать куда отправляемся, взяли извозчика и пустились прямо на дачу Кортацци. Баронъ Степъ-Сакенъ былъ уже на мѣстѣ, окруженный свитой; ему вынесли съ дачи кресло, и онъ сѣдѣлъ у самыхъ пушекъ.

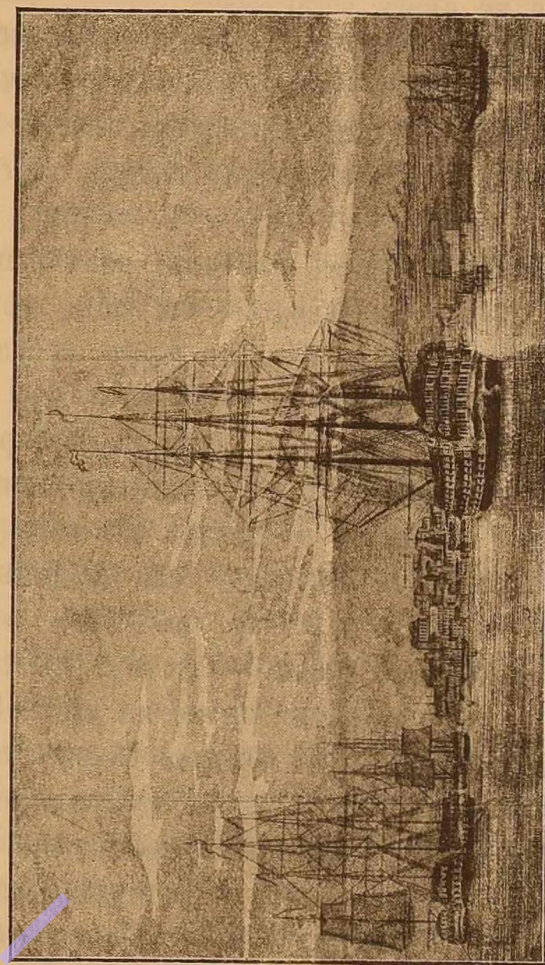
Засѣвшій пароходъ былъ англійскій „Тигръ“, вооруженный шестнадцатью бомбическими орудіями. Пароходъ этотъ шелъ изъ-подъ Севастополя, чтобы блокировать Одессу, и капитанъ его, не зная хорошо Чернаго моря, ошибся при густомъ туманѣ въ курсѣ, и думая что повернулъ въ Одесскій заливъ, направился, отнесенный теченіемъ, вмѣсто залива, прямо на гористый берегъ, не дошедъ до рейда шести верстъ. Здѣсь пароходъ со всего разбѣга палетѣлъ на подводный камень, перескочилъ черезъ него и ударясь о другой камень, за сѣлъ между ними. Когда всѣ испробованныя мѣры снятыя оказались тщетными, пароходъ началъ стрѣлять изъ пушекъ, чтобы привлечь вниманіе другихъ бывшихъ не вдалекѣ пароходовъ, но вмѣсто того выстрѣлы его были услышаны нашими пикетами, и изъ колоніи Люстдорфъ, находящейся подъ Одессой, прискакалъ на мѣсто артиллерійскій поручикъ Абакумовъ съ двумя пушками, которыя подвезъ къ самой окраинѣ горы, и началъ угощать непрошеннаго гостя ядрами. Съ горы легко было стрѣлять по пароходу, но съ парохода отстрѣливаться оказалось невозможнымъ, потому что для этого орудія нужно было ставить почти перпендикулярно, и хотя пароходъ началъ было отвѣчать Аба-

кумову, но ядра его перелетали чрезъ нашихъ артиллеристовъ; когда же отъ одного изъ нашихъ выстрѣловъ упалъ находившійся на палубѣ капитанъ парохода Джифордъ (или Грифордъ), раненый ядромъ въ ноги, то на пароходѣ были сожжены все бумаги и спущенъ флагъ, а съ нашей стороны пальба была тотчасъ же прекращена.

Въ это же время мы съ Полетаевымъ прибыли на мѣсто. Англійскіе матросы спускали свои шлюпки и переправлялись на берегъ; высадившись, они потянулись въ гору по извилистой тропинкѣ; все они были въ синихъ курткахъ; впереди шли ихъ офицеры. Взойдя на гору, офицеры приблизились къ барону Остенъ-Сакену; онъ всталъ. Лейтенантъ Ройеръ, принявшій послѣ Джифорда команду надъ пароходомъ, подалъ было Сакену свою шпагу, но кто-то изъ окружающихъ успѣлъ предупредить Сакена, что все бывшіе на корабляхъ непріатели считаются въ карантинномъ положеніи, поэтому шпаги отъ офицеровъ были отобраны служащими въ карантинѣ и всехъ взятыхъ въ плѣнъ офицеровъ и матросовъ велѣно было отправить въ карантинъ.

Пока отправляли плѣнныхъ, внизу снимали со шлюпки раненыхъ; ихъ было пятеро. Раненые матросы скоро были внесены на носилкахъ на гору; одного изъ нихъ, молодого, съ небольшою рыжею бородой, принесли къ тому мѣсту гдѣ мы стояли; онъ лежалъ молча, обводилъ всехъ глазами, около него на носилкахъ видѣлись его внутренности; ядро должно-быть прошло ему по животу; онъ открывалъ судорожно ротъ, кто-то сказалъ, что онъ проситъ пить, но воды взять было негдѣ, только подъ лафетомъ пушки стояло ведро съ водой для смоченія банника; одинъ изъ артиллеристовъ бросился къ этому ведрку и, зачерпнувъ рукой воды, пропустилъ умирающему нѣсколько капель въ ротъ, онъ имѣлъ еще силы закрыть ротъ, какъ бы проглатывая эти капли, но тутъ же умеръ. Грустно было смотрѣть на этого только что испустившаго духъ бѣднаго молодого человѣка. Мнѣ невольно подумалось, что онъ умеръ вдали отъ своей родины, гдѣ, можетъ-быть, оставилъ жену, мать, что онъ не увидится уже съ ними и будутъ оплакивать безвременную кончину.

Немного правѣе съ берега въ гору поднимались тихо носилки, покрытыя бѣлымъ полотномъ; за ними шелъ молодой человѣкъ въ черномъ сюртукѣ, въ офицерской фуражкѣ, съ кокардой, держа въ рукѣ большой графинъ съ какою-то красною жидкостію; легко было догадаться, что несли раненаго капитана корабля. Такъ какъ носилки, избѣгая выстрѣловъ съ пароходовъ, направлялись вправо отъ насъ къ

СЕВАСТОПОЛЬ.
Съ гравюры Вахренова 1855 года.

стоявшей тутъ же на горѣ церкви, то мы съ Полетаевымъ рѣшились пройти туда, чтобы поближе посмотреть раненаго.

Подойдя къ церкви, мы остановились, поджидая носилокъ; онѣ скоро появились; четверо матросовъ несли ихъ на плечахъ; слѣдовавшій сзади молодой человекъ оказался врачъ. Носилки опустили на траву, на нихъ лежалъ капитанъ Джифордъ, заложивъ обѣ руки за голову; мизинецъ правой руки былъ оцарапанъ и на немъ видѣлась кровь; когда сняли покрывало, то правая нога его оказалась оторванной ниже колѣна, а на лѣвой раздроблена ступня; на обѣ ноги были наложены металлическія кольца, стягивавшія ноги посредствомъ винтовъ, для устраненія потери крови. Джифордъ молчалъ и смотрѣлъ покойно; онъ былъ красивый, высокаго роста, еще не старый мужчина, одѣтъ былъ въ синемъ сюртукѣ военного покроя, съ серебряными кантиками.

Едва Джифордъ былъ внесенъ въ домъ, какъ непріятельскіе выстрѣлы точно по сигналу направились на насъ; грохотъ, усиливавшійся отраженіемъ отъ церкви и визгъ ядеръ и гранатъ заставлялъ мигомъ разбѣжаться всѣхъ бывшихъ у церкви. Мы съ Полетаевымъ также не долго храбрились и увидѣвъ, что многіе прыгнули въ таможенную канаву, проходившую отъ берега къ Одессѣ, направились туда же, рассчитывая выбраться по канавѣ изъ-подъ выстрѣловъ. Канавъ была глубиной въ ростъ человека, если не болѣе, имѣла очень крутые скаты и служивалась къ избу, такъ что по ней можно было слѣдовать только гуськомъ по одному человеку. Мы попали въ канаву почти послѣдними, и впереди насъ бѣжало по крайней мѣрѣ человекъ пятьдесятъ; предо мною бѣжалъ пожилой священникъ, въ длинномъ подрясникѣ. Пока мы бѣжали по канавѣ, удаляясь отъ моря, непріятельскіе снаряды безпрестанно перелетали черезъ наши головы, съ пронзительнымъ визгомъ, въ особенности же надѣдали ракеты, визжавшія какъ-то порывисто и заставлявшія каждый разъ опасаться, что вотъ-вотъ кабая-нибудь изъ нихъ лопнетъ надъ головой и разожжетъ картечью черепъ.

Выбравшись изъ-подъ выстрѣловъ, мы достигли выемки въ откосѣ канавы и вышли на открытое мѣсто. Здѣсь была цѣлая масса публики. Между стоявшими и сидѣвшими людьми шныряли разнощники съ мороженымъ, лимонадомъ и разными сладостями; тутъ-же было множество извозчиковъ, предлагавшихъ свои услуги. Отдохнувъ немного и освѣжившись питьемъ, мы съ Полетаевымъ рѣшились взять извозчика и переѣхать на лѣвую сторону, чтобы подѣхавъ опять къ морскому

берегу и прискавъ удобное мѣстечко внѣ выстрѣловъ, смотрѣть оттуда, что дѣлается съ „Тигромъ“.

Глазамъ нашимъ представилась великолѣпная картина. Туманъ уже разсѣялся; день былъ тихій; море блистало подъ солнечными лучами, какъ зеркало. Вправо отъ насъ тянулся берегъ, спускаясь къ морю отвѣсными скалами. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ пароходъ „Тигръ“, на самой окраинѣ горы, надъ нимъ стрѣляли наши пушки; густыя толпы народа пестрѣли на всемъ протяженіи берега внизу и по горѣ, отступивъ лишь отъ того мѣста гдѣ были пушки и куда ложились непріятельскіе выстрѣлы. Въ морѣ, противъ „Тигра“, стояли два парохода; теперь они явственно рисовались въ прозрачномъ воздухѣ со всеми своими подробностями и развѣвавшимися на мачтахъ флагами. Вырывавшіеся изъ ихъ орудій клубы дыма при выстрѣлахъ относило въ сторону, и всѣ движенія матросовъ на палубахъ видѣлись отчетливо. Все это было вблизи насъ; взоры наши обнимали картину во всѣхъ ея подробностяхъ, и мы упивались ею, находясь внѣ всякой опасности.

Вскорѣ пушки наши, вѣроятно, вслѣдствіе приказанія барона Остенъ-Сакена, начали учащенно стрѣлять въ пароходъ „Тигръ“. Онъ недолго вынеслъ эти выстрѣлы; ядра зажгли его, и дымъ за клубился съ его палубы. Стрѣльба была прекращена, а затѣмъ перестали стрѣлять и непріятельскіе пароходы. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ они оставались нѣмыми зрителями гибели своего собрата, разгоравшагося при легкомъ вѣтеркѣ, и потомъ, выкпнувъ черные погребальные флаги надъ кормой своей, сдѣлали по три выстрѣла въ море какъ бы на прощанье съ нимъ и тихо удалились.

Приѣхавъ на квартиру, я не засталъ жены дома; слуга сказалъ, что барыня цѣлый день безпокоплась, плакала и ужъ больше часу какъ уѣхала къ пароходу отыскивать меня. Между тѣмъ съ каждою минутой надо было ожидать взрыва парохода, и слѣдовательно опасности для тѣхъ кто при взрывѣ случился бы вблизи его. Не зная, что предпринять, я ходилъ въ нерѣшительности по комнатѣ, заглядывая безпрестанно въ окна. Наконецъ, выглянувъ въ сотый разъ, я увидѣлъ жену и выбѣжалъ къ ней на встрѣчу. вмѣсто взаимныхъ упрековъ, мы, обрадовавшись другъ другу, пустились въ рассказы о томъ, кто изъ насъ что видѣлъ и приказали скорѣй подавать обѣдъ.

Вдругъ, въ 8 часовъ раздался такой оглушительный ударъ, какого я въ жизни моей не слыхалъ; Пушкиревъ выскочилъ на улицу, кажется черезъ окно, которое было не высоко надъ мостовой, такъ какъ я занималъ квартиру въ нижнемъ этажѣ; я выронилъ стаканъ съ

чаемъ, бывшій въ моихъ рукахъ; жена чуть не упала въ обморокъ; на улицѣ произошла суета, появившіеся откуда-то люди бѣжали и кричали, размахивая руками.

Отъ парохода однако-же осталась въ цѣлости вся подводная его часть и уцѣлѣла паровая машина, которая долго торчала надъ водой, по въ послѣдствіи была разобрана, свезена въ Одессу, и кажется пригодилась на какой-то нашъ пароходъ.

Одну изъ любопытныхъ новостей принесли съ парохода бывшіе тамъ люди, это то, что они видѣли въ трюмѣ челоуѣка, повидимому грека, съ отрубленною головой, плававшего въ крови. Высказывались лишь догадки, что это могъ быть лодманъ, подвергшійся расправѣ англичанъ въ то время, когда „Тигръ“ засѣлъ въ камняхъ, за ошибку въ направлеіи парохода, что могло быть ими приписано умыслу.

Черезъ нѣсколько дней одесскіе жители были обрадованы извѣстіемъ о полученной Высочайшей грамоты, дарованной Государемъ городу Одессѣ, по поводу порядка, каковой былъ сохраненъ во время бомбардировки. Торжественное объявленіе и врученіе этой грамоты было назначено въ день святителя Николая, 9-го мая.

Въ этотъ день въ Преображенскій соборъ, находящійся на центральной площади, собрались всѣ начальствующія и служащія лица, консулы, представители городскихъ сословій и вся одесская аристократія, въ числѣ которой множество дамъ. Площадь была наполнена войсками и народомъ. Баронъ Остенъ-Сакенъ, окруженный свитой, внесъ грамоту предъ началомъ литургіи въ соборъ и положилъ ее на приготовленный аналой. Литургія была отслужена преосвященнымъ Иннокентіемъ, знаменитымъ въ свое время проповѣдникомъ; по окончаніи же ея Сакенъ передалъ грамоту генераль-губернатору Анненкову для перенесенія въ торжественномъ шествіи сначала къ памятнику Ришелье, а потомъ по бульвару въ городскую думу.

Прошелъ май и іюнь совершенно благополучно. Предъ Одессой постоянно находились на рейдѣ два, а иногда три непріятельскіе парохода, державшіе насъ въ блокадѣ. Мы къ нимъ привыкли и не обращали на нихъ никакого вниманія. Иногда пароходы эти отходили отъ города и терялись въ морѣ, или же въ виду нашемъ гонялись за какою-нибудь лодкой; нѣкоторыя изъ лодокъ попадали къ нимъ на буксиръ, другія успѣвали уходить. Погода все время стояла отличная. Жители Одессы собирались каждый вечеръ на городской бульваръ и гуляли до сумерекъ.

1-го іюля, въ день Рожденія Государыни, былъ назначенъ въ биржевомъ зданіи балъ, дававшійся купечествомъ для квартировавшихъ въ Одессѣ военныкъ. Одесскія дамы за нѣсколько дней начали хлопотать о своихъ нарядахъ, желая явиться на балъ во всей красѣ. Каково же было ихъ огорченіе и тревога, когда утромъ въ этотъ день, во время обѣди, на которую въ соборъ собрались всѣ власти и часть войскъ, назначенныхъ для парада, раздались за городомъ пушечныя выстрѣлы. Въ одну минуту распространилась по городу вѣсть, что непріятельскіе пароходы напали на рабочихъ, разбиравшихъ паровую машину на „Тигрѣ“, и открыли сильную канонаду, съ намѣреніемъ разбить машину. Артиллерійскихъ солдатъ повезли въ карьеръ на телегахъ прямо отъ собора на мѣсто, гдѣ происходила канонада. Тамъ они застали три непріятельскіе парохода, стрѣлявшіе усердно по остаткамъ „Тигра“ и окружавшимъ его лодкамъ, на которыя вынимались части его машины. Наши орудія открыли съ своей стороны по пароходамъ огонь, и завязалось цѣлое артиллерійское сраженіе, продолжавшееся, впрочемъ, не долго. Пароходы, потопивъ у насъ двѣ лодки и повредивъ баржу, прекратили пальбу въ концѣ перваго часа пополудни и ушли въ море. Артиллерія наша отдѣлалась двумя контуженными солдатиками и двумя ранеными лошадьми, а выстрѣловъ, какъ говорили, было выпущено съ непріятельскихъ пароходовъ не менѣе 1.000. Признаться, трофеями непріятеля похвастаться не могли.

8-го сентября, какъ извѣстно, было сраженіе въ Крыму, на рѣкѣ Альмѣ. Спустя нѣсколько дней, къ Одессѣ подошелъ англійскій пароходъ „Везувій“ и привелъ на буксирѣ огромный и неуклюжій на видъ транспортный корабль „Эвасъ“. Парламентеръ съ Везувія объявилъ, что присланы наши раненые на Альмѣ. Въ письмѣ генерала Дондаса, при которомъ были присланы раненые, говорилось о челоуѣколюбивыхъ чувствахъ, а между тѣмъ оказалось, что они въ теченіе нѣсколькихъ дней оставались у англичанъ безъ всякаго пособія и раны ихъ не были перевязаны; влѣдствіе чего на пятый день послѣ сраженія умерло изъ нихъ 31 челоуѣкъ, да на кораблѣ во время переѣзда въ Одессу— 11 челоуѣкъ и затѣмъ доставлено живыми 342.

(„Рус. Вѣстникъ“, Январь, 1877 г.).

Членъ Правленія Балтійскаго Судостроительнаго и Механическаго завода, д. с. с.
Орестъ Порфирьевичъ Кмита.

Съ фотогр. Рейхертъ и Флиге (1903 г.).

12. Орестъ Кмита.

(По его личнымъ воспоминаніямъ).

Почти до конца навигаціи 1853 года Практическая и Карантинная гавани Одесскаго порта, были въ полномъ оживленіи; въ первой изъ нихъ находились суда внутренняго плаванія и исключительно подъ русскимъ флагомъ, во второй-же — совершающія заграничныя плаванія подъ флагами разныхъ національностей. Обѣ эти гавани вполне удовлетворительно были защищены отъ морскихъ вѣтровъ и волнъ каменными стѣнками, сооруженными на свайныхъ утрамбованныхъ щебнемъ и мусоромъ, молахъ. Въ каменныхъ стѣнкахъ, обращенныхъ къ морю, были прорѣзаны амбразуры и изъ нихъ грозно выдвигались дула орудій, имѣвшія преимущественно назначеніе для салютовъ и сигналовъ, такимъ образомъ на оконечности мола Практической гавани, амбразуръ и орудій было только четыре, на оконечности-же продолжительной Карантинной стѣнки, ихъ было значительно больше. Лучшія и постоянныя мѣста въ обоихъ гаваняхъ занимали пароходы, состоящіе въ вѣдѣніи „Экспедиціи пароходныхъ сообщеній между Константинополемъ и Одессою“, и хотя эти пароходы совершали срочные рейсы съ пассажирами и грузами, какъ за границу, такъ и между Николаевомъ, Херсономъ и Крымскими и Кавказскими портами, но команды ихъ были военноморскія и командиры флотскіе офицеры.

3-го октября, 1853 года, Турція открыла военныя дѣйствія противъ Россіи, почему всѣ пароходы „Экспедиціи пароходныхъ сообщеній между Константинополемъ и Одессою“, обращены были въ военныя и ушли изъ Одессы, кромѣ небольшого парохода „Андія“, оставшагося при Одесскомъ портѣ для особыхъ порученій; бывший на этомъ пароходѣ судовой механикъ, иностранецъ, списанъ и вмѣсто его назначенъ судовымъ механикомъ, кондукторъ, корпуса корабельныхъ инженеровъ, по механической части, Кмита.

21-го октября 1853 года объявлена война съ Турціей, Черное море опустѣло, а если и показывалось какое нибудь судно на горизонтѣ, то привлекало къ себѣ вниманіе всего города. Такъ однажды произвело общую тревогу медленно приближавшееся къ Одесскому рейду военное судно, впоследствии оказавшееся паруснымъ корветомъ „Калипсо“ и, такъ какъ вслѣдствіе штиля, на другой день онъ не могъ идти обратно въ Севастополь, то пароходъ „Андія“ вышелъ на рейдъ и на буксирѣ вывелъ этотъ корветъ въ море, гдѣ онъ вскорѣ получилъ вѣтеръ и

продолжалъ свой путь подъ парусами, а пароходъ „Андія“ возвратился въ гавань.

Въ двадцатыхъ числахъ ноября получилось въ Одессѣ, всѣхъ поразившее пріятное извѣстіе объ уничтоженіи 18 сего ноября турецкаго флота на Синопскомъ рейдѣ, нашимъ прославившимся адмираломъ Нахимовымъ. Единственнымъ погибшимъ въ этомъ сраженіи офицеромъ, оказался родной братъ штурманскаго офицера парохода „Андія“, прапорщика Высоты.

Съ наступленіемъ зимы, пароходъ „Андія“ окончилъ кампанію и машина его была разобрана, а служащіе на немъ получили другое назначеніе, а именно: на берегу моря избраны были три наблюдательныхъ пункта, чтобы съ нихъ, дневными и ночными сигналами, давать знать о появляющихся въ морѣ судахъ. Такимъ образомъ, на первый пунктъ, на Большой маякъ былъ назначенъ штурманскій прапорщикъ Высота, на второй пунктъ, на дачу Кортацци, механикъ парохода кондукторъ Кмита, а на третій пунктъ на дачу Лидерса— артиллерійскій кондукторъ парохода Рыбаковъ; сигнальщиками на каждый пунктъ были росписаны матросы парохода. При наступленіи же тумана, для другихъ случайныхъ требованій, въ распоряженіе главнаго наблюдателя было назначено по 10 казаковъ, при одномъ урядникѣ.

Сигнализация происходила такимъ образомъ: съ большого маяка принимались сигналы на дачѣ Кортацци, съ этой дачи передавались на дачу Лидерса, а съ послѣдней—въ городъ, начальнику оборонительной линіи.

Днемъ сигналы подавались флагами, а ночью фальшфейерами и вспышками. На случай общей тревоги по всему берегу были разставлены осмоленные столбы.

Для служебныхъ поѣздокъ было предоставлено наблюдающимъ пользоваться казацкими лошадьми, а въ городъ бесплатно всякимъ извозчикомъ.

Въ теченіи зимняго времени, показывались чаще всего на горизонтѣ суда въ ночное время и можетъ быть ваша усердная сигнализация фальшфейерами и вспышками заставляла ихъ скрываться, такъ что къ утру горизонтъ всегда былъ чистъ.

Въ исходѣ февраля 1854 года, наблюдательные пункты были переданы въ вѣдѣніе казаковъ, при одномъ сигнальщикѣ, остальные же служащіе на пароходѣ „Андія“ были вызваны для приготовленія парохода къ плаванію.

Пароходъ „Андія“ стоялъ въ концѣ мола Практической гавани, у самой батареи и когда былъ назначенъ командиромъ этой 4-хъ-пушечной батареи молодой артиллерійскій прапорщикъ Щеголевъ, бывший въ Дворянскомъ полку одновременно съ механикомъ парохода „Андія“, вышедшимъ изъ означеннаго полка по болѣзни, то по предложенію прапорщика Щеголева поселился на пароходѣ „Андія“, чтобы находиться всегда при батарее, въ виду необходимости укрѣпленія ея стѣнки.

15 марта 1854 года объявлена была война союзниками Турціи, Англіей и Франціей.

Подкрѣпленіе стѣнки батареи приходило къ концу, какъ вдругъ, на 7-й недѣлѣ великаго поста, появилась на Одесскомъ рейдѣ англо-французская эскадра, состоящая изъ кораблей и пароходо-фрегатовъ. Никакого не было сомнѣнія, что этотъ непріятельскій флотъ намѣренъ бомбардировать городъ и гавани, а такъ какъ въ Карантинной гавани находились вностранныя коммерческія суда, которыя, вѣроятно не пощадила бы непріятельская эскадра, равно какъ и все находившееся въ Практической гавани, то *механику парохода „Андія“ было приказано, при первомъ выстрѣлѣ, открыть подводныя краны и затопить пароходъ.* Но являлся вопросъ—куда дѣваться тогда служащимъ на пароходѣ?

Механикъ, какъ товарищъ прапорщика Щеголева, рѣшилъ не разставаться съ нимъ, а также и кондукторъ-артиллеристъ и всѣ тоже примкнули къ прислугѣ батареи.

Въ пятницу, на Страстной недѣли, около 10 часовъ вечера, прапорщикъ Щеголевъ и кондукторы Кмита и Рыбаковъ, сидя на батарее, разсуждали о болѣе удобной подачи пороха и снарядовъ; а кондукторъ Рыбаковъ ушелъ перевезти родственное или знакомое ему семейство съ берегового дома, въ болѣе безопасную, въ центрѣ города, квартиру, но вскорѣ возвратился съ казакомъ, ведшимъ другую лошадь безъ сѣдока. Казакъ привезъ приказаніе главнокомандующаго генерала барона Остенъ-Сакена, немедленно прибыть одному изъ кондукторовъ на дачу Лидерса для наблюденія за дѣйствіемъ англо-французскаго флота. Такъ какъ наблюдающимъ на дачѣ Лидерса былъ кондукторъ Рыбаковъ, то онъ и долженъ ѣхать на свой наблюдательный пунктъ, но въ виду своего обѣщанія перевезти въ городъ знакомое ему семейство онъ и попросилъ кондуктора Кмита временно замѣнить его, и давъ слово прибыть на дачу Лидерса. Вслѣдствіе чего кондукторъ Кмита, сдѣлавъ точныя указанія машинному унтеръ-офицеру когда и какъ

затапливать парходъ, сѣлъ на лошадь и вмѣстѣ съ казакомъ отправился на дачу Лидерса. Генералъ баронъ Остенъ-Сакенъ занималъ со своей свитой весь нижній этажъ дачи Лидерса, а кондукторъ Кмита получилъ приказаніе отъ капитана 1-го ранга Швендера отправиться на башню и какъ только замѣтитъ, что суда англо-французскаго флота начнутъ разводить пары, дать знать объ этомъ главнокомандующему. Исполняя приказаніе въ точности, кондукторъ Кмита всю ночь наблюдалъ и только съ разсвѣтомъ замѣтилъ больше движенія и разводку паровъ на всѣхъ восьми парходо-фрегатахъ. Немедленно спустившись и направившись въ нижніе помѣщенія, онъ прошелъ черезъ нѣсколько комнатъ, гдѣ нераздѣваясь снала свита и приблизившись къ генералу барону Остенъ-Сакену, сказалъ громко: „Ваше Высокопревосходительство, 8 парходовъ разводятъ пары“. Генералъ вскочилъ и громко вскрикнулъ: «На коней!» Всѣ проснулись и засуетились. Увидѣвъ председателя экспедиціи парходовыхъ сообщеній, капитана 1-го ранга Швендера, кондукторъ Кмита спросилъ его: что ему дѣлать дальше? На это капитанъ ему отвѣтилъ: «Продолжать наблюдать и доносить сигналами въ городъ обо всѣхъ дѣйствіяхъ непріятеля». Кондукторъ Кмита поднялся опять на башню. Кондукторъ Рыбаковъ, какъ выяснилось впоследствии, окончивъ свою перевозку только утромъ, пришелъ сначала на парходъ, но найдя его затонувшимъ, остался на батарее.

Продолжая сигнализировать, кондукторъ Кмита доносилъ, что 8 парходовъ отдѣлились отъ эскадры и направляются къ Практической гавани; что эти-же 8 парходовъ открыли огонь по Практической гавани и каждый, послѣ залпа съ одного борта, уступалъ мѣсто другому, вращаясь кольцомъ. Наблюдая съ башни за дѣйствіемъ парходовъ и батареи, кондукторъ Кмита доносилъ и письменно, какъ одинъ изъ рѣдкихъ выстрѣловъ съ батареи Щеголева удачно попалъ въ колесо пархода и тотъ вышелъ изъ строя и накренился, и какъ слѣдующій за нимъ парходъ подошелъ къ пострадавшему, бросилъ ему концы, взялъ на буксиръ и повелъ къ своей эскадрѣ. Обстрѣливаніе Практической гавани продолжалось въ томъ-же порядкѣ, но только 6-ю парходами.

Эскадра изъ кораблей и фрегатовъ продолжала стоять на взморьѣ, противъ Ланжерона, на якорѣ. По сигналу съ флагманскаго корабля одинъ изъ крейсирующихъ парусныхъ фрегатовъ направился къ берегу, къ дачѣ Лидерса; минуты черезъ 3 или 4 фрегатъ сталъ бортомъ противъ дачи и сдѣлалъ залпъ картечью; находящійся на башнѣ кондукторъ Кмита и три сигнальщика, обсыпанные до боли штукатуркой

и пылью, захватили сигнальныя книги и зрительныя трубы и бросились по лѣстницѣ внизъ. Послѣ сего еще произведено было два залпа и затѣмъ фрегатъ отошелъ отъ берега и стрѣльбы больше не возобновлялось. Поднявшись вновь на башню, кондукторъ Кмита нашелъ тамъ полный разгромъ: сигнальныя фалы и ящикъ перебиты, свинцовый полъ весь изрытъ, пыль и осколки штукатурки и кирпича покрывали все. Не имѣя возможности продолжать наблюденіе и сигналы, кондукторъ Кмита послалъ сигнальщика къ капитану 1 ранга Швендеру съ донесеніемъ и запросомъ: гдѣ находится и что дальше дѣлать? Отвѣтъ былъ переданъ словесный: «Находиться тамъ гдѣ нужень»; поэтому кондукторъ Кмита сигнальщика оставилъ при башнѣ, а самъ отправился на батарею Щеголева. Пройдя ускореннымъ шагомъ часть города, бульваръ, на которомъ мѣстами встрѣчались цѣлыя толпы любопытныхъ дамъ съ кавалерами, спустился по лѣстницѣ на набережную и вскорѣ достигъ таможеннаго дома, у забора котораго стояла въ безпорядкѣ кучка солдатъ, лица которыхъ были не веселыя, а у нѣкоторыхъ и не въ мѣру блѣдныя. На вопросъ, что случилось, кондуктору Кмита указали на пробитую стѣнку и при этомъ пояснили, что ядромъ убило двухъ солдатъ, добавивъ: «такъ и вырвало все внутренности». Хотя это удручающимъ образомъ подѣйствовало, какъ говорить кондукторъ Кмита, на него и невольно явилось отвращеніе къ подобной смерти, но желаніе принять участіе въ защитѣ не уменьшилось и онъ все же направился къ батарее, но какъ только вступилъ на моль, то увидѣлъ идущихъ на встрѣчу къ нему прапорщика Щеголева съ его командой. Не имѣя возможности и надобности оставаться на батарее съ подбитыми всѣми 4-мя орудіями, прапорщикъ Щеголевъ отступалъ со своей орудійной прислугой и съ барабанщикомъ впереди и какъ только вышелъ на набережную у таможи, ихъ встрѣтилъ главнокомандующій генералъ баронъ Остенъ Сакенъ и поблагодаривъ: „что до послѣдней возможности прдержались, отвѣчая выстрѣлами на залпы судовъ англо-французскаго флота“, каждому вижнему чину, въ томъ числѣ и кондуктору Рыбакову, собственноручно прикололъ Георгіевскіе знаки; прапорщику-же Щеголеву сказалъ, что его наградить Самъ Государь Императоръ, и въ самомъ непродолжительномъ времени прапорщикъ Щеголевъ получилъ сразу три чина и офицерскаго Георгія. За это-же геройское дѣло кондукторъ Рыбаковъ, кромѣ знака отличія, получилъ вскорѣ чинъ прапорщика морской артилеріи.

Въ первый день Пасхи, на развѣтѣ, нѣсколько пароходовъ, приблизившись къ городу, выпустили порядочное количество каленыхъ ядеръ. Одесситы приняли это какъ поздравленіе красными яичками.

Вскорѣ англо-французская эскадра снялась и ушла въ море, съ уходомъ-же ея спѣшно начали приводить въ порядокъ все разрушенное бомбардировкою и въ короткое время былъ поднятъ изъ воды и приведенъ въ исправный видъ пароходъ «Андія».

Такъ какъ пароходъ «Андія» выходилъ изъ гавани только для пробы машины, а въ виду военнаго положенія, могли ожидать и высадки и бомбардировки, то служащихъ на пароходѣ снова расписали на сигнальныя станціи и кондукторъ Кмита опять сталъ находиться на дачѣ Кортацци.

Въ одинъ изъ сѣреныхъ туманныхъ дней, около 6 часовъ утра сигнальщикъ донесъ, что у самого нашего берега слышны съ моря шумъ и человѣческіе голоса. Поднявши спавшихъ казаковъ, кондукторъ Кмита отправился съ ними къ берегу и тамъ дѣйствительно явственно услышалъ не только звуки разговора, но и англійскую рѣчь. Казацкій урядникъ предложилъ пугнуть ихъ ружейными выстрѣлами и, получивъ разрѣшеніе, сдѣлалъ залпъ изъ 6 ружей; отвѣта не послѣдовало никакого, все замолкло; но прошло еще нѣсколько минутъ и раздался залпъ изъ нѣсколькихъ орудій, хотя безъ ядеръ. Нельзя было сомнѣваться, что по случаю тумана къ самому берегу приткнулся какой-то корабль, почему кондукторъ Кмита немедленно разослалъ всѣхъ казаковъ съ донесеніями къ начальствующимъ лицамъ, которые черезъ часъ и начали прибывать. Когда вызванная артиллерія открыла пальбу по направленію шума и звука голосовъ, то вскорѣ показалась лодка съ бѣлымъ флагомъ, пальбу прекратили и лодка пристала къ берегу. Англійскій лейтенантъ, выскочившій изъ лодки, сообщилъ, что англійскій военный пароходо-фрегатъ «Тигръ», по случаю тумана, сталъ на мель у самого берега, почему командиръ и команда вынуждены считать себя военно-плѣнными.

Туманъ сталъ расчищаться и вслѣдъ за симъ началъ обрисовываться громадныхъ размѣровъ корпусъ пароходо-фрегата.

Сдѣланный ночью залпъ изъ орудій, былъ послѣдней попыткой подскочить и сорваться съ мели, для этого орудія были закрѣплены въ наклонномъ положеніи въ воду. Команда, офицеры и раненый командиръ съѣхали на берегъ и были отправлены въ городъ.

Показавшіяся въ морѣ еще два англійскихъ военныхъ судна, открыли пальбу по берегу и пароходу «Тигръ», и такъ какъ это

приносило нѣкоторое разрушеніе садовому устройству, то рѣшили преждевременно уничтожить пароходъ и поджечь его. Когда верхняя часть парохода загорѣлась, то чтобы сохранить хотя что нибудь, пробиты бортъ и нижняя часть затонула, отчего уцѣлѣла машина, поднятая впоследствии и установленная на вновь построенный «Тигръ», въ память этой случайной, но все-же военной трофеи.

1-го сентября 1854 года англо-французская эскадра въ полномъ составѣ, подошла къ Крымскому берегу и высадила десантъ, состоящій изъ англійскихъ, французскихъ, турецкихъ и сардинскихъ войскъ, которые обошли сѣверную сторону Севастополя и, добравшись къ Балаклавской бухтѣ, начали осаду Севастополя.

Въ виду сосредоточенія военныхъ дѣйствій на Крымскомъ полуостровѣ, войска съ Дуная и съ другихъ мѣстъ направились въ Севастополь, но требовалась усиленная перевозка черезъ р. Бугъ и пароходъ «Андія» вызванъ былъ въ Николаевъ.

Между тѣмъ неожиданно прибылъ съ моря пароходъ «Тамань». Находившійся на немъ капитанъ-лейтенантъ Поповъ, прорвалъ блокаду Севастополя и прибылъ въ Одессу, чтобы взять новые паровые котлы, перевезти ихъ въ Николаевъ, тамъ поставить вмѣсто старыхъ на «Тамань» и привести пароходы «Тамань» и «Турокъ» въ Севастополь, не смотря на англо-французскую блокаду.

Прежде всего капитанъ-лейтенантъ Поповъ, въ виду полномочій отъ главнокомандующаго князя Меншикова, потребовалъ пароходъ «Андію» въ свое распоряженіе и приказалъ перейти «Андію» въ Караццинскую гавань; здѣсь потребовалъ погрузить на палубу парохода два громадныхъ паровыхъ котла. Командиръ парохода «Андія» капитанъ-лейтенантъ Мофетъ отказался исполнить это приказаніе, такъ какъ котлы не помѣщались и если занять ими всю палубу парохода, то при малѣйшей качкѣ, пароходъ съ несоразмѣрной тяжестью наверху, долженъ перевернуться. Тогда капитанъ-лейтенантъ Поповъ устроилъ капитану-лейтенанту Мофету и взялся за дѣло самъ. Первымъ долгомъ вызвалъ судового механика кондуктора Кмита и приказалъ ему срубить топорами кожуховыя каюты, клозеты, кухни и проч. и когда это было исполнено, подошли подъ кранъ и погрузили оба котла на палубу парохода, забрѣпивъ ихъ къ бимсамъ черезъ вырубленные отверстія въ палубѣ.

Когда все было готово, капитанъ-лейт. Поповъ спросилъ капитану-лейт. Мофета: желаетъ-ли онъ вести пароходъ въ Николаевъ, или останется въ Одессѣ? На это капитанъ-лейт. Мофетъ отвѣтилъ, что свой пароходъ онъ

не оставить и вступилъ въ командованіе. На другой день, при тихой погодѣ, пароходъ „Андія“ вышелъ въ море. Капит.-лейт. Поповъ, находясь на пароходѣ, приказалъ приготовить какое имѣется абордажное оружіе, на случай встрѣчи съ непріателемъ. Къ счастью, почти половину пути прошли благополучно, но вскорѣ показалось на горизонтѣ паровое судно, направляющееся прямо на „Андію“. Пройдя траверзъ о-ва Березани, „Андія“ прибавила сколько возможно ходу, но и преслѣдующее судно становилось все ближе и ближе и когда пароходъ „Андія“ направился по Очаковскому фарватеру, преслѣдующее судно открыло огонь, но ядра его не были мѣтки и пролетали мимо, или не долетали, пароходъ же успѣлъ подойти къ Киябурну, гдѣ уже былъ въ полной безопасности.

13. Грыцько и англичане.

Слово *Грыцько*— имя нарицательное. Такъ называютъ въ нашемъ краю, въ отличіе отъ моряковъ, всѣхъ наемныхъ матросовъ, большею частію изъ малороссіянъ, служащихъ на каботажныхъ судахъ, какъ называютъ *Ваньками* всѣхъ биржевыхъ извозчиковъ, промышляющихъ на плохихъ лошаденкахъ, въ отличіе отъ извозчиковъ-лихачей. А знаете-ли, что такое *каботажка*? Это вообще суденышко маленькое, плохенькое, судьба котораго — плавать по морю и не видать моря: тереться вѣчно у берега, возить арбузы, соленую рыбу и разную подобную мелочь. Весь экипажъ его—два, три, много пять человѣкъ.

На эти-то суда напали, въ Одесскомъ залпѣ, противъ нихъ-то прежде всего открыли пресловутую кампанію разомъ двѣ великія державы—Англія и Франція. Три военные парохода-фрегата, вооруженные, что называется, съ ногъ до головы, рыскаютъ, какъ голодные звѣри, по разнымъ закоулкамъ нашего приморья, и прибѣгая даже къ безчестному обману — чужому флагу, набрали этихъ бѣдняжечекъ болѣе десятка и увели, какъ военный призъ; но, что всего поразительнѣе, вмѣстѣ съ мирными приморцами, забрали даже женщинъ, какъ бы военнопленныхъ съ оружіемъ въ рукахъ!

Неужели и это война, а не постыдный образецъ варварства корсаровъ? Или жалкій грабежъ и поруганіе беззащитныхъ выказаны какъ грозный примѣръ политическаго мщенія? Но кому же выказаны? *Грыцько* нашъ знаетъ толкъ только въ соленой тарани.

И однакожь, на долю этого бѣдняка выпалъ жребій повосвать съ врагомъ на славу. 2-го апрѣля 1854 г., въ виду Одессы, англійскій пароходъ сталъ преслѣдовать каботажное судно. *Грыцько* не поддается, улепетываетъ. Англія сердится, начинаетъ палить (говорятъ, ядро попало въ кадушку съ квашеными бураками), спускаетъ гребное судно, готовится на абордажъ... Разсердился и *Грыцько*. Но что можетъ безсильный, даже при чувствѣ самаго высокаго героизма? У горемыки какъ-то задержалось ружье: онъ заряжаетъ его, становится въ отчаянную позицію и—бацъ!...

— Отъ тебя, бисывъ сыну, говоритъ: якъ достане,—подавишься!

Другой единственныи его товарищъ, въ такой-же досадѣ, беретъ ганшпугъ (дрючекъ) и съ такими же проклятіями бросаетъ его на англичанъ—въ море. Окончивъ это сраженіе, храбрецы наши, въ виду парохода и погони, преспокойно садятся въ свою душегубку-лодочку и летятъ къ берегу, разумѣется оставивъ судно на жертву разбоя.

Вотъ вамъ и торжество, и побѣдныя лавры этого войнолюбиваго союза. Смѣшно и грустно!...

(«Сцены изъ военной жизни Одессы». Я. Псарева. Од. 1855 г.).

14. Наша Агабья въ плѣну.

Во всѣхъ образованныхъ державахъ, великіе законодательные умы, выработанные вѣками, положили: женщинѣ на флотѣ—не быть. Отчего бы, казалось? Женщина, особливо съ умомъ и преданнымъ сердцемъ, лучший другъ мужчине во всякомъ положеніи жизни. Но, говорятъ моралисты, на морѣ присутствіе женщины и бесполезно и вредно. Что можетъ она безсильная, мягкодушная, въ минуты, на примѣръ, грохота бури, когда посреди раскатовъ грома и огней молніи, какъ бы угрожающихъ разрушить и испепелить всю вселенную, — море клопочетъ, вѣтеръ востъ и рветъ, и сѣдые валы, словно горы, перебрасывая корабль съ боку на бокъ, какъ щепку, клонять его въ бездну? А эти тяжкіе, нечеловѣческіе труды въ вѣчной борьбѣ со стихіями? а эти ужасы кораблекрушенія? а видъ крови, смерти во время войны?... Нѣтъ! говорятъ, женщина создана только для внутренней жизни: тутъ, въ кругу семейства, она наше солнце, которое и грѣетъ и благотворитъ; но море не по ней: страшныя картины вызовутъ ея вопли, а вопли ослабятъ духъ даже въ храбрѣмъ. Не даромъ пословица: «Кто на морѣ не бывалъ, тотъ Богу не малывался».

Приводят много и другихъ причинъ, но изъ всѣхъ выходитъ одно: что личность женщины исключена на морѣ отъ всякихъ притязаній, и въ войнѣ, и въ мирѣ. Даже флибустьеры, эти отчаянные морскіе разбойники, и тѣ уважали это народное право, и тѣ не ругались надъ слабымъ. Одни только англо-французы попрали вѣковые законы: вмѣстѣ съ судами и экипажемъ мирныхъ приморцевъ, они забирали въ плѣнъ и женщинъ. Стыдъ, позоръ имъ, ихъ исторіи!...

Въ числѣ этихъ-то женщинъ была и наша Агаея. Она принадлежала или и теперь принадлежитъ къ классу торговокъ; а кто не знаетъ, какова наша торговка, воспитанная базарною жизнію? — смѣлая, бойкая, за словомъ въ карманъ не полѣзетъ. Везла она изъ Херсона въ Одессу свѣжіе бураки, сбереженные, ради выгоды, зимою, и уже рассчитывала славные барыши, когда ее бѣдную схватили.

Это было въ апрѣлѣ, въ первые дни нашествія на нашъ портъ англо-французскихъ пароходовъ; слѣдовательно, для непріятелей, для ихъ любопытства русскій былъ рѣдкость, какъ какой-нибудь заморскій звѣрь.

На этомъ, конечно, основаніи, Дондасу захотѣлось видѣть и Агаею. Можетъ быть, онъ полагалъ найти въ ней хорошенькую леди, миссъ или мистриссъ, а Агаея такъ себѣ — лѣтъ подь сорокъ, съ краснымъ, здоровымъ лицомъ, гренадерскаго роста, съ молодецкими ухватками, только растрепанная, засаленная, по рабочему, видите. Въ добавокъ, съ перепугу и головной платокъ повязанъ былъ на бокъ. До туалета ли въ военной суматохѣ! Не всѣ же Мюраты.

И вотъ наша Агаея на грозномъ кораблѣ адмирала, среди страшныхъ орудій. Быстро осмотрѣлась она кругомъ и, видя, что всѣ одинаково одѣты, на всѣхъ однѣ и тѣ же синія куртки съ кашпонами, — бухъ въ поги толстѣйшему, съ огромнымъ брюхомъ, корабельному баталеру (унтеръ-офицеръ по провіантской части), полагая, что это главная особа, — и заголосила, забарабанила на всѣ лады и маперы:

— Охъ, ваше графское благородіе! голубчикъ ты мой, соколикъ! Что это со мною дѣлаютъ? за что это взяли меня въ полонъ? Вѣдь я даже не солдатка! Тѣ сорви-голова, тѣ пожалуй... ни ружья, ни пороха не боятся, мужья, вишь, теперь учатъ, а я-то что? (Понадѣсь только проклятый!) я — водой не замучу, родимый, спроси хоть на базарѣ. Можетъ, причли къ войнѣ, что курочекъ да поросятъ рѣжу для продажи, — перестану, батюшка, закаюсь, только помилуй — отпусти!... (А бураки-то? и позабыла, окаянная!). Отпусти, отецъ, и прикажи отдать

бураки, не обидь бѣдную, не отними послѣдняго! Мужъ старикъ, калѣка, трое дѣтокъ... Чѣмъ жить?

Баталеръ только мычалъ и пожималъ плечами. Въ толпѣ, окружавшей эту сцену, кто смѣялся, кто сострадалъ. Въ частной жизни люди вездѣ одинаковы: одному чужое горе падаетъ на душу какъ свое, другому оно игрушка. И однакожь, ни на голосъ, ни на вопли Агаеи никто не отвѣчалъ. Агаея не выдержала: встала на ноги, приняла грозный видъ и тонъ, и давай честить компанію по своему. Наконецъ, не пахоты и тутъ возраженій, поняла и заключила свой монологъ:

— Ну, ужъ народецъ! Настоящіе нехристи: и говорить-то по-русски не умѣютъ.

Приходитъ вахтенный (дежурный) офицеръ и требуетъ Агаею къ Дондасу. Но Агаея уже переродилась духомъ: Русская смѣтливость взяла свое. «Просьбы и слезы не берутъ, думаетъ себѣ: всѣ смѣются, стало быть худа не будетъ, — начнемъ по своему» и бодро пошла за офицеромъ.

Каютъ-компанія (общая офицерская зала), куда ввели Агаею, была завалена географическими картами и бумагами; за большимъ столомъ сидѣло нѣсколько офицеровъ: кто читалъ, кто писалъ и проч. Агаея, полагая, что это канцелярія и писаря — безъ церемоніи сѣла на первое кресло. „Коли съ начальствомъ бойко говорила — и ничего, тутъ ужъ не слѣдъ быть простофилей“.

— Кто вы? спрашиваетъ Дондасъ черезъ переводчика. (Понятно, и всѣ послѣдующіе разговоры съ Агаею идутъ посредствомъ переводчика).

— А тебѣ на что знать, почтенный? вставъ и подбоченясь на обѣ руки, отвѣчаетъ Агаея. (*Передразнивая*) „Кто вы!“ А когда грабили чужіе бураки, не спрашивали: чьи бураки? Впрочемъ я и говорить-то съ тобою не хочу безъ начальства. Давай мнѣ командира, того толстаго, онъ ужъ знаетъ меня.

Для шутки, позвали баталера. Агаея къ нему.

— Чта это, судерь, за безпорядки такіе у васъ? Вотъ этотъ (*указываетъ на Дондаса*), писарь, что-ли, изволить, вишь, допрашивать меня, и какъ? — безъ ратмана: кто я? Да мы, слава Богу, люди съ именемъ; а не бродяги какія: и ревизскія сказки есть, и паспортъ законный. (*Умыльно*) А бураки-то, отецъ мой, бураки — отыскалъ?

Всѣ хохотали до изнеможенія.

Рѣшили попутать Агаёю морскимъ наказаніемъ — линьками (коротенькая смоляная веревка) и растолковали ей это. Изверги не постыдились и тутъ, въ шуткѣ, выказать желчь свою даже надъ женщиной. Но Агаёя была уже въ разгарѣ русской крови, когда самая жизнь — копѣйка.

— Линьками!... меня линьками? Да знаете ли вы, неучи, что я Одесская мѣщанка! закричала Агаёя, выставляя впередъ кулаки (*всѣ попятились*). Да у насъ сама полиція безъ суда не смѣй пальцемъ тронуть мѣщанку! А вы-то что, кто?... (*и плюнула*). Прошеніе подамъ на васъ за обиду, бусурманы этакіе, безпремѣнно подамъ, хоть бы цѣлый карбованецъ издержала.

Опять хохоть. Дондасъ, натѣшившись, наконецъ приказываетъ отослать Агаёю, — Агаёя на дыбы.

— Не пойду, съ мѣста не тронусь! Ограбили, да и проговяютъ! Не на ту напали! Бураки подай мнѣ, бураки, или заплати за нихъ, да за провозъ, да за харчи, да за дорожные расходы, всего-то (*и начала считать по пальцамъ*): всего — 13 р. 40 к. сер. Вотъ что!... (Соврала, грѣшная! рубликовъ шесть прикинула; да нешто имъ — не терять же свой барышъ).

Дондасъ приказалъ выдать деньги. Даютъ англійскою монетою.

— Что это вы, отцы мои, дрянъ такую даете? Хотите, вѣрно, чтобъ я попала въ полицію, какъ за фальшивую монету? Нѣтъ, за нашъ товаръ, подавай и деньги наши — русскія!

Кое-какъ нашли и русскія деньги (*изъ обобранныхъ у нашихъ же бѣдняковъ-приморцевъ*) и удовлетворили Агаёю. Въ чувствѣ полной благодарности, Агаёя вынимаетъ изъ кармана истертый, засаленный мѣшочекъ, съ усиліемъ вытягиваетъ изъ него, одну за другой, семь копѣекъ мелкою мѣдью, и суетъ ихъ въ руки Дондаса. Тотъ кривится, не беретъ, — Агаёя стоитъ на своемъ.

— А за труды-то, за допросъ-то! Возьми, сердечный, пожалуйста, возьми! Не отстану. Мы, русскіе, не любимъ быть въ долгу и знаемъ, кто чего стоитъ.

— Да уведите ее, ради Бога, отправьте къ Гамелену, сурово сказалъ Дондасъ: пусть полюбуется на русскую госпожу мѣщанку и дѣлаетъ съ нею что хочетъ. Сильно хлопнулъ дверью и вышелъ.

Молодцомъ вышла наша Агаёя отъ Дондаса, по съ печальнымъ лицомъ всходитъ на корабль Гамелена, какъ-бы на похороны. Не вы-

плясывать же радость свою передъ однимъ врагомъ на счетъ другаго, не зная, какъ еще тутъ примутъ.

Гамеленъ ходилъ въ это время по шканцахъ (верхняя часть палубы) въ глубокомъ раздумѣ — вѣроятно сочинялъ планъ бомбардированія Одессы. Нельзя было не узнать его: между всѣми мундирными формами и козлиными бородками, онъ былъ въ большихъ эполетахъ. Агаёя прямо къ нему и опять за свое — за вопли. Что дѣлать! слезы единственное оружіе женщины. Но тутъ она немного пересолила — хотѣла было упасть въ обморокъ.

— Успокойтесь, сядьте, освѣжитесь. Эй! подать стаканъ лимонаду! суетливо приказываетъ Гамеленъ, какъ вѣжливый и чувствительный кавалеръ.

— Охъ-ошнѣнки!... Охъ!... Нѣтъ, батюшка; венадоть лимонаду — животъ распучить. Кѣли твоя милость, дай ужъ стаканчикъ водочки, да закусить чего нибудь этакого — соленого, хоть селедочки. Охъ! сгубили меня эти англичане. Что скажетъ мой Михѣичъ? Гдѣ, скажетъ, пропадала? Вѣдь не повѣрять, что была на войнѣ, а сейчасъ по шеѣ... (*Плачетъ*).

— Такъ отправляйтесь, мадамъ, поскорѣе домой.

Агаёя пренизко кланяется.

— Спасибо, дорогой, за доброе слово, много благодарна. (Вотъ душа-то такъ душа — мадамой назвалъ!) Иду, мой ненаглядный, сію минуточку пойду, дай только осмотрѣть свои вещи: тамъ, у этихъ рыжихъ, въ суматохѣ не успѣла. Чего добраго, бураки захватили, запусать руку и въ чужой карманъ (*вынимаетъ изъ узла вещи и считаетъ*). Есть... Тутъ... здѣсь... А платье гдѣ? Батюшки-свѣты! гдѣ платье? нѣтъ платья!... И заметалась, заголосила...

Пришлось платить и за платье. Спрашиваютъ: сколько же оно стоитъ?

— Сколько стоитъ? сквозь слезы отвѣчаетъ Агаёя; новое-то шелковое платье? (опять вру; платье ситцевое и старое; да чортъ съ ними! Не бери чужаго). Видите ли, красавчики мои, Михѣичъ справилъ его къ моимъ именинамъ, и стоило оно... постой, дай Богъ память!... да, такъ, точно такъ! стоило оно 9 р. 30 к. сер., и (тутъ привычка къ торговлѣ взяла свое) меньше не возьму ни копѣйки. Сами судите, платье почти съ иглочки, всего только три раза и надѣвала. А ужъ какіе шейные платочки выйдутъ изъ него — чудо!...

Деньги отданы. Агаёя въ минуту перемѣнилась: слезы, охи, вздохи — все пропало. Съ лицомъ полнымъ счастья, она всѣмъ раскла-

нивается, всѣмъ и каждому говорить „паше вамъ нижайшее...“ и наконецъ, пославъ Гамелену воздушный поцѣлуй, жесткой, богатырской рукою, сходить на катеръ (гребное судно). Весело, крупными толчками забилось сердце у доброй женщины при мысли о родинѣ, о семействѣ. „Не принесу я имъ безчестія, разсуждаетъ въ умѣ Агаѣя: что выстрадала—беру на себя, что выгадала у этихъ супостатовъ — отдамъ на общее добро—на помощь страдальцамъ за отечество“. И въ этихъ высокихъ чувствахъ, разразилась по своему, по-русски — затянула преудалую пѣсню.

— Вотъ баба! сказалъ Гамеленъ, качая головою и смотря на отходящій катеръ. Неужели всѣ русскія женщины какъ эта? Да такихъ десятокъ переполюбили бы не только нашъ благородный союзъ — всю Францію и Англію.

А вы какъ думали, ваше превосходительство? Знай нашихъ!...

(«Сцены изъ военной жизни Одессы». Я. Псарева. Од. 1855 г.)

15. Русскіе Спартанцы.

Какъ и что ни говорите, а пословица: «нѣтъ худа безъ добра» — славная пословица. Одесса, послѣ бомбардированія ея, какъ бы переродилась: теперь вся она слилась въ одно цѣлое, единодушное по мыслямъ, чувствамъ и поступкамъ, вполне достойнымъ русскаго патриотизма. И всѣмъ этимъ мы обязаны войнѣ: это она сдѣлала у насъ такой нравственный переворотъ, и наконецъ, выявивъ „подъ громомъ непріятельскихъ орудій“ народный русскій духъ, включила Одессу въ лѣтписи отечественной славы. Остановилась на время коммерція? Что за бѣда! „Жизнь безъ горя, которое придаетъ ей важность, — пустая игрушка“. Не жертвуя, ничего не выиграешь. А выиграли ли мы даже теперь, въ началѣ войны? — это доказываетъ Высочайшая грамота жителямъ Одессы.

Сенека сказалъ: «Сладко вспомнить про то, что тяжело было вытерпѣть». И перебирая въ умѣ событія, невольно спросишь: къ чему это надѣлали такой безпутной суматохи эти искатели приключеній — англо-французы, бомбардируя мирный русскій городъ? Что они взяли этимъ? Если сравнивать вещественную сторону этого постыднаго дѣла, то одинъ извѣстный пароходъ ихъ «Тигръ», ставшій на мель у Одесскихъ береговъ и взятый нами, уже съ избыткомъ расплатился за всѣ мелочи, нанесенныя взбалмошными ядрами нашему городу. Но не будь

и парохода, все-таки игра не стоила свѣчь, не стоила пороха. Хвастуны да и только!

А пароходъ былъ чудесный. По еще чуднѣе: какъ это угораздило англичанъ, величающихъ себя первыми въ свѣтѣ моряками, сочинить штуку, надъ которой подсмѣивается нашъ послѣдній лодочникъ, — врѣзать пароходъ почти въ берегъ и прямо посомъ!... Туманъ не извиненіе. Противъ него, по законамъ морской науки: опредѣленіе курса, вѣрность счисленія, лагъ, лотъ, глубина, грунтъ, даже волны, которыя у берега всегда короче и мельче. Притомъ, пароходъ уже былъ знакомъ съ Одесскими берегами: онъ участвовалъ въ бомбардированіи города.

А храбрость какова! По нашему, ужь коли Богъ попуталъ, — бейся до послѣдней капли крови, а нѣтъ возможности защитить святыню — флагъ русскій, да добро Царское, — пошелъ на гребныя суда, а корабль (не то и самъ съ кораблемъ) на воздухъ: не доставайся врагу даже русская щепка! Англичанамъ тѣмъ легче было сдѣлать это, что при тихой, прекрасной погодѣ, не только на гребныхъ судахъ — на доскѣ смѣло можно было пуститься въ море, гдѣ искали ихъ свои же пароходы; значить, о плѣнѣ и помину не могло быть. По англійски не такъ: разъ пять выпалили, — и баета, и пардонъ, помилуйте!... И резонъ: не то, чего добраго, — убьютъ. Русскіе не китайцы — не запугаешь.

Но тутъ всего замѣчательнѣе, что и день 30-го апрѣля, день взятія парохода, не меньше былъ шумный, тревожный, какъ и день бомбардированія Одессы. И теперь, какъ и тогда, едва ли не все народонаселеніе покрывало побережье, не смотря на то, что счастливое событіе происходило въ семи верстахъ отъ города. Большая часть людей стояла кучами, подъ ядрами, летавшими съ двухъ непріятельскихъ пароходовъ, явившихся для защиты своего гибнущаго собрата. Тамъ были остроты, смѣхъ, здѣсь крупный говоръ, бойкія насмѣшки надъ неудачными выстрѣлами непріятели, болѣе веселыя головы пѣли *родныя легенды*, напр., изъ воспоминаній двѣнадцатаго года. *Ахъ ты, Хранцузъ, распрысканный Хранцузъ уродился* и проч. Квасъ и кисляки щи, любимыя народныя лакомства, вѣчные спутники нашей печали и радости, свадебъ и похоронъ, замѣняющіе у насъ эти пресловутые банкеты да митяги, которыхъ мы, слава Богу, не знаемъ, — были на расхватѣ. И все это въ виду, въ глазахъ смерти!...

Неужели тутъ одно только простое, но опасное любопытство, за которое нѣкоторые даже заплатились жизнью во время бомбардированія

города! Нѣтъ, здѣсь есть болѣе возвышенное побужденіе, сродное однимъ русскимъ. У насъ, на святой Руси: часъ всеобщей напасти — часъ всеобщаго пробужденія. Когда дѣло идетъ о чести и правахъ отчизны,— русский не рассчитываетъ, когда и какъ положить душу за братій. Тогда и женщина, и мальчикъ — всѣ герои, готовые бороться со врагомъ на смерть, хоть бы полѣномъ или зубами.

— Ты зачѣмъ прибѣжала сюда, Марѳуша? спрашиваетъ мужичекъ молодую жену свою.

— Да за тобой, Потанычъ.

— Не слѣдъ тебѣ быть здѣсь. Пожалуй, убьютъ.

— А тебѣ слѣдъ? Нѣшто ты казенный?

— Мнѣ — другое дѣло. Не равно начальство крикнетъ: «робята! взять судно на ура!» Ну, и возьмемъ. Стало-быть, я нуженъ.

— А я то что-жъ? Я не нужна, не гожусь тогда, по твоему? Возразила обиженная Марѳа. Я, не бось, хуже тебя брошусь въ воду и возьму за шиворотъ проклятаго нехриста? Да я...

Въ эту минуту непріятельское ядро, въ пяти саженьяхъ отъ спорившихъ, вырываетъ животь у лошади и отрываетъ у сидѣвшаго на ней артиллериста ногу. Марѳа первая бросилась на помощь, но было бесполезно.

— Эй, товарищъ, съ улыбкою говоритъ полуубитый ближайшему солдату, указывая на лежащую вдали ногу свою: дарю тебѣ, братъ, сапогъ... Перекрестился и вмѣстѣ съ лошадей упалъ и умеръ.

Покойся сладкимъ сномъ герой-защитникъ святой родины! Кровь твоя будетъ омыта молитвами и благословеніями всего отечества.

Еще поразительнѣе это христіанское безропотное смиреніе, эта благоговѣйная преданность волѣ Божіей, съ которыми наши граждане встрѣчали самую смерть. Напримѣръ, во время бомбардированія Одессы, убитая на площади Новаго базара женщина, шла въ церковь. Въ этотъ великій страстиами Богочеловѣка день (суббота 10-го апрѣля) всѣ молились, молились милліоны благочестивой Россіи; одни только враги-христіане глумились надъ нашими молитвами. Вдругъ несчастную поражаетъ осколокъ бомбы. Она падаетъ, но не выпускаетъ изъ руки посылной жертвы Богу — всесковой двухкопѣечной свѣчи, которую несла повергнуть къ подножію Всевышняго.

— Кумушка! говоритъ она, кое-какъ приподнявшись и отдавая свѣчу шедшей съ нею женщиной: снеси, родная, въ церковь, и помолись за меня, а я помолюсь за васъ тамъ... И съ этимъ словомъ повалилась и замолчала на-вѣки.

А вотъ черта и беззаботной отваги. На какомъ-то вольномъ суднѣ съ грузомъ, стоявшемъ въ Практической гавани, часовой матросъ, во время бомбардировки, не смѣя оставить постъ, довѣренный ему товарищами, для развлеченія началъ было считать выстрѣлы. Разъ, два — двадцать два... и сбился. Что дѣлать отъ скуки? Выбравъ на палубѣ уголокъ, онъ принялся починять сапогъ; но и тутъ неудача: ловкое ядро передъ самымъ носомъ сапожника разметало его инструменты осколками пробитаго борта. «Бачь, яка штукеяція!» сказалъ самъ себѣ морякъ-малороссіянинъ: «бо такъ и чобить пронаде!» и, собравъ свою работу, спустился въ трюмъ, преспокойно легъ въ койку (постель) и проспалъ до тѣхъ поръ, пока тонувшее отъ ядеръ судно не охватило его водою.

Замѣчательнѣе также, говорятъ, в щегольской обѣдѣ нашего героя Щеголева. Подъ градомъ ядеръ, бомбъ и конгревовыхъ ракетъ, онъ, молодецки рассчитываясь съ врагомъ, удосужился преспокойно и покушать солдатской кашицы, запивая ее водицей. И въ самомъ дѣлѣ, прахъ бы побралъ ихъ, этихъ англо-французовъ, — не голодать же для нихъ цѣлыхъ двѣнадцать часовъ, когда они, вѣрнѣе всего, спозаранку набили животъ пудингами, фрикасе, грогомъ и другими вѣжностями.

Или... Но довольно. Картины величія духа русскихъ не новость, не рѣдкость: онѣ были и будутъ во всякую, подобную настоящей, годину — на каждомъ шагу. Не даромъ Наполеонъ, находясь уже въ заточеніи на о. св. Елены, т. е. когда время и горе помирли его съ истинною даже въ отношеніи враговъ, сказалъ: «les Russes pour la guerre sont des Spartiates» (Русскіе на войнѣ — Спартанцы).

(«Сцены изъ военной жизни Одессы». Я. Псарева. Од. 1855 г.).

16. Русская политика.

Трактиръ Алексѣева (въ домѣ Маюрова), гдѣ подслушаны описываемые ниже, русскіе толки о политикѣ, разумѣется, современной и военной, можно назвать любимымъ сборищемъ простонародья. Тутъ все умно и ловко устроено, все дешево и мило; но главное — все приправлено привѣтливостью хозяина, магнитъ, который для добраго русскаго сердца дороже денегъ. Оттого-то вы найдете здѣсь и кафтанъ, и умъ, и сердце — все на распашку. Притомъ превосходная машина-органъ почти у самаго уха гудитъ: «Во пиру была, во бесѣдушѣ»... Чего-же больше? наслажденіе полное. Подумаешь, какъ немного нужно чело-вѣку, который въ простотѣ души ищетъ скромныхъ удовольствій жизни!

Представьте огромный залъ и множество столиковъ, уставленныхъ чайниками и... по это уже избитая, всёмъ знакомая картина. За однимъ изъ столиковъ сидятъ два мужичка — сѣдой старикъ и парень лѣтъ двадцати-пяти, и отставной солдатъ (должно быть ихъ землякъ), безъ правой ноги, съ знаками отличій на груди — человекъ, повидимому, тертый, бывалый, грамотный, какъ фельдфебель. Солдатъ читаетъ газету, тѣ слушаютъ.

Какъ водится, изъ чтенія вышли разговоры, потомъ противорѣчія, потомъ споръ. Не сошлись въ мнѣнїи, кто больше нехристь: бусурманъ-турокъ, или вѣроотступники англичане да французы, которые, называясь христианами, ведутъ войну въ пользу поклонниковъ лжепророка, вѣчныхъ враговъ и говнителей исповѣдающихъ истиннаго Бога.

Далѣе пошла политика. Теперь мы всё толкуемъ, судимъ о политикѣ; но благодареніе Господу, наши толки и сужденія — свои русскіе, полные любви къ Царю и святой родиѣ. Не переучить, не передѣлать насъ этимъ заморскимъ гаерамъ!

Выводя пальцами по столу разныя линїи между чайною посудой, блюдечками, ложечками и проч., разставленными для опредѣленія мѣстности и военныхъ событій, компанія стала разсуждать о Севастополѣ. Не сошлись и тутъ.

— Не тамъ, совсѣмъ не тамъ, возражаетъ солдатъ, а вотъ гдѣ стоитъ непріятель (и палець указалъ на чайникъ). Ужь и не споръ, Федотичъ. Я, братецъ ты мой, строго смотрю за политичными дѣлами: попадись какая ни-на-есть газета — отъ начала до конца пройду; что нужно, знаешь, поинтереснѣе — выпишу, наизусть выучу, не пропущу даже прочесть и о погодѣ.

— А погода-то на что? замѣтилъ старикъ.

— Та же, любезный, политика. Вишь, супостаты только и живутъ тепломъ; а чуть дождь, снѣгъ или хватить этакъ — нашъ родной морозецъ, — и попрятались въ норы, и замерли какъ мухи. Тогда ихъ на свѣтъ Божій и калачемъ не заманишь. Холодно, да и только.

— Чудный, право, народецъ! Вздумалъ воевать съ русскими, а боится и мороза русскаго. Да тутъ-то на морозѣ, у насъ и кровь горить, и старикъ молодцомъ смотреть.

— Да развѣ это народъ? — просто сборъ съ міра по ниткѣ. Ты посуды только: одинъ смотритъ на войну по турецки, другой — по аглицки, третій — по французскя, т. е. смѣкаешь, каждый косоглазиль по своему, да еще наемниковъ, какихъ нибудь бродягъ, вербуютъ. Какой ужъ тутъ солдатъ будетъ! А возни-то сколько съ ними, съ этими солдатами,

возни! Эготъ, примѣромъ, свиного сала не ѣсть, вина не пьеть, — дай ему барану да кофій; тотъ воды не пьеть, варева, даже щей не любить, — дай ветчину да пуншъ; а третій, наоборотъ, безъ супа и чаю да вина и жить не можетъ. И все, знаешь, подавай имъ погосподски — на тарелкахъ и съ разными другими причудами. Придетъ ночь, — дай, слышь, фланелевое одѣяло и...

— Перестань, служба, перебиваетъ парень: мочи нѣтъ и слушать. Да это не солдатъ, а баба. У насъ и на крестинахъ не бываетъ такихъ нѣжностей, хоть бы самъ староста былъ кумомъ.

— А поихнему, продолжаетъ солдатъ, какъ теперъ помню, читалъ: это еще «самое лучшее войско, цвѣты ихъ армій, какихъ никогда у нихъ и не было».

— Хорошо войско! отозвался старикъ. Ну, а какъ эти заморскіе цвѣтки да завянуть на русской почвѣ, тогда что останется у хвастуновъ дома? дрянъ, стало-быть, съ которою и марать рукъ не стоитъ.

— И завянуть таки, пропадутъ, згинуть! энергически сказалъ солдатъ, постукивая честной деревяшкой. Теперь покамѣсть вичего, живеть: покалачиваемъ врага понемногу, да моримъ холодомъ и голодомъ; авось образумится. Но коли, того, пойдетъ на переборъ — шапками закидаемъ, помеломъ сметемъ окаянныхъ!... Читалъ ты, старина, манифестъ Отца-Государя?

— Какъ-же, какъ-же Савеличъ! сто разъ слышалъ. И хоть неграмотный, а заучилъ сердцемъ, какъ молитву. «Дѣтки!» говоритъ родной нашъ кормилецъ — благослови его Господи! — «буде нужно, мы всё, Царь и подданные, станемъ передъ рядами враговъ, на защиту драгоцѣннѣйшаго въ мірѣ блага: безопасности и чести Отечества».

— Кто-жь не откликнется на святой призывъ? Да я первый, хоть и безъ ноги (покойница въ Австріи осталась), съ двумя ранами въ груди, а пойду — не въ строевую, конечно, а въ инвалидную. Не гожусь для дѣла, — замѣню годнаго.

— А я то что-жь! вскричалъ парень, засверкавъ глазами и встряхнувъ молодецкими кудрями: на печи что-ли буду лежать, когда заговорятъ міромъ о погибели нехриста? самъ пойду въ огонь, насильно пойду — выпрошу, вымолю.

— Спасибо, сынокъ, сказалъ мужичекъ-старикъ. Порадовалъ — весь въ отца. Только ты пойдешь не одинъ, а со мною, да и остальнаго братишку твоего, Фильку, возьмемъ съ собой. Старуха-мать съ радостью благословить: вѣдь она русская.

— Дѣльно сказано, друзья мои! заключилъ солдатъ. Ваши слова повторять и исполнять милліоны—вся матушка Русь. Нѣтъ, враги все еще худо знаютъ насъ: они, вѣрно, еще не раскусили нашъ святой завѣтъ, который въ крови у всѣхъ—отъ мала до велика; «ляжемъ ту костью но не посрадимъ земли русскія». Такъ-ли, братцы?

— Аминь! сказалъ старикъ, всталъ и благоговѣйно перекрестился. За намъ повторили то же остальные и, поцѣловавшись, въ знакъ едыномыслія, вѣчно и одинаково живущаго въ сердцѣ русскихъ, когда дѣло идетъ о Царѣ и роднѣ,—вышли.

(Сцены изъ военной жизни Одессы. Я. Псарева. Од. 1855 г.).

17. Изъ записокъ К. Зеленецкаго.

27-го марта, въ субботу, утромъ въ половинѣ 6-го, приходилъ въ нашъ рейдъ англійскій военный пароходъ, въ 500 силъ, «Фюріусъ».

Чудовище это, какъ можно судить по его названію, вооруженное 16 пушками, шло, на разстояніи двухъ выстрѣловъ, въ заливъ. На немъ не было никакого флага. Это обстоятельство побудило карантинное начальство напомнить незванному гостю о томъ, что долгъ всякаго честнаго судна, входящаго въ какую бы то ни было гавань, поднять свой флагъ и объявить этимъ, какой націи оно принадлежитъ. Вслѣдствіе этого, съ карантинной гавани сдѣлано было два холостыхъ пушечныхъ выстрѣла. Они навели Фюріуса на умъ и онъ поднялъ свой національный флагъ. Потомъ, не бросая якоря и остановясь на паряхъ, онъ выслалъ къ берегу шлюпку подъ парламентарскимъ флагомъ.

Шлюпка подошла къ берегу съ вопросомъ: находится-ли еще въ городѣ англійскій консулъ? Это былъ, всѣмъ извѣстный г. Емсъ, который, вмѣстѣ съ французскимъ консуломъ г. де-Буазеномъ, за нѣсколько дней предъ тѣмъ, оставилъ Одессу. Шлюпка, получивъ въ отвѣтъ, что консула уже нѣтъ въ городѣ, воротилась къ своему пароходу-фрегату. Когда она отошла уже далеко за пушечный выстрѣлъ и приближалась къ «Фюріусу», этотъ «Фюріусъ» двинулся далѣе въ заливъ, вѣроятно для промѣровъ дна, и естественнымъ образомъ подошелъ ближе къ гавани. Тогда командиръ батареи на этой гавани, исполняя данное ему приказаніе не допускать непріятельскихъ военныхъ судовъ на пушечный выстрѣлъ, пустилъ въ «Фюріуса» одно за другимъ четыре ядра. Третье изъ нихъ попало въ его кожухъ. По первому-же изъ

вѣтихъ выстрѣловъ и не отвѣчая на нихъ, «Фюріусъ» поворотилъ, поудѣхалъ къ шлюпкѣ, взялъ ее и ушелъ.

Уч

Въ четвергъ, 1-го апрѣля, часу въ 10-мъ утра, сидѣлъ я за письменнымъ столомъ, какъ слуга вошелъ ко мнѣ со словами: «англійскіе корабли—въ гавани». Извѣстіе это возбудило мое любопытство. Я одѣлся и вышелъ изъ дому посмотреть, что это за корабли. На улицѣ, Дерибасовской, центральной въ городѣ, нашелъ я движеніе, большее въ сравненіи съ обыкновеннымъ. Все имѣло видъ торопливости, суетилось. Понятно, что близость непріятеля и неизвѣстность приводили многихъ въ смущеніе. Нѣкоторые даже тутъ-же начали переселяться съ береговой части города. Вечеромъ, узналъ я, что какой-то иностранецъ, имѣющій здѣсь свое заведеніе, при первомъ извѣстіи о появленіи непріятельскихъ судовъ, бросилъ все и съ семействомъ уѣхалъ за нѣсколько верстъ отъ города. Тутъ-же на Дерибасовской встрѣтилъ я одного изъ своихъ знакомыхъ. Онъ шелъ съ бульвара. «Что тамъ?» — Пришли три парохода и стоятъ на рейдѣ. — «А ты куда?» — Отправилъ изъ дому на базаръ, да и самъ спѣшу закупить кое чего. Будутъ-ли завтра лавки открыты — Богъ вѣсть, а запастись не мѣшаетъ.

На площади, между театромъ и клубомъ, нашелъ я батальонъ солдатъ въ походной формѣ. Народъ валитъ на бульваръ. Здѣсь, какъ и по всему набережью, — толпы, кто съ биноклемъ, кто съ зрительной трубой. Многие въ кружкахъ толкуютъ и разсуждаютъ. Три парохода-фрегата, не выбрасывая флаговъ, стоятъ недвижно, въ пушечнаго выстрѣла. Мнѣ показалось одно, по истинѣ, чрезвычайнымъ и какъ-бы предзнаменательнымъ. У насъ, въ апрѣлѣ лѣтніе жары — не рѣдкость, а тутъ было холодно, какъ бываетъ въ январѣ. Прощедши-же по бульвару, я почувствовалъ всю силу разъяреннаго ВО, который вдругъ и совсѣмъ неожиданно, понесъ на незванныхъ гостей цѣлая туча снѣгу, и прямо имъ въ лицо. Это самый злой изъ нашихъ вѣтровъ, а съ придачей снѣгу онъ просто невыносимъ.

Съ бульвара пошелъ я на батарею, которую только что началъ сооружать, на свой счетъ, извѣстный Джиджи-Мокки *). Здѣсь тоже

*) Прежде бывшій тосканскій, теперь русскій подданный, который 30 лѣтъ служить боцманомъ при Одесскомъ карантинѣ и управляетъ «спасительнымъ баркасомъ», подающимъ помощь судамъ во время бури. Еще до настоящихъ событій, грудь его была украшена золотой медалью на Аннинской лентѣ. Теперь онъ имѣетъ и другую, на Владимірской.

толпа народу. Былъ однако уже 12-й часъ въ исходѣ, и я поспѣшилъ въ лицей.

Но три военные парохода, два англійскихъ и одинъ французскій, спокойно стояли вдали, такъ что наши батареи не могли дѣйствовать по нимъ. Флаги на пароходахъ сначала не были подняты; за то трубы дымились. Казалось, это были какіе-то таинственные пришельцы. Въ тотъ-же день, какъ извѣстно, они выслали парламентаря съ запросомъ: «на какомъ основаніи стрѣляли по парламентарской шлюпкѣ, которая отправлена была съ «Фюріуса?» Получивъ объясненіе, какимъ образомъ дѣло происходило, три парохода остались на рейдѣ. Тутъ, находясь постоянно вѣ выстрѣловъ съ нашихъ прибрежныхъ батарей и слѣдовательно безнаказанно, они сдѣлали нѣсколько круговъ въ заливѣ, промѣряли дно въ разныхъ его мѣстахъ, гдѣ только позволяла глубина воды, и, все-таки вѣ выстрѣловъ съ нашей стороны, начали ловить и прибирать въ свои руки каботажныя суда съ грузомъ и безъ него, находившіяся на пути между Херсономъ, Евпаторіей и другими нашими портами и Одессой. Ловля эта продолжалась до ночи съ субботы на воскресенье, съ 3-го на 4-е апрѣля, когда любезные гости оставили насъ на нѣсколько дней въ покоѣ.

Городъ между тѣмъ, въ тотъ-же четвергъ, 1-го апрѣля, къ вечеру, успокоился: жители привыкли къ невиданному зрѣлищу и все приняло обычный видъ. Только съ одного конца его до другаго пошла громкая и даже интересная, по своей новизнѣ, молва «Одесса въ блокадѣ». Дѣло пока тѣмъ и кончилось. Между тѣмъ, въ воскресенье, часу въ 10 вечера, уходя изъ клуба, видѣлъ я, какъ одинъ еврейскій галантерейный магазинъ выбирался куда-то съ театральной галлерей.

Ровно чрезъ недѣлю, послѣ появленія трехъ пароходовъ въ нашемъ заливѣ, 8-го апрѣля, въ четвергъ, на страстной недѣлѣ, пошелъ я къ обѣдни въ соборную церковь. Предъ началомъ служенія, часовъ около 10-ти, баронъ Остенъ-Сакенъ, со штабомъ своимъ, пріѣхалъ туда-же, но не остался на литургіи. Подойдя къ Преосвященному, который въ то время входилъ во храмъ, баронъ сказалъ: «благословите на дѣло: непріятельскій флотъ въ виду». Принявъ благословеніе архипастыря, онъ уѣхалъ. Не многіе слышали слова генерала и богослуженіе, при многочисленномъ стеченіи народа, шло обычнымъ порядкомъ. Только въ словѣ своемъ, произнесенномъ при окончаніи служенія, Преосвященный говорилъ:

«Въ такой великій и святой день, какъ нынѣшній, и вездѣ, тѣмъ паче во храмѣ, не хотѣлось-бы думать о чемъ-либо другомъ, какъ о возлюбленномъ Спасителѣ и Господѣ нашемъ, Который, нашего ради спасенія, грядетъ на страсть вольную... Но, видно, такъ угодно было Его-же всесвятой волѣ, чтобы мы, и въ этотъ день и въ семъ священномъ мѣстѣ, подумали нынѣ и побесѣдовали не столько о томъ, что было нѣкогда съ Нимъ, сколько о томъ, что происходитъ теперь съ нами.

«Что-же съ нами? Не что-либо совершенно новое и неожиданное, и однакоже всего менѣе желанное и пріятное: враги наши, столько времени угрожавшіе намъ своимъ нашествіемъ, наконецъ предъ нами, на водахъ нашихъ»... Потомъ баронъ Д. Е. Остенъ-Сакенъ вновь пріѣхалъ къ священному обряду умовенія ногъ, совершаемому въ этотъ день.

Изъ церкви я пошелъ въ почтовую контору. Это было часу въ первомъ по полудни.

Въ пріемной, на почтѣ, сказали мнѣ, что на горизонтѣ видѣн огромный флотъ, который идетъ на Одессу. Движимый любопытствомъ, я пошелъ на дачу графини Ланжеронъ, въ верстѣ отъ города. Здѣсь одесское побережье поворачиваетъ къ югу и безбрежное море открывается вполне. Отсюда ясно были видны непріятельскіе корабли. Они шли прямо въ нашъ заливъ и очевидно въ двухъ отдѣленіяхъ: направо, ближе къ берегу, корабли меньшей величины, на-лѣво видѣлись огромныя вѣтрила трехдечныхъ судовъ; пароходы — впереди, по сторонамъ и въ срединѣ обоихъ отдѣленій.

Налюбовавшись, съ стѣсненнымъ сердцемъ, видомъ небывалаго до сихъ поръ, появленія такихъ громадныхъ силъ на нашихъ водахъ, я воротился домой. Прежде однако, по дорогѣ, пошелъ я взглянуть на батарею № 1, которая устроена за стѣной чумнаго квартала, надъ прибрежной покатостію одесскаго возвышенія, въ томъ мѣстѣ, гдѣ заливъ уже поворачиваетъ къ югу. Батарея эта, вооруженная шестью двухпудовыми мортирами и двумя однопудовыми единорогами, казалась мнѣ сильнѣе и надежнѣе прочихъ, какъ по своему положенію на возвышенности, такъ и по устройству и вооруженію. Тутъ-же сказали мнѣ, что на дняхъ испытывали проворство и мѣткость стрѣльбы. То и другое найдено было вполне удовлетворительнымъ. Изъ пяти выстрѣловъ, одинъ только, кажется, не попалъ въ цѣль.

Тутъ-же, за чумнымъ кварталомъ, встрѣтилъ я одного своего знакомаго, который, торопясь и запыхавшись, спѣшилъ съ дачи графини Ланжеронъ въ городъ. «Куда спѣшите вы такъ?» — Помилуйте, на-

добно скорѣе перевести семейство: мы живемъ у самого берега. — Въ этотъ день, бульваръ и все зданія, на-право отъ него къ карантину, уже окончательно опустѣли: все перебралось подальше. Оставались весьма не многіе, да и тѣ не на долго. Изъ домовъ-же, расположенныхъ на-лѣво отъ дома кн. М. С. Воронцова, и далѣе на Пересыпи, никто и не думалъ выбираться. Эту часть города считали совершенно безопасной.

Часу въ шестомъ по полудни, англо-французскій флотъ сталъ въ виду Одессы, снялъ паруса и бросилъ якоря. На другой день, къ нему подошло еще нѣсколько судовъ, такъ что число всехъ ихъ простиралось до 31 вымпела. Главный корпусъ составляли 6 трехдечныхъ, 13 двудечныхъ линейныхъ кораблей и 9 парходовъ-фрегатовъ.

Въ пятницу, 9-го апрѣля, на разсвѣтѣ вывезли здѣшнюю Контору государственнаго, коммерческаго банка и Казначейство въ Вознесенскъ, находящійся въ 130 верстахъ отсюда, на лѣвой сторонѣ Буга *).

Погода была тихая и ясная въ этотъ день. Корабли оставались, во все утро и въ обѣдъ, во вчерашнемъ положеніи. Это пачало нѣсколько успокоивать городъ и на всемъ протяженіи бульвара собрались толпы. Тутъ были мужчины и женщины всехъ націй, званій и возрастовъ. Толпы эти мѣнялись въ своемъ составѣ, оставаясь до поздняго вечера.

Въ 2 часа началась вечерня и послѣдовалъ выносъ плащаницы. Въ соборѣ, среди служенія, вызвали барона Д. Е. Остенъ-Сагена. Генерала ждалъ парламентаръ, присланный съ письмомъ отъ адмираловъ Дундаса и Гамелена, на которое надобно было дать отвѣтъ. И отвѣтъ этотъ данъ былъ достойно имени Русскаго.

Къ концу служенія, обстоятельство это было уже извѣстно Пресвященному. Потому, въ словѣ своемъ, которое произнесъ онъ въ этотъ часъ, онъ не преминулъ обратиться къ предстоящимъ съ словами мира, успокоенія и вразумленія. Онъ говорилъ:

«И такъ великое дѣло Богочеловѣка кончено!... При всей Божественности Своего ученія, при всемъ величій и благотворности чудесъ Своихъ, Онъ не узванъ народомъ Іудейскимъ, преданъ невѣрнымъ ученикомъ, отвергнутъ безумнымъ синедріономъ, осмѣянъ Иродомъ, не

*) Контора прибыла въ Вознесенскъ 14-го апрѣля и съ 19-го числа того-же мѣсяца открыла свои дѣйствія, какъ по приемнымъ и трансфертнымъ вкладамъ, такъ и по приему платежей по векселямъ. Казначейство и Контора возвратились въ Одессу въ концѣ мая.

спасенъ Пилатомъ, посрамленъ и умученъ воинами, вознесенъ посреди злодѣевъ на крестъ; и се, яко жертва, во спасеніе всего міра, предаетъ наконецъ духъ Свой Богу! *Совершилася...*

«Что съ нашимъ дѣломъ, которое, хотя само по себѣ безконечно мало въ сравненіи съ чрезвычайнымъ событіемъ Голгоѣскимъ, но тѣмъ не менѣе грозитъ намъ крестомъ и плащаницею?... Мы знаемъ несомнѣнно, что и о насъ сотворенъ уже врагами нашими совѣтъ, *да имутъ насъ и погубятъ*, если не жизнь, то достояніе и честь нашу. Найдены уже противу насъ и лжесвидѣтели, готовые утверждать, что нами нарушено всеобщее право народовъ, что мы хотѣли разорить и потопить ихъ мнимомірную ладію. Если-бы враги наши хотѣли искренно знать истину, то не было-бы ничего легче намъ показать, а имъ увидѣть ее; но они, подобно Пилату, только вопрошаютъ объ истинѣ, а въ самомъ дѣлѣ желаютъ не истины, а предлога къ нападенію на насъ. И вотъ почему предложены имъ такія условія намъ, на кои, подобно Спасителю на судѣ Пилата, не остается отвѣчать намъ ничѣмъ другимъ, какъ только — молчаніемъ... *Отвѣта не даде ему* (Іоан. XIX. 9). Пилатъ не оскорбился молчаніемъ Богочеловѣка, а напротивъ, какъ замѣчаетъ св. Іоаннъ, *отъ сего искаше пустити Его* (Іоан. XIX, 11). Но наше молчаніе не можетъ произвести подобнаго дѣйствія и намъ, послѣ него, предстоитъ, безъ сомнѣнія, отъ враговъ нашихъ не спокойствіе и безопасность, а жестокая буря — съ молніею и громами.

«Если посему въ какомъ положеніи, то въ настоящемъ, — когда и мы все находимся, можно сказать, предъ Крестомъ и Голгоѣю, — для насъ необходимъ вождь и утѣшитель. И се, онъ является намъ въ лицѣ самого Господа и Спасителя нашего! Ибо, думаете-ли, что случайно и безъ особеннаго Божія промысленія произошло то, что о насъ судятъ теперь и насъ осуждаютъ враги наши, именно въ то время, когда былъ судимъ и осужденъ Господь нашъ? — Нѣтъ! — это слѣдствіе тайнаго, всеблагаго предраспоряженія *свыше*, которое враги наши, сами не зная того, хотятъ привести въ исполненіе, подобно тому, какъ невѣрные Іудеи, дѣйствуя по единой своей злобѣ, тѣмъ не менѣе привели въ исполненіе все предсказанія пророковъ о судьбѣ своего Мессіи и собственной.

«И такъ, кто ищетъ себѣ теперь вразумленія и утѣшенія (а кому оно не нужно?), тотъ вперіи взоръ и мысль свою въ это священное изображеніе распятаго Спасителя, которое св. церковь представляетъ нынѣ предъ нами. Се нашъ вождь и наставникъ! Се нашъ утѣшитель!»

Я обѣдалъ у своего товарища Д. А. Б. Часу въ 6-мъ, въ небольшомъ обществѣ, ничего еще не зная, пошли мы на бульваръ. По дорогѣ, на Ришельевской, зоветъ меня г. К. «Слышали-ли, знаете-ли — черезъ 2 часа будутъ городъ бомбардировать?» — Что вы, откуда взяли вы это?» — «Всѣ говорятъ!» Я не повѣрилъ словамъ его, но на Ришельевской, въ самомъ дѣлѣ, замѣтно было нѣкоторое усиленное движеніе. На встрѣчу мнѣ, бѣжитъ какой-то французъ. Другой въ недоумѣніи останавливаетъ его и спрашиваетъ что-то. Первый отвѣчаетъ «с'est vrai, с'est vrai», и бѣжитъ дальше. Тутъ и я подумалъ, что должно-же быть въ самомъ дѣлѣ что нибудь. Обогнавъ Б., спѣшу далѣе, на бульваръ.

На театральной площади, возлѣ биржи, опять собрано войско, которое до обѣда было распушено. Подойдя къ биржѣ, я увидѣлъ, что соединенныя эскадры подошли ближе къ городу. На бульварѣ, тѣже толпы мужчинъ и женщинъ всѣхъ возрастовъ, званій и націй. Подхожу къ одной кучкѣ, вижу въ ней двухъ своихъ знакомыхъ отставнаго полковника К., и капитана 1-го ранга Р. Оба въ самомъ веселомъ расположеніи духа. К., какъ старый воинъ, котораго не скоро устрашишь, и какъ давній недругъ англичанъ, подтруниваетъ надъ ними. Р. также смѣется и шутитъ, но, не шутя, доказываетъ, что англичане — хорошіе купцы, а не войны. Вскорѣ однако къ намъ подошелъ П. и положительно объявилъ, что въ 2 часа пополудни прислано было къ барону Остенъ-Сакену письмо отъ адмираловъ Дундаса и Гамелена, съ требованіемъ выдать имъ, въ возмездіе за мнимые выстрѣлы по парламентару, находящіяся въ гавани у насъ, русскія, англійскія и французскія суда, и съ объявленіемъ, что, въ случаѣ отказа, они угрожаютъ нападеніемъ. П.—нъ прибавилъ, что нашъ доблестный генералъ оставилъ это требованіе безъ отвѣта, предоставивъ гг. Дундасу и Гамелену вѣдаться съ нашими батареями.

Отъ начальства предписано было полиціи оповѣстить жителей о нападеніи на городъ, которымъ угрожаетъ непріятель. Срокъ же исполненія требованія, назначенный въ депешѣ союзныхъ адмираловъ до захожденія солнца, устрашилъ многихъ и произвелъ то, что кто жилъ въ части города, ближайшей къ берегу, и кто только могъ, тутъ-же бросился перебираться далѣе, къ предмѣстьямъ.

Прійдя къ себѣ, я нашелъ, что мой слуга, уже узнавшій о непріятельскихъ угрозахъ, укладывалъ остальные вещи. Еще на прошлой недѣлѣ, въ субботу, 3-го апрѣля, т.-е. около того времени, когда перевезли присутственныя мѣста, отправилъ я свои книги и кое-какія

вещи на Молдаванку, предмѣстье, которое, изъ всѣхъ мѣстностей Одессы, всего болѣе отдалено отъ моря. По этому, на квартирѣ оставалось у меня не многое. И изъ этого-то немногаго, кое-что велѣлъ я отнести подальше, къ одному знакомому, живущему у лютеранской церкви. Самъ-же отправился я на Ришельевскую, къ своему товарищу, Б.

На прошлой недѣлѣ, послѣ прихода трехъ пароходовъ, всѣ мы, братія по Московскому университету, согласились сойтись у Б., въ томъ случаѣ, если-бы положительно заговорили о бомбардированіи города, — а когда полетятъ бомбы, удалиться всей семьей куда нибудь. Прійдя съ непріятнымъ извѣстіемъ къ своему товарищу, я засталъ его за чаемъ и, по условію, остался почевать. Явились и другіе, и въ разговорѣ просидѣли часа три. Было уже 11 часовъ ночи. Между тѣмъ, я вспомнилъ, что клубъ обыкновенно закрытый по вечерамъ на послѣднихъ дняхъ страстной недѣли, теперь, по обстоятельствамъ, открытъ для бесѣды и газетъ. Потому, вдвоемъ съ Б., отправились мы поразвѣдать — не узнаемъ-ли еще чего.

Не успѣли мы отойти отъ дома шаговъ семидесяти по Ришельевской, какъ насъ остановилъ караульный обходъ съ распросами: кто, откуда, куда, за-чѣмъ? Нѣсколько дальше, опять обходъ и допросы. Насъ и тутъ пропустили, но два какихъ-то простолюдина были остановлены. Надобно замѣтить, что въ этотъ день, приказомъ военнопачальствовавшего, городъ Одесса объявленъ былъ уже въ осадномъ положеніи. Вскорѣ однако попался извозчикъ. Мы поѣхали. Въ глубѣ никого не было. Только люди выносили мебель, серебро и другія вещи въ подвалы. Тутъ ничего, разумѣется, узнать нельзя было, и мы отправились дальше. Дорогою, извозчикъ сказалъ намъ, что только-что отвозилъ какого-то офицера на дачу генерала Лидерса, гдѣ въ это время былъ баронъ Остенъ-Сакенъ. Мы воротились домой.

Рѣшившись совсѣмъ не спать, закурилъ я сигару, вышелъ на балконъ и сѣлъ на стулѣ. Было два часа. Кой-гдѣ въ окнахъ горѣли еще огоньки. Экипажи все еще проносились върѣдка. Проѣхала и какая-то громадная фура. Наконецъ все смолкло, огни погасли. Я задремалъ, не покидая стула.

Въ пятомъ часу утра, разбудилъ меня звонъ въ церкви Михайловскаго монастыря. Вскорѣ разсвѣло. Начали звонить и въ другихъ церквяхъ. Утро было ясное и свѣжее. Вѣтерокъ едва колыхалъ вѣтви, еще не распустившихся акацій. Я взглянулъ вдоль улицы: всюду тишь

и молчаніе, какъ бываетъ и всегда рано утромъ. Тутъ невольно приходилъ въ голову вопросъ: что-то будетъ въ этотъ день? Никогда типична не казалась предвѣстницей болѣе страшной бури. Я вышелъ отъ Б. и пошелъ на бульваръ. На улицахъ народъ уже показывался. Явилось утреннее движеніе. Дворники мели мостовую; кухарки шли на рынокъ. Изрѣдка проходилъ кто-нибудь въ гражданскомъ платьѣ. Все, въ буквальномъ смыслѣ, сохраняло обычный видъ. Но это обычное, спокойное движеніе казалось чѣмъ-то загадочнымъ, при мысли о бомбардированіи, котораго можно было ждать съ минуты на минуту.

У соборной паперти стояло нѣсколько экипажей. На ней и въ самомъ храмѣ было много народа. Священнодѣйствовалъ Преосвященный. Хожденіе съ плащаницей уже окончилось. Мнѣ сказали, что только-что приѣзжалъ баронъ Остенъ-Сакенъ прикладываться къ плащаницѣ и испросить благословенія. Служеніе, между тѣмъ, шло къ концу, и когда Преосвященный произнесъ отпущеніе и началъ снимать мантию, послышался первый выстрѣлъ. Это было въ половинѣ 7-го. За нимъ другой, третій и завязалось дѣло. Выстрѣлы, сперва слѣдовавшіе медленно одинъ за другимъ, становились потомъ все чаще и чаще.

Изъ собора, по близости, зашелъ я еще къ себѣ на квартиру; второпяхъ написалъ письмо въ Москву, къ С. П. Ш—ву, въ отвѣтъ на полученное мною наканунѣ, и отправился сперва на почту, а потомъ къ Б.

По дорогѣ въ почтовую контору, увидѣлъ я черныя бомбы и гранаты. Онѣ разражались по близости съ лица и вообще на, такъ называемомъ, Греческомъ, до новой еврейской синагоги. Далѣе, въ это время, онѣ не достигали. Большая часть изъ нихъ притомъ или со всѣмъ не разрывались, или разрывались въ воздухѣ, оставляя по себѣ бѣлое облачко, которое фантастически рисовалось на голубомъ небѣ.

Едва успѣлъ я придти къ своему товарищу, какъ мимо насъ по Ришельевской пронеслась пожарная команда второй части. Въ это время, отъ разорвавшейся бомбы, загорѣлся сѣнникъ въ домѣ князя М. С. Воронцова. Пожаръ былъ немедленно потушенъ, но пожарныя команды всѣхъ частей оставались цѣлый день въ полной готовности на мѣстахъ, подвергавшихся большой опасности.

Къ половинѣ 9-го часа вѣтеръ поднялся и началъ замѣтно усиливаться. Онъ дулъ съ юго-запада и уносилъ звуки пушечной пальбы отъ города, такъ что они раздавались въ немъ не во всей силѣ и глухо. Бомбы продолжали летать на городъ и, кажется, онѣ то произвели, что онъ внезапно и замѣтно началъ пустѣть. Тутъ-же довольно

смѣло заговорилъ ко мнѣ какой-то жидъ-пролетарій. Я видѣлъ въ глазахъ его злобную радость и, разумѣется ничего не отвѣчалъ на его слова. Около него вскорѣ собралась кучка, но подошедшій полицейскій чиновникъ прикрикнулъ на нихъ словами: «вы что тутъ?» и кучка разошлась.

Я сторговалъ извозчика за три рубля серебромъ и отправился версты за три отъ центра города, на новую слободку, откуда видны были дѣйствія непріятельскихъ пароходовъ.

Я поѣхалъ черезъ старый базаръ, и какъ со мною не было серебра, а извозчикъ не имѣлъ чѣмъ сдать, то пришлось отыскивать мѣнялу, чтобы размѣнять деньги. На базарѣ лавки были закрыты. Съѣстные припасы, привезенные поутру изъ-за города, кое-гдѣ оставались еще на лоткахъ, но погупциговъ не было. Вообще, народу попадалось немного. Да и на прочихъ улицахъ, мало-по-малу, безлюдѣло совершенно. Кое-какъ отыскалъ я какого-то еврея-мѣнялу, который, не смотря на то, что была суббота, согласился удовлетворить моему желанію. Только, за размѣнъ пяти-рублеваго кредитнаго билета на мелкую монету, запросилъ онъ съ меня полтора рубля серебромъ. Я началъ усовѣщевать его и торговаться. Подъ конецъ, онъ спустилъ цѣну размѣна на рубль серебромъ. И это было однако немовѣрно дорого. Впрочемъ, я узналъ потомъ, что, съ вечера 9-го числа до самаго отхода непріятельскаго флота изъ нашего залива, т.-е. по 13-ое апрѣля, цѣны на размѣнъ кредитныхъ билетовъ на звонкую монету были очень высоки. Это потому, что всѣмъ нужны были мелкія деньги, а мѣнялы пользовались усиленнымъ требованіемъ. Не размѣнявъ денегъ на старомъ базарѣ и вспомнивъ, что на слободкѣ можно сдѣлать это дешевле, я отправился далѣе.

На слободкѣ, по случаю, размѣняли мнѣ даромъ уже втрое болѣе билетовъ и я расплатился съ извозникомъ. Нашедъ удобное помѣщеніе, я пригласилъ съ часикъ, а послѣ того отправился на другую сторону слободки, откуда лучше могъ видѣть дѣйствія пароходовъ. Трава, не смотря на позднюю, весеннюю пору, только показывалась, и я спокойно расположился было на землѣ смотрѣть на, происходившее въ глазахъ моихъ, сраженіе, какъ вскорѣ, собравшаяся вблизи отъ меня, толпа людей привлекла мое вниманіе. Это были нѣкоторые изъ жителей новой слободки, мѣщане и отставные солдаты. Между ними находились и торговцы, имѣющіе свои лавочки съ разнымъ мелочнымъ товаромъ на практической гавани. Двое изъ нихъ только-что возвратился съ этой гавани и были казалось, лучшими свидѣтелями того, что проис-

ходило на ней. Пришедшіе съ гавани рассказывали между прочимъ, что будто половина бульвара уже въ развалинахъ, а домъ князя М. С. Воронцова весь обвалился. Съ перваго раза, я повѣрилъ было словамъ тѣхъ, которые, повидимому, были лучшими свидѣтелями и очевидцами.

Да и трудно было не повѣрить, слыша непріятельскіе выстрѣлы, которые то шли по одиначкѣ и становились рѣже, то вдругъ учащались и гремѣли залпами. Нельзя представить себѣ, съ какимъ адскимъ грохотомъ и трескомъ они раздавались.

Въ 11 часовъ, въ соборѣ и въ другихъ церквахъ, заблаговѣстили къ литургіи. Собрался народъ. Молящіеся, съ чувствомъ вѣры и теплой молитвы, творили поклоны и прикладывались ко гробу Господню. Грохотъ непріятельскихъ выстрѣловъ, усилившійся въ это время, не возмущалъ умиленнаго спокойствія въ душахъ. Въ соборномъ храмѣ, священнодѣйствовалъ Преосвященный. Его мысли и чувства устремлены были къ Престолу Божію. Его невозмутимая твердость духа не колебалась и въ то время, какъ, подъ конецъ литургіи, среди переката выстрѣловъ, раздавался одинокій, громовый звукъ и гулъ, потряслись двери храма, заколебались паникадила и лопнули стекла въ куполѣ. Стоявшіе на паперти видѣли при этомъ большое, бѣлое облако пороховаго дыму. Оно поднялось надъ прибрежной возвышенностью, стояло нѣсколько секундъ неподвижно и потомъ разнесено было вѣтромъ. Это былъ взрывъ пороховыхъ ящиковъ на Щеголевской батарее. Ужасъ объялъ было народъ, стоявшій во храмѣ; но предстоящій гробъ Господень, спокойствіе пастыря-первосвященника, прежній благоговѣйный ходъ служенія и согласныя, стройныя молитвословія преобратили этотъ ужасъ въ тихое, скромное успокоеніе. Въ сердцахъ обновилось чувство, вызванное, за нѣсколько минутъ предъ тѣмъ, пѣснію клира: «Да молчитъ всякая плоть человѣка и да стоитъ со страхомъ и трепетомъ, и ничто-же земное въ себѣ да помышляетъ. Царь бо царствующихъ и Господь господствующихъ приходитъ заклатися и датися въ снѣдь вѣрныхъ».

При заключеніи священнослуженія, Архипастырь произнесъ слово. Тайнства Церкви и адскій напоръ поругателей ея святыни вдохновили преосвященнаго витію. Онъ говорилъ:

«Тяжкая година надъ нами, братія! — О градъ нашъ со всею точностію можно сказать теперь словами св. Давида, *яко врази наши обышедше обыдоша насъ, яко пчелы сотъ, и разгоръшася, яко*

огнь во терни (Псалм. XVII, 12). То самое море, которое доселѣ обыкло приносить намъ прохладу и всѣ выгоды жизни, обратилось теперь въ бездну огнедышущую, изъ коей несутся на насъ молвіи и громы.

«Но будемъ-ли унывать и смущаться безотрадно? Нѣтъ: у животноснаго гроба Спасителя для христіанина не страшнѣе самый адъ, а это еще развѣ одна слабая тѣнь его. *Аще пойду, говоритъ св. Давидъ, посреди тьмы и стни смертныя, не убоюсь зла.* Почему? *Яко ты, Господи, со мною еси* (Псал. XXII, 4). Важно посему не то, что происходитъ теперь, а то, съ кѣмъ теперь Господь: съ нами, или съ врагами нашими. Но, можетъ-ли Господь быть съ тѣми, кои воздвигли брань противу насъ, за враговъ креста Христова? Можетъ-ли Господь быть съ тѣми, кои, будучи сами христіанами, не усрамились сихъ великихъ и священныхъ дней и дерзнули возмущать столь нечестивымъ образомъ смертный покой Спасителя своего во гробѣ? — Нѣтъ, если есть кто со врагами нашими, то развѣ Веліарь *) и Магометъ, за темную державу коего они возстали на насъ; а Господь всеблагій съ нами, кои, аще нечисты и грѣшны есмы, но подвизаемся во славу пресвятаго Имени Его, сражаемся не за наши какія-либо выгоды, а за Вѣру православную, за гробъ Господень и за угнетенныхъ собратій нашихъ по Вѣрѣ»...

Слово свое Преосвященный заключилъ обращеніемъ къ священству, вмѣстѣ съ нимъ служившему въ этотъ часъ предъ алтаремъ Господнимъ. «А вы, возлюбленные сослужители наши, столь бодрственно доселѣ стоявшіе съ нами на духовной стражѣ у креста Христова, удвойте и утройте усердіе и попеченія ваши, дабы, къ наступающей священо-тайственной ночи, все было уготовано по чину церковному, *да не речетъ врагъ града нашего: укрѣпихся на него* (Псал. XII, 5). Пусть возлюбленный Женихъ душъ, являющій въ полночи изыти изъ гроба, яко изъ чертога, найдетъ всѣхъ насъ бдящими и, со свѣтильниками въ рукахъ, готовыми къ прославленію Его, воскреснаго и съ собою вся совоскресившаго. Аминь». По окончаніи литургіи, Преосвященный послалъ съ ключаремъ собора, протоіереемъ Знаменскимъ благословенные хлѣбы къ барону Д. Е. Остепъ-Сакену, Н. Н. Анненкову и ихъ храбрымъ сподвижникамъ.

Между тѣмъ, послѣ взрыва пороховыхъ ящиковъ, выстрѣлы сдѣлались рѣже и вскорѣ все стихло: сраженіе прекратилось на-время.

*) Веліарь — начальникъ тьмы; выраженіе библейское.

Дѣло происходило слѣдующимъ образомъ:

Прежде, какъ расположены и вооружены были наши батареи? Первая изъ нихъ, № 1, — о 6-ти двухпудовыхъ мортирахъ и 2-хъ однопудовыхъ единорогахъ, сооружена была на прибрежномъ возвышеніи, на-лѣво отъ сѣзда въ-низъ, на дачу графини Ланжеронъ, тыломъ къ чумному кварталу; вторая, № 2 — о 6-ти двадцати-четырехъ фунтовыхъ пушкахъ, на возвышеніи, устроенномъ на купеческомъ или карантинномъ молѣ, за самымъ входомъ въ него, лицомъ къ открытому морю; третья, № 3 — о 16 двадцати-четырехъ фунтовыхъ пушкахъ, — на оконечности этого мола; четвертая, № 4 — о 8-ми однопудовыхъ единорогахъ, — подъ бульваромъ, на-право отъ лѣстницы, на покатости береговаго возвышенія; пятая, № 5 — о 6-ти двадцати-четырехъ фунтовыхъ пушкахъ, подъ бульваромъ-же, но на плоскости, подъ этимъ возвышеніемъ, тыломъ къ дому и саду кв. Воронцова; шестая, № 6, наконецъ, подъ командою прапорщика Щеголева, — о 4 хъ двадцати-четырехъ фунтовыхъ пушкахъ, на оконечности практическаго мола.

Въ началѣ 7 часа, по утру, непріятельскій винтовой корабль и парходъ-фрегатъ вышли изъ своей линіи, облежавшей, съ плѣнными каботажными судами, почти весь заливъ. Корабль далъ сигналъ и, одинъ за другимъ двинулись восемь парходовъ-фрегатовъ *). Они шли двумя отдѣленіями: впереди — первые пять, за ними, въ нѣкоторомъ разстояніи, — остальные три. Къ половинѣ 7-го стояли они уже въ боевой позиціи, расположившись сначала между нашими батареями №№ 3 и 6, т.-е. напротивъ бульвара, между карантиннымъ и практическимъ моломъ. Между тѣмъ, слѣдя за этимъ движеніемъ, и баронъ Остенъ-Сакенъ, со своимъ штабомъ, оставилъ батарею № 1 и поѣхалъ на бульваръ, чтобы встрѣтить тамъ непріятели.

Тутъ, въ шесть съ половиною часовъ, открылась перемежающаяся пальба по всей линіи и первый выстрѣлъ сдѣланъ былъ по Щеголевской батарее. Тутъ-же непріятель спустилъ пять баркасовъ, которые

*) Эти восемь парходовъ-фрегатовъ, съ нѣсколькими поздне присоединившимся къ нимъ девятью, были англійскіе: «Тигръ» 30 апрѣля погибшій у нашихъ береговъ, «Самсонъ», «Ретрибушенъ», «Фюріусъ», «Террибль», и французскіе: «Вобанъ», «Декартъ», «Могадоръ», и «Катонъ». — Во флотѣ, облежавшемъ въ это время Одессу, находились линейные корабли, англійскіе: «Британнія» (подъ флагомъ вице-адмирала Дундаса), «Квинъ», «Лондонъ», «Родней», «Графальгаръ», «Венженсъ», «Беллерофонъ», «Альбионъ», «Аретуза» и «Агамемновъ» (подъ флагомъ контръ-адмирала Лайонса) и французскіе: «Городъ Парижъ» (подъ флагомъ вице-адмирала Гамелена), «Юпитеръ», «Вальми», «Баярдъ», «Генрихъ IV», погибшій въ бурю 2-го ноября 1854 г. у береговъ Крыма. «Іена», «Маренго», «Фридландъ» и «Шарлеманъ». Сообщение между флотомъ и дѣйствовавшими парходами, поддерживали англійскіе парходы «Гайфлайеръ» и «Санпарейль».

въ то же время начали и продолжали потомъ дѣйствовать ядрами по практической гавани и по батарее, на ней находящейся. Парходы, кромѣ бомбъ и ядеръ, метали еще кнители, чтобы рвать снасти судовъ. Съ нашей стороны, не предполагали, да и предположить не было никакого основанія, чтобы главную цѣль вражескихъ дѣйствій составила Щеголевская батарея. Потому, въ самомъ началѣ общаго боя, изъ дежурства прислали къ прапорщику Щеголеву просить зарядовъ для пополненія ихъ на батарее № 5; но онъ счелъ себя въ-правѣ, въ отвѣтъ на эту просьбу, послать запросъ: чѣмъ-же самому ему отстрѣливаться?

Пользуясь превосходствомъ калибра своихъ орудій, особенно 68 и 98 фунтовыми, бомбическими пушками, непріятель держался въ отдаленіи, хотя разстояніе не мѣшало ему, именно по большому калибру орудій, слать бомбы и гранаты на городъ и громить наши батареи. Это однако служило причиною, что наши прибульварныя батареи, №№ 4 и 5, по отдаленности своей отъ боевой линіи, принимали мало участія въ сраженіи, хотя находились подъ непріятельскимъ огнемъ. Въ общемъ ходѣ дѣла не принимала участія и батарея № 1, коей орудія, по мѣстному положенію, обращенному къ открытому морю, не могли дѣйствовать на заливъ, гдѣ расположились парходы. У нея были два свои особые дѣла.

Поэтому, съ непріателемъ сражались болѣе другихъ прапорщикъ Щеголевъ, на лѣвомъ нашемъ флангѣ, и подпоручикъ Волошиновъ — на правомъ, первый — на практическомъ, а второй — на карантинномъ молѣ. Оба они дѣйствовали калеными ядрами и наносили сильный вредъ непріятелю; такъ что, въ самомъ началѣ своего напора, англо-французы испытали мѣткость нашихъ выстрѣловъ: отъ одного изъ Щеголевскихъ каленыхъ ядеръ, на парходъ-фрегатъ «Вобанъ», по свидѣтельству самого адмирала Гамелена, сдѣлался пожаръ и парходъ этотъ принужденъ былъ оставить на нѣкоторое время мѣсто сраженія.

Замѣчательно, что первый выстрѣлъ съ англійскаго пархода, сдѣланный по Карантинной гавани, попалъ въ англійское, купеческое судно и ранилъ на немъ повара матроса, родомъ ирландца. Слѣдующими выстрѣлами въ ту же сторону былъ разбитъ и потопленъ нашъ спасительный баркасъ, по болѣе вреда, кромѣ развѣ нѣкоторыхъ перебитыхъ и разорванныхъ снастей, здѣсь, на Карантинной гавани и на иностранныхъ судахъ, сдѣлано не было. Должно предположить, что съ парходовъ крышу нашего пассажирскаго квартала, которая снизу кажется будто лежитъ на самой прибрежной возвышенности, приняли за пороховой

погребъ. По крайней мѣрѣ, ясно было, что выстрѣлы продольно направлены были противъ этой крыши.

Узнали-ли на пароходахъ, что крыша пассажирскаго квартала въ гарантнѣ была не пороховой погребъ и что выстрѣлы поражаютъ тутъ ихъ-же собственные суда, или почему другому, только стрѣльба по этому направленію вскорѣ прекратилась. Пароходы, въ этомъ мѣстѣ, обратились исключительно противъ батареи № 3, которая отвѣчала дѣятельно и не безъ успѣха, особенно калеными ядрами. Непріатели вскорѣ однако совсѣмъ оставили ее.

Вскорѣ послѣ того, какъ дѣйствія непріателя прекратились на батарею № 3 и какъ пароходы устремили всѣ свои дѣйствія противъ практическаго мола и Щеголевской батареи, то-есть въ началѣ 10-го по-утру, большой фрегатъ *) вышелъ изъ своей линіи и направился къ батарее № 1. Встрѣченный выстрѣлами съ батареями №№ 1, 2 и 3, онъ пошелъ однако на выгодную позицію, чтобы, какъ видно было, расположиться сбоку отъ батареи № 1, противъ праваго ея фаса. Два одноудовые еднорога этой батареи были съ-банку и при томъ съ лѣваго ея фаса, а 6 мортиръ въ прямомъ направленіи и съ праваго фаса. Потому подпоручикъ Винокуровъ, командовавшій атакующею такимъ образомъ батареею, употребилъ простую и не хитрую, но весьма счастливаю операцію. По мѣрѣ передвиженій корабля, онъ поворачивалъ пешнями и ломами платформы всѣхъ мортиръ и правый изъ еднороговъ: лѣвый, по условіямъ самой мѣстности, не могъ наносить вреда. Когда корабль остановился наконецъ на позиціи, подпоручикъ Винокуровъ могъ уже встрѣтить его дѣятельно и мужественно. Завязалась перестрѣлка. Корабль стрѣлялъ по батарее, но не могъ вредить ей, по ея положенію на высотѣ, между тѣмъ, какъ съ нашей стороны нанесли ему существенный вредъ.

Щеголевская батарея, съ свсей стороны, сопротивлялась мужественно и пронизывала непріательскіе пароходы своими калеными ядрами. Быть можетъ, это обстоятельство, равно какъ и то еще, что Практическая гавань, вмѣстѣ съ устроенною на ней батареею, составляла главную цѣль нападенія, было причиной, что послѣ непродолжительной стрѣльбы на батарею № 3, и тѣ пароходы, которые дѣйствовали противъ нея, присоединились также къ своимъ собратьямъ, сражавшимся съ Щеголевымъ, такъ что вскорѣ противъ него одного всѣ девять пароходовъ-фрегатовъ обратили свои силы и открыли хотя перемежаю-

*) По иностраннымъ свѣдѣніямъ, это былъ фрегатъ «Аретуза».

щейся сначала, но все-таки частый и сильный огонь. Тутъ стойкость и неустрашимость прапорщика Щеголева обратили на себя вниманіе барона Д. Е. Остенъ-Сакена. Движимый участіемъ къ юному офицеру, который принялъ и продолжалъ бой столь хладнокровно, онъ послалъ штабсъ-капитана Веревкина благодарить за это командира и команду батареи.

Чтобы избѣжать ударовъ съ нашей стороны, которые могли бы наносимы только изъ-за амбразуръ, пароходы-фрегаты, въ продолженіе всего боя, не оставались на одномъ мѣстѣ, а кружились и вскорѣ совершенно вышли изъ направленія выстрѣловъ сперва двухъ, а потомъ и трехъ орудій.

Черезъ три четверти часа, послѣ того, какъ пароходы зашли въ тылъ Щеголевской батареи, непріательское ядро подбило подъемный винтъ въ крайнемъ орудіи на правомъ фасѣ батареи, и при этомъ убить былъ солдатъ. Орудіе, не дѣйствовавшее по вышесказанной причинѣ, теперь уже совсѣмъ не могло быть употреблено въ дѣло. По правиламъ артиллеріи, его въ тоже время заклепали. Тутъ-же загорѣлось кульковъ 20 лавроваго листа, сложенныхъ въ кучу. Вскорѣ послѣ того, какъ подбито было орудіе и вспыхнулъ лавровый листъ, одинъ изъ непріательскихъ выстрѣловъ, летѣвшихъ циклопической бурей на практическій молъ и на ея батарею, попалъ въ ядрокалильную печь и разбилъ ее. Стрѣльба калеными ядрами прекратилась. Оставалось дѣйствовать холодными и Щеголевъ, пользуясь тѣмъ, что было въ его рукахъ, не упалъ духомъ. Сопротивленіе его ожесточало непріателей.

Въ это время, усиленный огонь противъ Щеголевской батареи и положеніе Практической гавани побудили генераль-адъютанта Н. Н. Анненкова, взявъ съ собою генерала Корвина-Красинскаго, отправиться туда лично. Навѣстя, въ эту критическую минуту, Щеголева, онъ ободрилъ, похвалилъ его стойкость и, узнавъ отъ него о недостаткѣ зарядовъ, отправилъ нарочнаго за ними.

Извѣстія объ этомъ-же недостаткѣ два раза барону Остенъ-Сакену приносили студенты Ришельевского лицея, Скоробогатый и Диминитру, родомъ французъ, которые посланы были отъ него за извѣстіями къ Щеголеву. При этомъ случаѣ, отличился студентъ Нуль. Видя, что крестьянинъ, везшій на волахъ заряды къ Щеголеву, бросилъ возъ отъ испуга, и бѣжалъ, самъ онъ вскочилъ на возъ, и сквозь летящія ядра, отвезъ заряды на батарею.

Въ 11 часовъ канонада съ непріательскихъ судовъ усилилась съ адскимъ неистовствомъ. Она рвала воздухъ и страшной бурей неслась

далеко. Щеголевъ, между тѣмъ, держался по прежнему и продолжалъ наносить непріятелямъ вредъ, разумѣется, посильный. Генералы, баронъ Д. Е. Остенъ-Сакенъ и Н. Н. Анненковъ были все время на бульварѣ и не переставали наблюдать за ходомъ дѣла. Мужественная стойкость Щеголева побудила тутъ барона Д. Е. Остенъ-Сакена послать ему выраженіе поной благодарности за нее. Козакъ повезъ на батарею № 6 слѣдующую записку: «Отъ имени корпуснаго командира, храброму прапорщику Щеголеву — спасибо. Майоръ Гротгусъ». Но напоръ непріятеля становился съ минуты на минуту ожесточеннѣе. Никто изъ видѣвшихъ дѣло не вѣрилъ, что и Щеголевъ, и его прислуга не будутъ перебиты и останутся въ живыхъ. Адъ кипѣлъ, во всемъ своемъ остервенѣніи, на нашей Практической гавани; но Провидѣніе, за утлой защитой деревянныхъ мерлоновъ, хранило храбрыхъ слугъ Царя, стоявшихъ за Его правое дѣло. Въ эту пору, въ опасеніяхъ за жизнь Щеголева, начальникъ пѣнаго, постояннаго артиллерійскаго резерва, генералъ-майоръ Майдель послалъ на его батарею прапорщика Ильяшевича, который могъ бы, если понадобится, занять его мѣсто; но Щеголевъ остался живъ и невредимъ, и потомъ цѣлехонекъ и со славою вышелъ изъ боя.

Къ половинѣ перваго, вражій напоръ началъ проявляться въ слѣдствіяхъ. На концѣ гавани, у батареи, сдѣлался почти общій пожаръ. Рангоуты на всѣхъ купеческихъ судахъ были болѣе или менѣе повреждены и горѣли; другія изъ судовъ были частію или и совсѣмъ потоплены, но мачты и снасти ихъ пылали; третьи совсѣмъ объаты были пламенемъ. Огонь не погасалъ и въ сараѣ пароходной комиссіи. Мерлоны загорѣлись во многихъ мѣстахъ. Верхнія-же ихъ бревна или вѣнцы амбразуръ были сбиты и также горѣли. Потому, на томъ изъ мерлоновъ, изъ-за котораго производилась стрѣльба единственнѣмъ, какое могло паносить вредъ, орудіемъ, солдаты принуждены были стаскивать эти бревна ганшигами и бросать въ море, чтобы не мѣшали дѣйствию орудія. Въ этомъ ужасномъ положеніи, объатый со всѣхъ сторонъ пожаромъ, Щеголевъ продолжалъ однако еще держаться и стрѣлялъ. Не смотря на отчаянное положеніе стрѣлявшихъ, стрѣльба эта все-таки была удачна и наносила чувствительный вредъ непріятелямъ. Баронъ Остенъ-Сакенъ, видя все это послалъ на батарею собственноручную записку карандашемъ: «Храброму, спокойному и распорядительному Щеголеву — спасибо. Генералъ-адъютантъ баронъ Остенъ-Сакенъ. 10-го апрѣля, 1854 г. 12^{1/2} по-полудни. 6 часовъ вижу». Тутъ-же, думая, что многіе изъ прислуги Щеголева перебиты, баронъ Остенъ-Сакенъ

прислалъ къ нему новую. Но Господь хранилъ храбрецовъ, которые столь удачно начали и продолжали дѣло, и прислуга осталась до конца одна и таже. Только позднѣе, бомба, упавшая въ самую батарею, разорвалась и осколками рапила одного солдата въ спину, а другого контузила. Пожаръ свирѣпствовалъ. Въ довершеніе его, бомба упала въ сарай пароходной комиссіи, разорвалась въ немъ, и сарай вновь и со всею силою вспыхнулъ, такъ что погасить его уже не было возможности. Вскорѣ отъ сарая огонь перешелъ на присяжную будку, близокъ уже былъ къ 4-мъ ящикамъ съ зарядами и угрожалъ имъ. Ящичковъ этихъ перетащить нельзя было некуда: кругомъ было пламя. Тогда, видя неминуемую и самую близкую гибель, Щеголевъ рѣшился оставить батарею и сдѣлалъ послѣдній выстрѣлъ. Пожаръ до того распространился, что нѣкоторые солдаты, оставляя батарею, принуждены были, чтобы присоединиться къ товарищамъ, выскочить въ амбразуры, и такимъ образомъ, подъ непріятельскими выстрѣлами, обойти свою-же батарею снаружи, по закрапѣ мола. Щеголевъ и его команда была въ 15 шагахъ отъ батареи, когда взорвало на ней пороховые ящики. Тутъ на союзныхъ пароходахъ послышались радостные вопли и крики: *houga, vive l'Empereur*. Послѣ того, юный командиръ батареи построилъ свою команду во фронтъ и съ барабаннымъ боемъ повелъ ее на батарею № 5, слѣдуя предварительно данному приказанію, если какая-либо батарея будетъ сбита или приведена не въ состояніе дѣйствовать, командѣ идти на сосѣднюю батарею. Но баронъ Д. Е. Остенъ-Сакенъ предупредилъ храбраго защитника Практической гавани: за нимъ и за прислугой его послалъ онъ звать ихъ къ себѣ, на бульваръ. Явившись къ барону, Щеголевъ не слышалъ ни привѣтствій, ни благодареній генерала, потому что сила непріятельскихъ и своихъ собственныхъ выстрѣловъ оглушила его на нѣкоторое время. Генералъ расцѣловалъ его и, по данной ему власти, поздравилъ кавалерами знака отличія военнаго ордена нижнихъ чиновъ, отличившихся на батареѣ. Въ числѣ удостоенныхъ знака отличія военнаго ордена, былъ и кондукторъ съ парохода «Андія», вышій прапорщикъ Рыбаковъ, добровольно принявшій участіе въ блистательныхъ дѣйствіяхъ батареи № 6. Отсюда, Щеголевъ отправленъ былъ для отдохновенія, тѣмъ болѣе, что у него, съ 5 часовъ утра ни куска хлѣба, ни капли воды во рту не было.

Послѣ взрыва пороховыхъ ящичковъ на Щеголевской батарее, что было въ началѣ втораго часу, непріятельскіе пароходы и корабль стали стрѣлять все рѣже и рѣже, и наконецъ совсѣмъ перестали.

Въ два часа съ четвертью, непріятель возобновилъ свои дѣйствія. Они начались почти одновременно въ двухъ мѣстахъ, на нашемъ лѣвомъ и на правомъ флагѣ.

Пока, въ третьемъ часу, англо-французы громили городъ съ праваго своего фланга, противъ коего не было уже ни одной батареи, а Щеголевская горѣла, батарея № 1, расположенная у чумнаго квартала, имѣла опять отдѣльную перестрѣлку. Фрегатъ снова отплавилъ къ ней и, снова встрѣченный выстрѣлами какъ съ этой батареи, такъ и съ батареями №№ 2 и 3, занялъ прежнюю позицію и открылъ огонь по батарее № 1 и по городу, къ сторонѣ Михайловскаго монастыря. Здѣсь подпоручикъ Винокуровъ, сдѣлалъ перемѣщеніе въ своихъ орудіяхъ. Изъ двухъ единороговъ, которые, сначала оба стояли на лѣвомъ фасѣ его батареи, одинъ перенесенъ былъ на правый. Платформы мортиръ опять обращены были противъ фрегата. Бой продолжался тутъ не менѣе получаса; но непріятельскія бомбы, и на этотъ разъ, не нанесли никакого вреда ни городу, ни батареѣ. На корабль-же, нашими выстрѣлами, повреждена была палуба и одинъ изъ баркасовъ разбитъ въ дребезги.

Между тѣмъ, въ три часа ровно, на крайнемъ, лѣвомъ флагѣ нашемъ, началось новое дѣйствіе огнетной драмы. Еще прежде, по близкому нахожденію непріятеля къ Пересыпи, предположивъ, съ нашей стороны, возможность высадки на это предмѣстье. Генералъ-адъютантъ Н. Н. Анненковъ, съ согласія корпуснаго командира, принялъ на себя этотъ крайній, лѣвый флагъ нашихъ дѣйствій.

Вскорѣ огонь съ непріятельскихъ пароходовъ пріумолкъ. Они какъ-бы наблюдали за дѣйствіемъ своихъ баркасовъ, которые спущены были на воду и поплыли къ Пересыпи. Это была, предусмотрѣнная начальствомъ нашимъ, попытка на небольшой десантъ. На разстояніи 250 сажень, десять изъ этихъ лодокъ, составлявшихъ вторую, заднюю линію, остановились, а восемь, въ передней линіи,плыли далѣе къ берегу. Какъ скоро, съ нашей стороны, замѣтили это движеніе, тутъ-же изъ засады выдвинуты были орудія, поставлены на берегу, саженьхъ въ 20 взводъ отъ взвода, а лошади и зарядные ящики скрыты за казеннымъ строеніемъ, находившимся сзади позиціи. Въ этомъ положеніи, два полу-дивизиона наши пообождали еще, пока баркасы не приблизятся на самый дѣйствительный картечный выстрѣлъ, т.-е. до 150 сажень. Тутъ, со всѣхъ четырехъ орудій нашихъ, открыта была самая учащенная пальба. При этомъ, такъ какъ у поручика Раецкаго пушка заряжена была ядромъ и какъ онъ не имѣлъ времени разряжать ее и

потомъ снова зарядить картечью, то первый зарядъ сею послѣднею былъ имъ, «посланъ на ядро». Наши 6-ти фунтовые пушки и $\frac{1}{4}$ пу- довые единороги дѣйствовали превосходно. Отъ первыхъ выстрѣловъ нашихъ, произошло смятеніе на баркасахъ: нѣсколько человекъ было переранено, баркасы зашатались и были повреждены, такъ что люди должны были перепрыгивать съ одного изъ нихъ на другой, и падали въ воду, а одинъ изъ баркасовъ совсѣмъ былъ потопленъ. Въ этомъ смятеніи, наши выстрѣлы довершали поражение. Это побудило непріятеля стремительно броситься назадъ, къ пароходамъ. Но пока баркасы плыли къ нимъ, сперва нашъ картечный огонь, а потомъ, по мѣрѣ удаленія, ядра и гранаты преслѣдовали бѣгущихъ. Когда-же десантные баркасы скрылись за пароходами, сіи послѣдніе, не будучи въ состояніи дѣйствовать дотолѣ противъ насъ, не вредя своимъ-же, теперь открыли огонь съ цѣлыхъ бортовъ, бомбическими и простыми орудіями. Тутъ подбиты были у насъ два лафета, убито четыре лошади и ранено два солдата. Въ полувзводѣ поручика Раецкаго бомба упала между обоими орудіями, но не разорвалась и не причинила ни малѣйшаго вреда. Когда такимъ образомъ покушеніе на десантъ было отражено и, слѣдовательно, цѣль достигнута, тогда слишкомъ несообразный калибръ нашихъ полевыхъ орудій въ сравненіи съ непріятельскими на его военныхъ судахъ, былъ причиною, что орудія сняты были съ позиціи. Два изъ нихъ, съ поврежденными лафетами, ушли съ Пересыпи въ резервъ, а два другія оставались въ засадѣ, до поздняго вечера.

Пароходы начали тутъ дѣйствовать по Пересыпи. Они бросали по ней бомбы и гранаты, метали конгревовы ракеты и вскорѣ повредили нѣсколько домовъ и зажгли сарай съ солью, принадлежавшій частному лицу. Пожаръ этотъ быстро вспыхнулъ и, по множеству дерева и удобосгораемыхъ матеріаловъ, находившихся на его мѣстѣ, распространился съ необыкновенною скоростію. Онъ обхватилъ шесть домовъ, находившихся въ сосѣдствѣ одинъ отъ другаго. Жители Пересыпи, по большей части, чиновничьи вдовы, мѣщане и мелкіе торговцы, не могли не испугаться дѣйствій непріятеля, обращенныхъ противъ нихъ, и страшнаго грома пушекъ. Большая часть, изъ нихъ бросили жилища и все, въ нихъ находящееся, и толпами побѣжали на новую слободку. Остались только неустрашимѣйшіе. Пересыпь, и безъ того не многолюдная, тутъ совершенно опустѣла.

Дѣйствія непріятеля на это предмѣстье продолжались до половины четвертаго. Послѣ того, англо-французы обратили всю силу своихъ

орудій опять на городъ, стрѣляя по направленію къ новому базару. Но губительныя успія ихъ остались, по большей части напрасны.

Бомбардированіе продолжалось до захожденія солнца. Оно зашло въ половинѣ 7-го. Тутъ непріятельскіе пароходы, прекративъ огонь, удалились въ свою линію. Только одинъ корабль вышелъ изъ этой линіи и сталъ впереди ея, какъ-бы для того, чтобы наблюдать за тѣмъ, что происходило, и что могъ онъ видѣть на гаваняхъ, на побережьи и на Пересыпи. Съ нашей стороны, генераль-адъютанты, баронъ Остепъ-Сакенъ и Н. Н. Анненковъ, все время наблюдавшіе за городомъ и за непріателемъ, теперь, когда начало темнѣть, отправились по батареямъ, чтобы лично распорядиться какимъ образомъ расширить кругъ ихъ дѣйствія и увеличить средства защиты города. Они осмотрѣли Пересыпское побережье и выбрали на немъ мѣсто для батарей, къ сооруженію которой немедленно было приступлено.

Въ 8 часовъ вечера, въ соборѣ и во всѣхъ другихъ церквяхъ, началось чтеніе дѣяній апостольскихъ. Храмы полны были народомъ, который, въ настоящую минуту, еще съ сильнѣйшимъ умиленіемъ внималъ словесамъ благоговѣствованія. Чтеніе дѣяній продолжалось до 12 часовъ, когда заблагоувѣстили къ Воскресной утрени. Тутъ-же, какъ и всегда бываесть у насъ въ эти торжественныя минуты, зажжены были смоляныя бочки на соборной площади. Ряды плашекъ засвѣтились во кругъ церквей, на ихъ куполахъ и колокольняхъ, а внутренность самого собора освѣтили 12-ть панпикадиль *). Въ немъ, — архипастырь и священство въ дорогихъ и лучшихъ облаченіяхъ, генераль-адъютанты баронъ Д. Е. Остепъ-Сакенъ и Н. Н. Анненковъ, съ генералитетомъ, штабомъ и офицерами, военный губернаторъ Н. И. Крузенштернъ съ чиновниками и лицами изъ почетнѣйшихъ сословій города, войско въ походной формѣ, толпы народа въ праздничныхъ одеждахъ, и всѣ со свѣчами въ рукахъ. Это было море свѣта извпѣ храма и внутри его.

За утреней непосредственно слѣдовала литургія. По окончаніи ея, преосвященный Иннокентій произнесъ слово, по истинѣ вдохновенное. Онъ говорилъ о томъ, какъ страшно враги наши забыли вѣру въ Бога, избравъ для перваго нападенія на Россію, воющую за гробъ Господень, именно тотъ день, который, единственный въ году, посвященъ памяти гроба Господня, — о томъ, что истекшая недѣля была для Одессы

*) Не приняли-ли англо-французы освѣщенія соборной площади за пожаръ города, о коемъ адмиралъ Гамеленъ упоминаесть въ своемъ донесеніи.

истинно страшною; такъ что «теперь, когда пережита эта суббота страстей, цѣлый городъ нашъ можетъ, ставъ предъ изображеніемъ воскресшаго Господа, съ благоговѣйнымъ смиреніемъ приложить къ себѣ священную пѣснь церковную: *Вчера спогребохся Тебѣ Христе, со-востаю днесь, воскресшу тебѣ!* какъ ни высокъ смыслъ и какъ ни глубоко ея значеніе». Витія продолжалъ: «Враги наши, вѣроятно, не преминутъ нынѣ явиться противъ насъ снова въ томъ или другомъ видѣ; ибо подобно-же имъ докончить дѣло своего нечестія и не показать, что, отъ вчерашнихъ ранъ своихъ, они уже не въ состояніи выйдти противу насъ на брань: но будьте увѣрены, что, наученный опытомъ, врагъ явится безъ прежней наглости и самопадѣнія. А намъ послѣ того, какъ мы видѣли вчера и безуспѣшіе врага и мплость Божию падъ нами, уже непростительно было-бы явиться малодушными. Если Господь защитилъ насъ своею невидимою силою такъ побѣдоносно вчера, когда мы предстояли у Его гроба: то тѣмъ паче не предасть насъ въ жертву врагамъ нынѣ — въ день преславнаго возстанія Его изъ гроба. Ничто убо, скажемъ и мы словами св. Златоуста, ничто да не препятствуетъ нашей радости о Господѣ! *Поимъ Господеви, славно бо прославися!*»!

Литургія кончилась въ 4 часа утра. Между тѣмъ, еще на-канунѣ, тутъ-же по захожденіи солнца, вслѣдствіе данныхъ предписаній, начались работы на батареяхъ: приказано было на №№ 4 и 5 снять амбразуры и поставить орудія съ банку, — кончить, пачатую уже, центральную *), которая отдана была теперь въ вѣдѣніе прапорщика Щеголева, и — соорудить новую на Пересыпи. Собраны были обыватели изъ рабочаго класса и приведена часть арестантской роты, оставшаяся въ городѣ. Въ ночь на 11 апрѣля, работы на этихъ трехъ пунктахъ производились съ неимовѣрной дѣятельностію и быстротою, такъ что, на другой день, съ нашей стороны, готовы были встрѣтить непріятеля уже болѣе сильными средствами защиты. Къ разсвѣту, центральная батарея была приведена къ концу, батареи №№ 4 и 5 приведены въ возможность дѣйствовать по всему пространству между Карантиной и Практической гаванью. На Пересыпи, за насыпнымъ бастиономъ, стояли уже двѣ 12-ти фунт. пушки и два полупудовые единорога. Словомъ, при-готовленъ былъ дружный и, сколько позволяли средства, сильный отпоръ.

Черезъ часъ по окончаніи литургіи, незваннымъ гостемъ явился какой-то пароходъ-фрегатъ **). Выступивъ изъ линіи своихъ кораблей,

*) На концѣ Канатной ул., къ морю. Это батареи Джиджи-Мокки.

***) Послѣ узнали, что это былъ корветъ Фури.

словно ошеломленный, понесся опять, на всех парусах въ глубину нашего залива, сдѣлалъ два выстрѣла на Практическую гавань и сгорѣвшую батарею, и началъ было стрѣлять по окончательнымъ работамъ, производившимся на вновь сооруженной, Пересыпской батарее. Но этого молодца встрѣтили со всехъ батарей нашихъ калеными и холодными ядрами, а бомба, брошенная въ него съ батареи № 4, попала въ корму его. Это заставило молодца воротиться. Отстрѣливаясь, понесся опять, какъ стрѣла, назадъ, къ своимъ.

Воскресенье, вопреки тревожнымъ ожиданіямъ, прошло благополучно. Насталъ понедѣльникъ. Тутъ рано утромъ, многіе изъ жителей пошли на бульваръ узнать, что дѣлается съ неприятельскимъ флотомъ. По прежнему стоялъ онъ молча и недвижимо. Теперь подозрѣнія усилились. Въ умахъ робкихъ и склонныхъ къ предположеніямъ, явилась мысль — не поджидаетъ-ли флотъ турецкой эскадры съ десантомъ. Вѣроятность этого, по мнѣнію плыхъ, усиливалась еще тѣмъ, что сколь ни злобствовали враги наши въ страстную субботу, но не нанесли много вреда городу. Haben sie gehört: fünf und dreiszig tausend Türken kommen? *) сказалъ мнѣ, встрѣтившись со мною, мой знакомый деревенскій пасторъ. Онъ былъ красавецъ, щурилъ глаза и улыбался съ какой-то принужденностью и горечью. Я успокоилъ, сколько могъ, бѣднаго, встревоженного пастора. Дѣло въ томъ однако, что не онъ одинъ думалъ такимъ образомъ: многіе опасались высадки въ большомъ размѣрѣ, поговаривали о ней и смышляли переселяться.

Отъ этого безпрестаннаго переселенія, городъ не опустѣлъ однако совершенно. Въ вечеру, въ понедѣльникъ-же, на бульварѣ играла музыка обоехъ Уланскихъ полковъ. Баронъ Д. Е. Остенъ-Сакенъ, Н. Н. Анпенковъ, Н. И. Крузевштерпъ и другіе генералы были въ числѣ гуляющихъ, которыхъ собралось довольно много. Непріатели, со своихъ кораблей, не могли не слышать этой музыки и не видѣть гулянья. Что-то думали они? не знаемъ, но только эта музыка и это гулянье въ городѣ, который могъ ожидать вторичнаго бомбардированія, конечно, казались имъ чѣмъ-то загадочнымъ. Не могли они однако не понять, что твердость духа и спокойствіе, съ которыми встрѣтили ихъ однажды, готовы встрѣтить ихъ и во второй разъ.

Во вторникъ, вышло чрезвычайное прибавленіе къ «Одесскому Вѣстнику», содержавшее въ себѣ приказы барона Д. Е. Остенъ-Сакена

*) Слышали-ли вы: тридцать пять тысячъ турокъ идутъ?

о событіяхъ страстной субботы и о томъ, что, разрушенная и вновь сооружаемая батарея № 6 переименовывается въ Щеголевскую. Мужественная стойкость Щеголева и его батареи извѣстны были уже всемъ, но теперь узнали обо всемъ дѣлѣ положительно и съ подробностями. Появленіе этого листка развлекало и порадовало жителей Одессы: оно привело въ сознаніе, что обычная, городская жизнь начинаетъ возобновляться. Все на расхватъ старались достать его, чтобы сохранить на память пережитаго, смутнаго дня. Вторникъ, по продолжительному бездѣйствію неприятеля, стоявшаго также недвижно, какъ и прежде на нашемъ рейдѣ, жители Одессы провели уже болѣе спокойно. Въ этотъ день, опущенные до полу-мачтъ, флаги неприятельскихъ кораблей, показали, что на нихъ происходитъ погребеніе какого-то изъ высшихъ офицеровъ, который смертельно раненъ былъ въ субботу. Такъ, по крайней мѣрѣ, оказалось по свѣдѣніямъ, позже полученнымъ.

Въ среду, 14 апрѣля, утромъ, по городу пронеслась вѣсть, что союзный флотъ, въ то-же утро, часу въ восьмомъ, снялся съ явора и ушелъ въ море. Адмиралъ Дундасъ выслалъ на австрійскомъ суднѣ въ Одессу 49 человекъ шкиперовъ и матросовъ, которые, вмѣстѣ съ каботажными судами нашими, на коихъ они находились, захвачены были неприятельскими пароходами, послѣ 1-го апрѣля, на Одесскомъ рейдѣ, у Очакова, Кишурна, Бугаса и въ другихъ мѣстахъ. Они отправлены были при письмѣ слѣдующаго содержанія («Одес. Вѣстн.», № 47-й).

«Вице-адмиралъ Дундасъ имѣетъ честь увѣдомить его превосходительство генераль-адъютанта Его Величества Императора Всероссийскаго, барона Остенъ-Сакена, что, такъ какъ соединенныя эскадры не желаютъ удерживать долѣе, чѣмъ было необходимо, небольшое число русскихъ вундескиныхъ матросовъ (всего 49 чел.), захваченныхъ ими въ плѣнъ, то онъ передалъ ихъ австрійскому судну, съ тѣмъ, чтобы они были имъ высажены въ Одессѣ».

J. W. Dundas.

Корабль Его Величества «Британія»
у Одессы, 12-го (24-го) апрѣля 1854 года.

Когда флотъ удалился, жители начали мало-по-малу возвращаться въ городъ. На улицахъ явилось движеніе. Магазины и лавки открылись. Подъ качелями собрался народъ, и все пошло обычнымъ ходомъ. Одесса обновилась и, еще на-кавуни вражески противопоставленная англичанамъ и французамъ, теперь со всею ясностію сознала, что она

городъ не иностранный, а русскій, кровію своею запечатлѣвшій свою принадлежность великой Имперіи. Она начала новую жизнь.

На другой день, въ четвергъ 15-го апрѣля, назначено было торжественно-благодарственное Господу Богу молебствіе о благополучномъ отраженіи непріятельскихъ, соединенныхъ эскадръ отъ Одессы.

Въ субботу, 17-го апрѣля, Одесса праздновала высокаторжественный день рожденія Его Императорскаго Высочества, Государя Цесаревича Наслѣдника Престола. Вечеромъ, городъ былъ иллюминированъ, а въ театрѣ, въ первый разъ послѣ Великаго поста, дана была итальянская опера. Во вторникъ, 20-го, въ Одесскомъ клубѣ данъ былъ, отъ имени почетнѣйшихъ жителей города, обѣдъ въ честь барона Д. Е. Остенъ-Сакена, во изъявленіе благодарности его особѣ, за все, сдѣланное для Одессы.

Заслуги барона Остенъ-Сакена — въ томъ, что онъ ни на волюсь не уступилъ требованіямъ адмираловъ Дундаса и Гамелена, ни мало не устранился громадной несоразмѣрности силъ и хладнокровно принялъ неравный бой. Заслуга прапорщика — въ томъ, что, прѣмъромъ своимъ, онъ показалъ, что наши войска и батареи, до послѣдняго издыханія, будутъ держаться и отражать вражій папоръ. Если-бы адмиралы Дундасъ и Гамеленъ возобновили и продолжали нападеніе, они, быть можетъ, разрушили-бы и сожгли наши батареи и принесли гораздо болѣе вреда городу, но и сами они должны-бы были потерѣть и потерять многое.

Касательно того, какъ передачи были обстоятельства и результаты сраженія въ иностранныхъ, оффіціальныхъ газетахъ, приводимъ здѣсь въ подлинникѣ донесеніе адмирала Гамелена своему министру, напечатанное въ Мониторѣ 11-го мая.

„Le 21 avril au soir, le général d'Osten-Sacken n'ayant fait aucune réponse à notre sommation, l'attaque fut résolue pour le lendemain matin. Par suite des combinaisons que l'amiral Dundas et moi avions adoptées de concert, les deux frégates françaises „le Vauban“, capitaine d'Herbington, „le Descartes“, capitaine Darricau, réunies aux deux frégates anglaises „le Tiger“, capitaine Gifard, et „le Sampson“, capitaine Jones, le plus ancien de cette division, arrivent à six heures et demie du matin, à neuf ou dix encâblures de distance devant la batterie du port „Impérial“, qui leur envoie un premier coup de canon: les frégates lui ripostent vivement, mais le calibre de nos bouches à feu étant plus fort que celui des batteries de l'ennemi, nos coups sont plus sûrs que les siens; pendant que cette première lutte s'engage, le vaisseau anglais «le Sans-Pareil» mouille avec la corvette à vapeur «le Hyghflyer», à la limite

extrême de la portée de canon des batteries, non pour prendre part au combat, mais pour servir au besoin de point d'appui aux frégates engagées. Au même instant, la frégate à vapeur française „le Mogador“, capitaine de Wailly; la frégate à vapeur anglaise „la Terrible“, capitaine Cleverty; „le Furious“, capitaine Loring, et „la Retribution“, capitaine Drummont, le plus ancien de tous, s'approchent du lieu de l'action pour y prendre part, lorsque le signal leur en aura été fait par les amiraux.

„Le feu dure depuis une heure et demie, lorsque la frégate „le Vauban“ reçoit trois boulets rouges, dont un brise quelques rayons de ses roues à aubes, et les autres mettent le feu dans sa muraille à vent: les pompes sont en jeu pour éteindre l'incendie, mais vainement; un des boulets rouges a pénétré entre maille et brûle intérieurement la muraille de la frégate à petit feu. M. le capitaine de vaisseau comte Bouët-Willaumez, chef d'état-major de l'escadre, auquel j'avais donné l'ordre de se tenir à bord du „Caton“, pour suivre sur les lieux toutes les phases de l'affaire et aviser aux cas urgents, arrive alors à bord du „Vauban“, qui a stoppé et prescrit au commandant de cette frégate de quitter momentanément le théâtre de l'action et d'aller mouiller au milieu des escadres, afin d'en recevoir les secours nécessaires.

„Peu de temps après, la seconde division de quatre frégates à vapeur reçoit l'ordre de *venir soutenir* les trois premières frégates engagées, ce qu'elles commencent à effectuer avec vigueur vers dix heures et demie. Les obus des sept frégates tombent comme grêle sur la batterie du port *Impérial* et les *magasins* et navires qu'il renferme, où des symptômes d'incendie commencent même à se manifester sérieusement. *Des batteries, établies sur les hauteurs d'Odessa, joignent leurs feux à celui des pièces du port Impérial.* Non loin des frégates, six chaloupes anglaises se rapprochent de ce port dans la partie N. O. du môle, où l'ennemi n'a pas établi de bouches à feu, et lancent force fusées à la Congrève, qui paraissent produire fort bon effet.

„Il est midi: „le Vauban“, qui a éteint son incendie, vient de quitter les escadres pour rallier les autres frégates à vapeur anglaises et françaises, lesquelles rivalisent d'ardeur et d'habileté dans leur tir, auquel prend même part momentanément la corvette à vapeur française „le Caton“, capitaine Pothuau.

A une heure, l'incendie est complètement déclaré dans les *magasins et casernes du port Impérial, dont les toitures s'écroulent en flammes.* Presque au même instant, *la poudrière* de la batterie de ce port saute en l'air, aux cris de *Vive l'Empereur!* des équipages français l'accompagnent les hourras des matelots anglais.

„L'œuvre de *destruction* du port *Impérial* marche rapidement sous les coups redoublés des frégates, qui profitent du désordre occasionné à terre par l'explosion de la poudrière pour s'avancer de deux encâblures et foudroyer plus promptement une quinzaine de petits bâtimens russes renfermés dans la darse. Comme elles se rapprochent ainsi des batteries

du port de commerce, les bouches à feu de ce port, qui avaient cessé un instant de tirer, recommencent alors sur nos frégates un feu assez vif, auquel vient se joindre celui des mortiers établis sur les hauteurs d'Odessa. Mais les frégates n'en accélèrent pas moins leur œuvre de destruction, et e'ect à qui manœvrera et canonnera le mieux, tantôt en combattant à l'ancre, tantôt en combattant sous vapeur. Dans ce cercle de plus resserré où se meuvent neuf bâtiments à vapeur, pas une fausse manœuvre ne se fait remarquer. Un instant le feu d'une partie de ces frégates change de direction, c'est pour forcer à la retraite une batterie de campagne que l'ennemi a établie à leur droite sur la plage, dont s'étaient approchées les chaloupes lançant les fusées à la Congrève. A quatre heures, cette batterie, mise en déroute par les obus des frégates, s'est repliée dans l'intérieur après avoir été cause de l'incendie qu'allument ces obus dans quelques maisons d'un village; tous nos coups sont alors dirigés contre les bâtiments russes encore à flot dans le port impérial et que les flammes ne tardent pas à dévorer à leur tour, vers quatre heures et demie; bref, la destruction de ce port est complète, et celle de la ville d'Odessa, en ce moment à notre merci, ne tarderait pas à suivre si nous en faisons le signal à notre escadre de bâtiments à vapeur; mais le but que nous avions en vue est atteint complètement, et c'est au contraire le signal de cesser le feu et de rallier nos pavillons que l'amiral Dundas et moi faisons à ces dâtiments.

„Tel est, monsieur le ministre, le châtement que nous avons cru devoir infliger, non à la ville, mais aux autorités militaires d'Odessa, en raison de l'attentat dont elles s'étaient rendues coupables à l'égard d'un de nos bâtiments portant pavillon parlementaire. Ni les trente mille hommes de la garnison d'Odessa, ni les soixantedix canons de sa forteresse et de ses batteries, n'ont pu préserver le port Impérial du désastre que nous lui avons réservé en le faisant attaquer par nos frégates à vapeur.

„Ce n'est pas sans étonnement d'ailleurs que nous avons remarqué l'absence de tout pavillon russe, soit sur les batteries, soit sur les établissements ou les navires du port, alors que nous avons toutes les couleurs hautes. Un pareil oubli des règles militaires ne peut être attribué qu'au désordre qui régnait dans la ville dès le commencement de l'attaque.

Les pertes de l'ennemi en hommes ont dû être assez sérieuses, par suite des explosions et des incendies qui se manifestaient de toutes parts. A bord de nos bâtiments à vapeur, elles sont nulles, bien que „le Descartes“ ait reçu cinq boulets, et „le Vauban“ et „le Mogador“ chacun quatre. Toutefois cette première frégate, „le Vauban“, a eu à regretter deux hommes tués et deux hommes blessés, par suite d'un accident arrivé à une de ses bouches à feu.

„A bord des frégates à vapeur anglaises, les pertes se réduisent à un homme tué et à dix hommes blessés.

„Un pareil résultat, monsieur le ministre, atteste hautement l'immense supériorité de calibre et de tir des bouches à feu de nos frégates à vapeur

sur celles de l'ennemi, et, si l'art suprême de la guerre consiste à faire beaucoup de mal sans en recevoir, jamais semblable maxime ne reçut une plus complète application.

„J'ajouterai que plusieurs bâtiments de commerce ont profité du désordre occasionné par l'attaque pour sortir du port marchand, et notamment les deux seuls navires français qui s'y trouvaient retenus.

„Hier 23, les établissements du port Impérial brûlaient encore. La corvette „Le Fury“, capitaine Ed. Tatham, sur laquelle j'avais envoyé mon premier aide de camp., M. le lieutenant de vaisseau Garnault, a eu mission d'aller constater les ravages exercés dans le port Impérial. Elle a reconnu qu'à l'exception de deux ou trois, les bâtiments que renfermait ce port avaient été brûlés ou coulés; que la batterie construite au bout du môle n'existait plus et que les établissements de l'amirauté étaient détruits ou complètement dévastés. Dans cette excursion, „le Fury“ a lancé quelques obus sur la plage où avait paru hier la batterie de campagne, et où l'on élevait quelques ouvrages en terre. Ces obus ont abattu une partie des ouvriers et mis les autres en fuite.

Въ сущности, вредъ, нанесенный жителямъ Одессы врагами, былъ незначителенъ. Конечно, классъ болѣе достаточный пострадался, переѣзжая и перевозки имущество свое изъ города въ окрестности; но и тутъ произошелъ только обыкновенный переходъ денегъ изъ однихъ рукъ въ другія, въ самомъ-же городѣ. Ущербъ же, который потерпѣли бѣднѣйшіе жители, былъ изглаженъ великодушіемъ Монарха. Въ отеческой заботливости, Государь Императоръ соизволилъ пожаловать 6,539 руб. сер. въ пособіе тѣмъ изъ жителей Одессы, которые по болѣе потерпѣли отъ поврежденія домовъ ихъ во время бомбардированія. И самый городъ, въ минуты тяжкаго испытанія, явившій и святое чувство вѣры Христовой, и глубокую, вѣрноподаппическую преданность къ Престолу, былъ осчастливленъ высокимъ знакомъ Монаршаго вниманія.

Его Императорскому Величеству благоугодно было даровать грамоту слѣдующаго содержания.

Жителямъ Нашего любезно-вѣрнаго города Одессы.

Англійскій и французскій флоты войдя въ Черное море, устремились, тому нѣсколько дней, на мирный и открытый еврпейской торговлѣ городъ Одессу.

Генералъ адъютантъ баронъ Остенъ-Сакенъ, свидѣтельствуя о блистательномъ мужествѣ, съ которымъ покушенія непріятели отражены были военною силою, довелъ также до Нашего свѣдѣнія, что среди

угрожавшей жителямъ опасности, внутреннее спокойствіе соблюдалось ими безъ малѣйшаго нарушенія, и что они съ примѣрнымъ усердіемъ исполняли всѣ распоряженія мѣстныхъ властей.

Сознаніе долга, указуемаго святою Вѣрою и преданностью къ Престолу, одушевляетъ, къ искреннему утѣшенію Нашему, всѣхъ любезныхъ Намъ вѣроподданныхъ. Въ Одессѣ-же достохвальное чувство это явилось въ полномъ развитіи подъ громомъ непріятельскихъ орудій.

Твердость и самоотверженіе жителей сего города не могли не обратить на себя Нашего вниманія, и Намъ пріятно изъявить всѣмъ сословіямъ онаго по этому случаю особенное Наше благоволеніе.

На подлинной собственной Его Императорскаго Величества рукою написано:

„НИКОЛАЙ“.

С.-Петербургъ, 26-го апрѣля 1854 года.

Читая эти Многомилостивыя слова, обращенныя къ одесситамъ того времени, изъ числа которыхъ многіе еще, благодаря Бога, здравствуютъ и трудятся на поприщѣ государственной дѣятельности — мы заканчиваемъ серію разсказовъ изъ доблестныхъ Щеголевскихъ дней воспоминаніемъ объ одномъ, тогда молодомъ, блестящемъ офицерѣ, а нынѣ извѣстномъ всему Русскому народу своими высоко-патріотическими произведеніями, литераторѣ — генералѣ Евгеніѣ Васильевичѣ Богдановичѣ, словами котораго мы начали этотъ трудъ.

18. Е. В. Богдановичъ.

Евгеній Васильевичъ Богдановичъ *) род. въ 1832 году. Началъ службу гардемариномъ въ Черноморскомъ флотѣ; въ 1848 году произведенъ въ мичманы и переведенъ на корабль «Память Азова» Балтійскаго флота. Вскорѣ, будучи назначенъ, въ чинѣ поручика, адъютантомъ къ Новороссійскому генералъ-губернатору Анненкову, онъ, по порученію Остенъ-Сакена, построилъ въ Бендерахъ мостъ черезъ Днѣстръ, для прохода войскъ въ теченіе 3-хъ недѣль и обошедшійся въ 14,000 р., между тѣмъ какъ инженеры составляли смѣты на постройку этого моста въ 3 мѣсяца, стоимостью въ 50,000 руб. По порученію Анненкова былъ посланъ въ отрядъ раненыхъ, гдѣ устроилъ лазаретъ.

*) «Пожарный» журн. 1893 г. № 3.

Генералъ-маіоръ Е. В. Богдановичъ.

Съ фотографіи, снятой въ 1885 году.

Въ бытность свою адъютантомъ при названномъ генералъ-губернаторѣ, Е. В. Богдановичъ, благодаря своей блестящей паружности, уму и изяществу, слылъ «львомъ» Одессы и вызывалъ не мало экспромтовъ по своему адресу. Приводимъ одно изъ стихотвореній его товарища, бывшаго адъютанта при генералѣ Лидерсѣ, Амосова:

Богдановичъ добръ и честень,
Я скажу не въ комплиментъ,
И въ Одессѣ онъ извѣстенъ,
Точно «Дюка» монументъ.
И чудесную науку
Понялъ статую онъ вдругъ:
На знакомство всеѣмъ онъ руку
Подаетъ, какъ будто—«Дюкъ».
И я знаю—выйдетъ штука,
Сходство будетъ насъ разить!
Богдановича отъ «Дюка»
Трудно будетъ отличить!...

Бывшій знаменитый Іерархъ русской церкви, архіепископъ Херсонскій и Одесскій Иннокентій очень любилъ генерала Богдановича и удѣлялъ ему нерѣдко часы бесѣды.

Въ 1861 году мы видимъ Е. В. молодымъ штабъ-офицеромъ при Министрѣ Внутреннихъ Дѣлъ, графѣ Ланскомъ.

Въ 1866 г., по случаю голода въ Вятской и Пермской губерн., полковникъ Богдановичъ былъ туда командированъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ. Еще тогда Евгению Васильевичу пришла мысль о сооруженіи Сибирской жел. дор., что видно изъ его телеграммы Министру Внутреннихъ Дѣлъ изъ Екатеринбургъ 23-го марта 1866 г., гласящей слѣдующее: устранивъ все затрудненія по продовольствію Пермской и Вятской губерній и изучивъ мѣстныя условія, нахожу, что единственнѣе надежнымъ средствомъ къ предупрежденію голода въ Уральскомъ краѣ въ будущемъ была-бы постройка жел. дор. изъ внутреннихъ губерній въ Екатеринбургъ и далѣе до Тюмени. Такая линія, будучи впоследствии продолженною черезъ Сибирь къ китайской границѣ, получила-бы важное стратегическое и международное коммерческое значеніе. Подробности доложу въ Петербургѣ. Полковникъ Богдановичъ *).

*) Прилож. къ журн. «Желѣзнодорожное Дѣло», 1891 г. № 16.

Въ 1877 г. Богдановичъ предложилъ въ Комитетъ грамотности докладъ объ образованіи госпитальныхъ солдатскихъ библиотекъ при лечебныхъ заведеніяхъ въ районѣ расположенія дѣйствующей арміи *).

Имъ-же составлены «альбомно-талонныя книжки», употреблявшіяся въ войну 1877—78 гг. на санитарныхъ поѣздахъ и въ военныхъ госпиталяхъ, при помощи которыхъ сестры вели корреспонденцію военныхъ нижнихъ чиновъ съ ихъ семействами. Впоследствии эти книжки введены во флотъ, на фабрикахъ, заводахъ и пр.

Въ послѣднее время Е. В. прославился какъ авторъ и издатель религіозно-нравственныхъ народныхъ книжекъ, раздаваемыхъ бесплатно—каковыхъ роздано свыше 3-хъ милліоновъ. Имъ-же издапы военно-историческія сочиненія, весь доходъ отъ продажи которыхъ поступилъ въ пользу вдовъ и сиротъ, убитыхъ въ русско-турецкую войну 1877—78 г.г.

Въ 1879 г., бывши старостой Исаакіевского собора, Е. В. составилъ духовно-нравственную брошюру «Каедръ Исаакіевского собора». Нынѣ генералъ-маіоръ Е. В. Богдановичъ состоитъ членомъ совѣта г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ. Двадцатаго февраля 1897 г. исполнилось 50 лѣтъ государственной службы Е. В. Богдановича, по каковому случаю благодарные одесситы 12-го февраля 1897 года преподнесли Евгению Васильевичу нижеслѣдующій адресъ:

Высокочтимый Евгений Васильевичъ.

Двадцатаго текущаго февраля истекаетъ пятьдесятъ лѣтъ Вашей служебной дѣятельности. Это полувѣковое служеніе четыремъ Государямъ и Отечеству Вы ознаменовали весьма важными заслугами на многихъ поприщахъ нашей государственной и общественной жизни.

Независимо отъ своихъ многообразныхъ служебныхъ трудовъ, Вы выдвигались на поприщѣ общественной дѣятельности то инициаторомъ и неутомимымъ труженникомъ по разработкѣ въ теченіи 27 лѣтъ вопроса о великомъ рельсовомъ пути въ Сибирь, то старателемъ по развитію городского благоустройства во многихъ городахъ Россіи, то горячимъ радѣтелемъ о народномъ благѣ путемъ широкаго распространенія въ народѣ бесплатныхъ изданій патріотическаго и религіозно-нравственнаго содержанія. Этому послѣднему дѣлу Вы посвятили позднѣйшіе двадцать лѣтъ своей жизни, не жалѣя на этотъ подвигъ ни умственныхъ силъ, ни матеріальныхъ средствъ, и нынѣ выпустили уже въ народъ до четырехъ милліоновъ бесплатныхъ книжекъ и картиць.

*) «Голосъ» 27-го января 1877 г. № 27.

Въ Одессѣ Вы служили въ молодости въ теченіе десяти лѣтъ, состоя адъютантомъ при трехъ Новороссійскихъ генераль-губернаторахъ и наши старожилы сохранили доброе воспоминаніе объ образованномъ молодомъ офицерѣ, всегда обязательномъ, отзывчивомъ къ чужой нуждѣ и готовомъ помочь ближнему своимъ предстательствомъ у высшей мѣстной администраціи.

Въ предстоящій знаменательный день полувѣкового юбилея Вашего плодотворнаго служенія Отечеству, начатаго Вами въ Одессѣ, мы, какъ одеситы, просимъ Васъ принять посылаемую при семъ Икону Касперовской Божіей Матери. Мы надѣемся, что поднесеніе этой Св. Иконы будетъ Вамъ отрадно, въ виду памятнаго для Васъ событія — исцѣленія отъ тяжкаго недуга, послѣдовавшаго непосредственно послѣ молитвы у Чудотворнаго образа Касперовской Божіей Матери, о чемъ живо сохранилось воспоминаніе у нашихъ старожилонъ.

Вмѣстѣ съ этой Святой Иконой мы шлемъ Вамъ, высокочтимый Евгений Васильевичъ, наши сердечныя и живѣйшія пожеланія здоровья и силъ для продолженія въ теченіе еще многихъ лѣтъ Вашей служебной и религіозно-патріотической просвѣтительной дѣятельности на пользу русскаго народа. Примите выраженіе нашего глубокаго почтенія къ Вамъ и истинной преданности.

При открытіи въ Одессѣ памятника Императрицѣ Екатерицѣ II (6-го мая 1900 г.), прибывшій по Высочайшему повелѣнію съ Товарищемъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, княземъ А. Д. Оболенскимъ — Е. В. Богдановичъ произнесъ слѣдующую рѣчь:

«Радостнымъ чувствомъ переполнено сердце стараго одесита при видѣ величественнаго монумента, сооруженіемъ котораго родная мнѣ Одесса достойно почтила Державную Созидательницу нынѣ дивной красавицы Юга.

Одесса оправдала надежды своей Основательницы, обратившей пустынные земли Тавриды и Новороссіи въ грады и нивы и покрывшей кораблями Черное море. Не напрасны были и труды для юнѣйшаго изъ русскихъ городовъ — его градоправителей — де-Рибаса, дюка де-Ришелье, графа Ланжерона, князя Воронцова, графа Строгонова и другихъ.

Радовались волшебному росту и расцвѣту Одессы Русскіе Цари. Императоръ Александръ II назвалъ ее лучшей жемчужиной въ Русской Императорской Коронѣ. Она цѣнна и для нынѣ Царствующаго надъ нами, сердцу дорогаго для всей Россіи Государа Николая Александровича. Да можетъ-ли быть иначе? Не блещетъ-ли эта чудная жемчужина Царской Короны на широкомъ горизонтѣ Чернаго моря, привлекая

въ свой прекрасный портъ безчисленные корабли съ богатствами всехъ странъ міра? Не славится-ли она своимъ многолюдствомъ четвертаго города въ Имперіи, своимъ культурнымъ и экономическимъ процвѣтаніемъ, своимъ образованіемъ, своимъ университетомъ, который далъ Россіи столько выдающихся дѣятелей? Не выдѣляется-ли она при своей красотѣ и благоустройствѣ истинно европейскаго города?

Чествуя геніальную Монархиню, по выраженію Державина, «богоподобную Фелицу», отертыемъ воздвигнутаго Ей памятника, можемъ ли не помянуть и Ея славныхъ сподвижниковъ?

Вся исторія царствованія Екатерины II свидѣтельствуетъ, что выборъ людей составлялъ особенно драгоцѣнный даръ у Императрицы. Въ Ея Наказѣ, данномъ генераль-прокурору князю Вяземскому, выражено: «Я иныхъ видовъ не имѣю, какъ наилучшее благополучіе и славу Отечества и иного не желаю, какъ благоденствія Мопхъ подданныхъ, какого-бы они званія ни были. Я весьма люблю правду, и вы можете ее мнѣ говорить, не боясь ничего».

Руководствуясь этими высокими принципами, Императрица окружала Себя такими свѣтилами, какъ Румянцевъ-Задунайскій, Потемкинъ-Таврическій и Суворовъ-Рымникскій, столѣтіе котораго сегодня празднуетъ наша Сѣверная столица. Именами и славой этихъ Екатерининскихъ орловъ и нынѣ гордится Россія.

Сегодняшній праздникъ Одессы не есть только мѣстный праздникъ. Въ немъ участвуетъ вся Россія, для которой Одесса является живою связью не только съ мировыми путями, но и съ вѣковѣчными свѣтлыми чаяніями, обращенными къ Черному морю еще со временъ вѣщаго Олега...

Пожелаемъ-же, чтобы нынѣ воздвигнутый монументъ мудрой Устроительницѣ русскаго юга, сохраняя въ народѣ вѣчную память о Монархинѣ, даровавшей Россіи столько благъ и столько славы, въ то-же время служилъ къ упроченію и утвержденію въ народныхъ сердцахъ — крѣпкихъ завѣтовъ нашей исторіи: вѣры православной, власти самодержавной и народности русской.

Старый одеситъ, волнуемый старыми воспоминаніями, провозглашаетъ тостъ за нескончаемое процвѣтаніе прекраснаго созданія Великой Екатерины! Вѣчная Ей память. Вѣчная Ей слава. Ура!».

Почти ежегодно Е. В. Богдановичъ пріѣзжаетъ съ береговъ Невы въ родную, связанную съ нимъ дорогими воспоминаніями, Одессу.

19. Ужасный походъ.

(Историческая быль).

Это было въ 1854 году.

Темныя, дождевыя тучи, гонимыя холоднымъ, рѣзкимъ вѣтромъ, неслись надъ Одессой.

Наступившій день 5-го декабря ничего хорошаго не предвѣщаетъ. По мѣрѣ того, какъ густая, ночная тьма уступала мѣсто еле-брежущему разсвѣту, на Михайловской Монастырской площади замѣчалось усиленное движеніе; свалили, какъ тѣни силуэты множества людей, слышался лязгъ оружія и барабанный бой, раздавались слова команды, мелькали огни и, когда на всей обширной площади вдругъ воцарилась гробовая тишина, утренній воздухъ далеко огласился стройными звуками молебнаго пѣнья.

То выступали 5-й и 6-й резервные баталіоны, квартировавшаго въ то время въ Одессѣ*) Дивіровскаго пѣхотнаго полка въ походъ, едуща въ Перекопъ, подъ начальствомъ маіора Подгурскаго, вмѣстѣ съ штабомъ 12-й пѣхотной дивизіи въ 3-мъ эшелонѣ войскъ 10 и 12 пѣхотныхъ дивизій.

Послѣ того, какъ убѣленный сѣдиною полковой священникъ провозгласилъ многолѣтне «всероссійскому», побѣдоносному вопню, обронилъ знамена и обѣнилъ ряды дружинниковъ животворящимъ крестомъ, начался смотръ, произведенный выступавшимъ воинскимъ частямъ, командовавшимъ 10 дивизіей генералъ-лейтенантомъ Вишневымъ.

По окончаніи смотра и горячаго завтрака на Монастырской площади отрядъ выступилъ въ походъ.

Численность состава этого эшелона была слѣдующая: одинъ штабъ-офицеръ, двадцать шесть оберъ-офицеровъ, сто семьдесятъ восемь унтеръ-офицеровъ, сорокъ девять музыкантовъ, тысяча шесть сотъ двести два нижнихъ чина и семьдесятъ четыре нестроевыхъ.

По мѣрѣ движенія эшелона нависшій туманъ сгущался все болѣе и болѣе и, наконецъ, перешелъ въ холодный дождь, значительно усилившійся, когда баталіоны подошли къ таможенной заставѣ. Около

*) 5-й противъ Михайловскаго монастыря, въ д. бывш. Вальнера, а 6-й въ Сабанъ-каль казармахъ.

„Краснаго Кабачка“ отстоящаго отъ Одессы въ 11 верстахъ, сдѣлалъ былъ привалъ и людямъ выдано было по чаркѣ водки.

Продрогшіе солдаты подумали-было о желанномъ отдыхѣ, но голая степь, поверхность которой отъ продолжительныхъ дождей, растворилась въ грязь на глубину около аршина и ледяной ливень категорически заявляли о своемъ негостепрѣимствѣ!..

Даже присѣсть не было возможности, и утомленные воины шли все дальше и дальше... Отяжелѣвшія отъ ледяного дождя шинели и отъ липкой грязи — сапоги съ минуты на минуту замедляли ходъ отряда: скорость движенія его едва достигала двухъ верствъ въ часъ.

Зловѣщая вьюга, давно тревожившая своимъ унылымъ завываніемъ окоченѣвшія уши дружинниковъ, проявила около двухъ часовъ пополудни всю свою силу при помощи сѣверо-восточнаго вѣтра съ проливнымъ дождемъ и снѣгомъ. Грязь степи сгустилась.

Темнѣло.

Въ борьбѣ съ препятствіями природы многіе нижніе чины стали падать отъ изнеможенія и впадать въ дремоту; тщетными стали оказываться увѣщеванія командира и офицеровъ.

Сумракъ ночи приближался и голосъ бури заглушалъ слабое слово человека.

Прибѣгли къ барабанному бою и къ рожкамъ.

Привычные къ исполненію святого своего долга по отношенію къ Обожжаемому Царю и къ роднѣ и изнемогавшіе лишь въ неравной борьбѣ со стихійными силами, воины, услыхавъ знакомые призывные звуки, бросились было къ своему командиру, но падали подъ гнетомъ холода и утомленія.

Сдѣлавъ краткую остановку, маіоръ Подгурскій двинулъ отрядъ дальше, по направленію къ Малому Буялыку, вблизи котораго его встрѣтили квартиреры, слегка немного ободрившіе изнемогавшій отрядъ.

Видѣвшіеся сквозь снѣжную завихруху огоньки селенія казались бѣднымъ странникамъ — маяками спасенія.

Ободрились дружинники и, со свойственной русской натурѣ удалю устремились сквозь вьюгу и метель на призывные огни.

Входя въ избы, многіе падали безъ чувствъ и только благодаря стараніямъ добрыхъ хозяевъ, опять приходили въ сознаніе.

Маіоръ Подгурскій также, прійдя въ избу нѣкаго Пасхалія Гуцаки, упалъ въ обморокъ и очулся лишь нѣсколько часовъ спустя.

Не взирая на немедленно принятыя мѣры къ розыску оставшихся на дорогѣ двухъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, къ 9 час. 10 декабря, не получено было о нихъ никакихъ извѣстій, и майоръ Подгурскій, въ рапортѣ своемъ командовавшему дивизіей, генералъ-лейтенанту Вишневному донесъ, что *«слѣдовавшіе при своихъ частяхъ, подпоручики Гагалакъ и Яковлевъ, также какъ и болѣе ста нижнихъ чиновъ не прибыли, и я не надѣюсь найти ихъ живыми»*.

О томъ, въ какомъ положеніи оказались оставшіе, свидѣтельствуеетъ ординаторъ, докторъ Миловскій, въ своемъ рапортѣ дивизионному доктору: *«получивъ 12-го сего декабря извѣстіе о постигшемъ 3-й эшелонъ бѣдствіи, я немедленно отправился въ Малый Бульваръ, по пути къ которому, въ разныхъ разстояніяхъ отъ дороги, лежали въ грязи, мертвые воинскіе чины, въ весьма значительномъ числѣ, гдѣ по одному, а гдѣ и группами до десяти человѣкъ»*. Генералъ Вишневскій, отправившись 10-го декабря въ ту же деревню и сообщая генералу Анненкову 2-му подробности описаннаго бѣдствія, заключилъ свою реляцію слѣдующими словами: *«Простите великодушно, что такъ пишу, все что нашелъ здѣсь душевно меня убиваетъ, хотя вижу, что все можно только отнести къ воли Божіей?»*.

Собранныя по дорогѣ мертвыя тѣла въ количествѣ 185 нижнихъ чиновъ и двухъ оберъ-офицеровъ, были съ особеннымъ вниманіемъ положены въ сарай.

По наружномъ осмотрѣ умершихъ, оказалось, что всѣ ихъ одѣянія и даже рубахи, до послѣдней нитки, были совершенно мокры, медицинское-же вскрытіе нѣсколькихъ тѣлъ убѣдило, что смерть постигла ихъ вслѣдствіе изнеможенія, трудности пути, мокроты и холода. Независимо отъ упомянутыхъ жертвъ преждевременной смерти, трудно больными оказались восемьдесятъ девять человѣкъ, которые 15-го декабря были доставлены въ Одессу и помѣщены въ особомъ домѣ, находившемся въ вѣдѣніи военно-временнаго № 15 госпиталя. Освидѣтельствованіе ихъ въ Одессѣ привело къ заключенію, что 44 изъ нихъ одержимы были простудой и расслабляющею лихорадкою, 20 — ревматической горячкой, 16 — воспаленіемъ легкихъ и 9 — плевритомъ. Объ ознобленіяхъ ручныхъ и ножныхъ оконечностей и говорить нечего!..

Такой ужасной катастрофой окончился сравнительно короткій переходъ третьяго эшелона.

Нельзя не согласиться со словами генерала Вишневскаго, что все это несчастье можно отнести исключительно къ неисповѣдимому Промыслу Божію, передъ которымъ человѣкъ смиренно долженъ преклоняться со словами Спасителя: «да будетъ Воля Твоя»!

Изъ разсказа очевидца этого грустнаго историческаго факта, видно еще, на сколько русскій воинъ проникнутъ сознаніемъ святого долга: несмотря на страшное изнуреніе и отчаянную, предсмертную борьбу съ неумолимыми силами природы, — никто изъ нижнихъ чиновъ не бросилъ своего ружья и всѣ умершіе найдены съ оружіемъ въ рукахъ!..

Не свидѣтельствуесть-ли это трогательное обстоятельство лишній разъ, какъ великъ истинно русскій человѣкъ силою святой присяги подъ знаменемъ Обожаемаго Царя?!..

Сергій Плакситъ.

(«Вѣдом. Од. Градонач.», 9-го января 1904 года, № 6).

Адресный отдѣлъ.

Министерство Внутреннихъ Дѣлъ.

Одесскій Градоначальникъ, Камергеръ Двора Его Величества, д. с. с. Дмитрій Борисовичъ Нейдгардъ, Сабанѣевъ мостъ, 5.

Помощникъ его, Камеръ-юнкеръ Высочайшаго Двора, коллеж. ас. Алексѣй Федоровичъ Гирсъ, —Троицкая, 2.

Канцелярія Одесскаго Градоначальника, — Дерибасовская д. № 2, Управляющій канцеляріей, кол. сов. Николай Давидовичъ Трофименко, — Дерибасовская, 2.

Чиновники особыхъ порученій: Старш., ст. сов. Иванъ Васильевичъ Владиславскій-Падалка, — Никол. Бульв., 7. Младшіе: Штабъ-офицеръ, шт.-капит. Вас. Ив. Невражинъ, —Троицкая, 23, кол. секр. Вас. Мих. Подольцевъ, —Кузнечная, 31, н. ч. Ник. Ник. Щербинскій, — Барятинскій пер., 1, кн. Давидъ Дмитр. Цулукидзе, —Княжеская, 26.

Столоначальники: распорядительнаго стола, надв. сов. Вл. Вас. Орловъ, —Дерибасовская, 3. Суднаго стола. Ал. Никитичъ Ткаченко, — Кузнечная, 8. Хозяйственнаго стола, кол. ас. Конст. Петр. Аушевъ, — Дерибасовская, 2. Паспортнаго стола, кол. секр. Сергѣй Александровичъ Никитинъ, —Средне-фонт., 1.

Техники: Ст. сов. инж.-арх. Левъ Львовичъ Влодекъ, —Новосельская, 79. Архит. надв. сов. гражд. инж. Ал. Осипов. Бернардацци, — Институтская, 7. Художн.-арх., надв. сов. Владиславъ Александровичъ Домбровский, —Маразл., 4, инж. надв. сов. Василиій Ивановичъ Зуевъ, Соборная площадь, 1.

Инспекція по дѣламъ печати. Состоящій при М. В. Д., исп. об. старшаго инспектора типо-литографій и т. п. заведеній и кнвжн. торговли въ Одессѣ, ст. сов. Сергій Ивановичъ Плаксинъ, — Спиридоновская, 9. Младшій инспекторъ тит. сов. Антонъ Север. Кухарскій, — Базарная, 40.

Городская полиція, —Преображенская, 44. Полицімейстеръ, подполковникъ Ник. Степ. Головинъ, — Преображенская, 44. Помощники его: кол. сов. Антонъ Степанов. Чебановъ, (также начальн. сыскнаго отдѣленія)—Салерный пер. соб. д. № 4. Кол. сов. Евлампій Владим. Кисляковскій, —Греческая, 45. Ротмистръ Ал. Дм. фонъ-Гесбергъ, —Базарная, 49. Секретарь. кол. ас. Дан. Сем. Чебаненко, —Преображ., 44. Казначей и бухгалтеръ, тит. сов. Матв. Андр. Маевскій, —Б.-Фонтанъ, 45.

Полицейскіе участки: 1) Бульварный—Преображенская, 44. Приставъ кол. ас. Адамъ Осип. Панасикъ.

2) Александровскій—Н.-Рыбная, 21. Приставъ, надв. сов. Болесл. Карл. Рацишевскій.

3) Херсонскій—Херсонская, 4. Приставъ, кол. ас. Викторъ Карл. Ольшевскій.

4) Петропавловскій—Косвенная, 2. Приставъ, над. сов. Григорій Федос. Чернявскій.

5) Михайловскій — Михайловская, 34. Приставъ, губ. сек. Ник. Александровичъ Погребной.

6) Пересыпскій—Московская, 35. Приставъ, над. сов. Александръ Нестеровичъ Парашенко.

7) Дальницкій—Дальницкая ул., зд. участка, (б. Тирасп. Застава). Приставъ, губ. сек. Вл. Ив. Кузовлевъ.

8) Портовой—Старопортофранк. Приставъ, надв. сов. Владиміръ Александровичъ Чепуринъ.

Одесская пожарная команда—Преображенская, 44. Брантъ-маіоръ, кол. сов. Эдуардъ Эдуардовичъ Лундъ, —тамъ-же.

Жандармское управленіе г. Одессы — Рипельевская, 11. Начальн. управленія, полковникъ Н. М. Кузубовъ.

Одесская конная жандармская команда — Канатная 79. Нач. ком., ротмистръ Петръ Андреевичъ Савельевъ.

Одесское жандармское полицейское управленіе желѣзн. дорогъ—Преображенская, 5. Нач. управл., полков. Федоръ Леонтьев. Павловъ.

Комитетъ цензуры иностранной — Надеждинская, 9. Предсѣдатель, старшій цензоръ д. с. с. Анат. Евген. Егоровъ — Театральн. пер., 16. Младшій цензоръ, ст. сов. Алекс. Иван. Пѣвницкій—Ср.-фонт. 25.

Внутренняя цензура — Надеждинская, 9. Завѣдующій д. ст. сов. А. Е. Егоровъ.

Врачебное управленіе — Канатная, 15. Врачебный инспект., ст. с. Леонидъ Августовичъ Левитскій, тамъ-же. Помощникъ его, кол. сов. Сергѣй Ев. Поповъ—Маразли, 44.

Городовые врачи: Бульварнаго уч., ст. сов. Эд. Ант. Лисверъ — Ольгивская, 13. Александровск. уч., кол. сов. Иванъ Степ. Сушновъ—Маразли, 48. Херсонск. уч., кол. сов. Ал. Ник. Косаговскій—Ольгивская, 11, Петропавловск. уч., кол. сов. Діонисій Филимон. Клименко—Дегтярная, 19. Михайлов. уч., кол. сов. Семень Осип. Моргулицъ — Елисаветинская, 6. Пересып. уч., кол. сов. Евг. Петров. Порываевъ—Греческая, 45. Дальницк. уч., надв. сов. Алекс. Вит. Шишковскій — Витте, 18. Портов. уч., кол. сов. Андр. Яковл. Малько — Дерибасовская, № 4.

Одесское ветеринарное управленіе.—Польская, 13.. Ветеринарный инспекторъ, ст. сов. Евг. Серг. Маловъ, —тамъ-же.

Управленіе карантин. округа—въ чертѣ Карантина, 13. Нач. окр. и управляющій карантинномъ, д-ръ мед. кол. сов. Ник. Ив. Дамаскинъ, тамъ-же. Старшій врачъ, ст. сов. Ан. Ник. Ригана — М.-Арнаутск., 1.

Карантинная стража. Канцелярія—Канатная, 5. Командиръ роты, подп. Ананій Вас. Максимовичъ,—тамъ-же.

Управленіе Одесскаго почтово-телеграфнаго округа — Коблевская, 33. Начальникъ округа, над. сов. Андрей Алекс. Васильевъ,—тамъ же. Помощникъ его, ст. сов. Дм. Андр. Троицкій,—тамъ-же.

Одесская почтовая контора, —Садовая, 10. Начальникъ, над. сов. Евг. Ник. Дьяковъ,—тамъ-же.

Одесская телеграфная контора, — Садовая, 10. Начальникъ инж.-электр., Станисл. Александровичъ Якубовскій.

Городскія почтовые отд.: 1) Екатерин., 37. Зав. кол. секр. Иванъ Вас. Горжановскій. 2) Ризовск., 33. Завѣд. кол. ас. Ив. Ив. Евдихевичъ. 3) Пересыпь, —Московская, 33. Завѣд. кол. секр. Вас. Павл. Меньщиковъ. 4) Маразліевская, 64. Завѣд., кол. ас. Пав. Георг. Веселовскій. 5) Степовая, 15, Завѣд. кол. ас. Дм. Гр. Волоховъ. 6) Слоб.-Романовка, Рожд., 14. Завѣд. н. ч. Георгій Николаев. Завадовскій.

Одесское городское по воинской повинности присутствіе. — Николаевскій бульваръ, 7. Предсѣд. Одесск. город. голова, ст. сов. Павелъ Александровичъ Зеленый—Княжеская, 33.

Одесскій городской сиротскій судъ. — Николаевскій бульваръ, 4. Присут., канд. правъ Ник. Степ. Цитовичъ—Херсонская, 25.

Одесская мѣщанская управа.—Старопортофранк., соб. д. Старшина одесск. мѣщ. сослов., Гавр. Вас. Добровольскій—Новос., 80.

Одесская общая ремесленная управа.—Новосельск., 86. Ремеслен. голова, Василій Даниловичъ Андрунинъ.

Одесская городская дума. — Засѣданіе въ помѣщеніи городской управы, на Николаевск. бульв. Городской голова, ст. сов. Пав. Алекс. Зеленый — Княжеская, № 33. Товарищъ городского головы, ст. сов. Константинъ Эрастовичъ Андреевскій—Старопортофр., 3.

Городская управа,—Николаевскій бульв., городской домъ.

Члены управы: ст. сов. Викт. Ѳеодор. Доксъ—Еврейская, 1. Ген.-маіоръ Евгений Алекс. Полетаевъ, Преображ. 50. Прапорщ. Михаилъ Гавриловичъ Крапивинъ.

Одесская торговая депутація—Николаевскій бульваръ, город. домъ Предсѣдатель Одесскій куп. Ив. Игнат. Скродкій—Софіевск. пер., 7.

Одесская городская аукціонная камера,—Полиц., 24. Завѣд. аукц. кам. дворянинъ Конст. Адольф. Зерингъ — Греческая, 14. Письмовод., Ос. И. Лукашевичъ—Базарная, 27.

Управленіе одесск. город. скотобойни и скотопригоннымъ рынкомъ. Городскія зданія на Пересыпи, по Московской улицѣ. Управляющій, ветерин. врачъ Нил. Андр. Михинъ. Въ зд. город. скот. Врачъ М. Я. Шестопаль Московская, 13. Старшій вет. врачъ, К. П. Остапенко — зд. город. скотоб.

Херсонскій губернскій предводитель дворянства. д. с. с. камергеръ Ник. Ѳед. Сухомлиновъ, Надеждинская, 2. Секретарь канцеляр. предв. двор., губ. секретарь Леонъ Влад. Павловскій, Старопортофр., 46.

Одесское уѣздное управленіе—Новорыб., 17. Предв. двор. одесск. уѣзда, баронъ Мих. Ал. Рено—Маразл., 2. Секретарь канц., кол. секр. Пав. Вас. Григоренко,—Новорыбная, 28.

Одесская дворян. опека. Предсѣдатель предв. двор. Одесск. уѣзда.

Одесское уѣздное по воинской повинности присутствіе.—Новорыб., зданіе Одесскаго земства. Предсѣдатель, баронъ М. А. Рено.

Одесское уѣздное полицейское управленіе.—Витте, 8. Исправникъ, кол. сов. Юр. Павл. Матюнинъ,—тамъ-же. Помощ. испр., надв. сов. М. Д. Бѣлостоцкій,—тамъ-же. Секретарь, кол. секр. Н. И. Новосельскій,—Торговая, 53.

Одесская уѣздная земская управа—Новорыбная, 17. Предсѣдатель управы, кол. рег. К. А. Сахаровъ,—Каретный пер., 5.

Духовное вѣдомство.

Православнаго вѣроисповѣданія.

Высокопреосвященнѣйшій Іустинъ, архіепископъ Херсонскій и Одесскій—Софіевская, 7.

Преосвященный Ѳеодосій, епископъ Елисаветградскій.—Въ Успенскомъ монастырѣ, на Бол.-Фонтанѣ.

Херсонская духовная консисторія,—Софіевская, 7.

Настоятели монастырей и подворій, находящ. въ Одесск. Градоначальствѣ. Успенскаго монастыря, преосвящ. Ѳеодосій, епископъ Елисаветградскій, въ Успенскомъ монастырѣ—на Бол.-Фонтанѣ. Михайло-Архангельскаго женскаго монастыря, игуменья Архелая—въ Михайло-Арханг. женск. монастырѣ. Церкви при Аѳонскомъ подворьи во имя влкм. Пантелеймона іером. Ѳеотекнъ, Н.-Рыбная, 66. Во имя св. Андрея Первозваннаго іером. Іезекіель, Н.-Рыбная, 58. Во имя св. пророка Ильи, іером. Лука, Пушкинская, 79.

Одесскій Каѳедральный Преображенскій Соборъ. Каѳедральный протоіерей, (вакансія). Ключарь, свящ. Ант. Алекс. Тимофеевъ — Соборная пл., 3.

Одесская духовная семинарія — Канатная, 99. Ректоръ семинаріи, архим. Анатолій. Инспект. семинаріи, ст. сов. Я. И. Чрединъ.

Одесское духовное училище, — Старопортофранк., 74. Смотритель училища. ст. сов. Степ. Конст. Карпинскій —зд. уч. Пом. смотрителя, ст. сов. Николай Ардал. Сахаровъ,—тамъ-же. Старш. учитель, ст. сов. Мих. Конст. Богоявленскій,—тамъ-же.

Одесское епархіальное женское училище. Успенская, 4. Предсѣдатель совѣта, прот. Евлампій Ксенофонов. Арнольдъ,—Нѣжинская, 6. Начальница училища, Анастасія Гавр. Мокіевская, — Успенская, 4. Инсп. клас., свящ. Ник. Степ. Моисѣевъ,—тамъ-же.

Одесская армяно-григоріанская церковь — Екатерининская, 69. Настоят. протоіерей Григ. Каспар. Хорасанджиянъ—Екатерининск. 69. Протоіер. Іоаннесъ Григ. Татсизовъ,—тамъ-же.

Иностранныхъ исповѣданій.

Одесская римско-католическая церковь—Екатерининская, 39.

Одесская евангелическо-лютеранская церковь св. Павла—Лютеранскій пер., 2. Настоятель, пасторъ А. А. Локкенбергъ, — тамъ-же. Секретарь, Альбертъ Ивановичъ Веберъ,—тамъ-же.

Одесская евангелическо-реформатская церковь — Херсонская, 62. Пасторъ, Евгений Ивановичъ Корнманъ,—тамъ-же.

Одесская караимская синагога — Троицкая, 31. Стар. газзанъ Иос. Моис. Кефели.—Ришельев., 33. И. д. Шамаша, Иосифъ Сим. Хаджи. Габбай Морд. Сам. Казасъ,—Пушкинская, 76.

Одесскій раввинатъ, И. д. Одесск. городов. раввина, Моис. Лаз. Крепсъ,—Успенская, 127.

Магометанская молельня — на магометанскомъ кладбищѣ, около чумной горы. Мулла Одесск. магометан. молитвеннаго дома. Сабиръ. Афлятун. Сафаровъ,—при молельнѣ.

Военное вѣдомство.

Командующій войсками Одесскаго военнаго округа, ген.-отъ-кавал. Сем. Вас. Кахановъ,—Николаевскій бул., Дворц. зд. 9. Помощ. ком. войск. Одесск. воен. окр. ген.-л. Ал. Павл. Протопоповъ,—Маразл., 6.

Окружной штабъ,—Пироговская. Нач. шт. ген.-маіоръ Дм. Ник. Безрадецкій,—тамъ-же.

Окружное артиллерійское управленіе,—Херсонская, 8. Начальн., ген.-лейт. Ник. Троф. Кудряевъ,—Елисаветинская, 10.

Окружное инженерное управленіе—Софійевская, 18.

Одесская инженерная дистанція. Греческая, 4. Начал. дист. воен. инж. Ант. Гр. Сарнецкій,—М.-Фонтанская дорога, 11.

Окружное военно-медицинское управленіе,—Херсонская, 26.

Окружное интендантское управленіе,—Херсонская, 38.

Одесскій военно-окружной судъ, — Софійевская, 19. Предсѣдатель суда, ген.-лейт. А. С. Адамовичъ — Карант., 13. Секретарь, ст. сов. Е. А. Медвѣдскій—въ зд. суда.

Министерство Юстиціи.

Одесская судебная палата—зданіе судебныхъ установл., Куликово-поле. Стар. предсѣд., тайн. сов. В. В. Давыдовъ,—Херсон., 17.

Секретари палаты: кол. сов. Фр. Л. Главацкій—Старопортофр., 31, кол. сов. Мих. Ив. Панаіотовъ,—Кузнечная, 38, надв. сов. Вл. Вл. Дубровинъ,—Черноморская, 12.

Судебные пристава палаты: н. ч. Анд. Ив. Борецкій, — Ст.-Сѣнная пл., д. Павлова, н. ч. Георгій Изот. Васильевъ,—зд. суд. палаты.

Одесскій окружной судъ—Куликово-поле, зд. судебн. установлен. Предсѣд. суда, д. ст. сов. Θεод. Ив. Анфиловъ—Лермонтов. пер., 7.

Одесскій коммерческій судъ — Екатерининск. пл., д. Левашева. Предсѣдатель, ст. сов. Конст. Франц. Вирша.

Одесскій городской съѣздъ мировыхъ судей—Николаевскій бульв., город. домъ. Предсѣд., д. ст. сов. Серг. Ив. Знаменскій—Садовая, 14.

Одесскій тюремный замокъ — Больше-Фонт. дор., каз. зд. Нач. тюрьмы, ст. сов. Георг. Аф. Васильевъ—зд. тюрьмы.

Арестный домъ—Б.-Фонтанская ул., гор. домъ. Попеч., д. с. с. Сергѣй Иван. Знаменскій—Садовая, 14. Надзиратель кол. ас. Викторъ Селецкій.

Министерство Финансовъ.

Одесская контора Государственнаго Банка—ул. Жуковскаго, 9.

Одесское казначейство—Херсонская, 58.

Управленіе Южнаго таможеннаго округа—Дворянская, 8.

Одесская главная складочная таможня—Таможенная площадь, казенное зданіе, Управл., ст. сов. Герм. Франц. Стречкій—тамъ-же.

Одесская бригада отдѣльнаго корпуса погранич. стражи — Канатная, 1.

Херсонское губернское акцизное управленіе—Канатная, 11. Управл. акциз. сборами, д. ст. сов. Ив. Ал. Данскій—Канатная, 37.

4-й округъ Херсонскаго акцизнаго управленія—Княжеская, 25.

Одесское городское податное присутствіе. — Квартира предсѣдателя — Надеждинская, 1.

Одесскій биржевой комитетъ—Полицейская, 15. Предсѣд. ком. сов. Анж. Анж. Анатра,—Пушкинская, 29.

Одесскій комитетъ торговли и мануфактуръ—Полицейская, 15.

Одесское городское по фабричнымъ и горно-заводскимъ дѣламъ присутствіе. Канцелярія—Канатная, 11.

Фабричная инспекція. Канцелярія — Канатная ул., 11. Старш. фабрич. инсп. Херсон. губ., инж.-тех. Илья Ив. Поповъ—Канатная, 11.

Одесское городское кредитное общество—Надеждинская, 12.

Одесское общество взаимнаго кредита—уг. Пушкинск. и Греч., 12.

2-е Одесское общество взаимнаго кредита—Греческая, 20.

Одесскій учетный банкъ—Дерибасовская, 8.

Земскій банкъ Херсонской губ.—Садовая, 3.

Бессарабско-Таврич. Земельн. банкъ—Херсонская ул., с. д. № 23.

Русскій для внѣшней торговли банкъ (Одесск. отд.)—уг. Дерибасовской и Пушкинской, д. соб.

Одесское отд. Южно-Русскаго промышленнаго банка—уг. Риш. и Ланжерон., гор. домъ.

Ліонскій Кредитъ—Ришельевская, 1.

Дворянскій земельный банкъ (отд.)—Маразліевская, 2.

Министерство Народнаго Просвѣщенія.

Управленіе Одесскаго учебнаго округа—Новосельская, 75. Попечит. Од. учебн. округа, тайн. сов. Хрис. Петр. Сольскій.

Окружные инспекторы: Д. с. с. Ив. Львов. Соловьевъ — Еврейская, 12, д. ст. сов. Ник. Ив. Коржинскій — Маразлиевская, 26, Правит. канц. кол. сов. Кап. Львов. Добрицкій—Лютер., 7,

Императорскій Новороссійскій университетъ — уголь Херсонской, Дворянской и Елисаветинской, зд. университета. Ректоръ университета ордин. проф. ст. сов. Ал. Ник. Деревницкій—Елисавет., 12.

Одесская Ришельевская гимназія—Садовая, 1.

Одесская 2-я гимназія—Старопортофранковская, соб. зданіе.

Одесская 3-я гимназія—Старопортофранковская, 1.

Одесская 4-я гимназія—Греческая, 16.

Одесская 5-я гимназія—уг. Ново-Рыбной и Безымен. пер., собств. зданіе.

Одесское реальное училище—Ямская, 87.

Одесское реальное училище св. Павла—Лютер. пер., 2.

Одесское Императора Николая I, Коммерческое училище Минист. Финансовъ—Преображенская, 8.

Вѣдомство учреждений Императрицы Маріи.

Одесскій Императора Николая I, институтъ благородныхъ дѣвицъ—Старопортофранковская, 28.

Министерство Земледѣлія и Государствен. Имуществовъ.

Херсонско-Бессарабск. губерн. управленіе государственными имуществами—Пушкинская, 44. Управл. д. ст. сов. Сергѣй Никол. Сомовъ—тамъ-же.

Управленіе Одесскаго горнаго округа—Княжеская, 5.

Частные адреса.

Багеты, рамы и картины.

Гельпернъ Х., — Екатерининская, 19.
Юделевичъ А., — Садовая, 17.

Бакалейные и винные магазины.

Блехтманъ Н. К., — уголь Конной и Коблевской.
Вѣтковъ Л. Е., — Преображенская, 38.
Морозовъ И. Г., — Гулевая, 3.

Бумага и письменные принадлежности.

Дитятковское товарищество, — Садовая, 19.
Левинсонъ Г., — Ришельевская, 17.
Меттеръ Р., — Ришельевская, 48.

Бумажные мѣшки.

Волошинъ И., — Александровская, 19.
Кудринъ С., — Прохоровская, 40.
Магарапъ Я. и Дорфъ Н., — Александровская, 15.
Рѣзниковъ Г., — Екатерининская, 38.

Граверныя заведенія.

Винокуръ А., — Преображенская, 72.
Майзельсъ А., — Дерибасовская, 16.
Пахманъ Л., — Дерибасовская, 13.
Рубенчикъ П., — Нѣжинская, 72.

Папиросныя гильзы.

Тульчинскій I., — Базарная, 80.

Переплетныя и картонажныя.

Безыменскій Ш., — Покровскій пер., 1.
Заславскій Ш., — Дегтярная, 9.
Мацъ Ш., — Преображенская, 86.
Янаки И., — Екатерининская, 18.

Рестораны.

Алтаровъ М., — Нѣжинская, 69.
„Бристоль“, — Пушкинская, 19.
Голяцо Ф., — Полицейская площ., 2.
Кузнецовъ И. Т., — Полицейская, 15.
Петро П., — Ланжероновская, 14.
Шомпала бр. („Кавказъ“), Красный пер., 4.

НОВОСТРОИТЕЛЬНЫЙ РЕСТОРАНЪ-ТРАКТИРЪ
„МЕДВѢДЬ“

Г. И. Каріоти.
Поліцейская, 31.

Входъ въ читальню.

Ресторанъ «Медвѣдь» по своимъ размѣрамъ является единственнымъ въ Одессѣ. Общій залъ заключаетъ въ себѣ 160 квадратныхъ сажень и изобилуетъ свѣтомъ и воздухомъ съ приличной обстановкой. Во второмъ этажѣ, имѣющемъ отдѣльный парадный ходъ съ улицы, помѣщаются: роскошно обставленный залъ I-го класса, читальня и кабинеты. Кухня въ ресторанѣ устроена по послѣднимъ требованіямъ гигиены и является образцомъ благоустройства въ санитарномъ отношеніи. Ресторанъ освѣщается электричествомъ собственной электрической станціи. Въ ресторанѣ имѣются: большой концертный оркестронъ лучшей заграничной фабрики, самоиграющая электрическая люстра и автоматически дѣйствующее посредствомъ электричества пианино. Въ читальномъ залѣ имѣются всѣ русскіе столичные и провинціальныя газеты и журналы, а также и иностранныя. Ресторанъ посѣщается преимущественно коммерческимъ людомъ, залъ первого класса, читальня охотно посѣщается публикой. Во всѣхъ помѣщеніяхъ ресторана устроена электрическая вентиляция нагнетательнымъ способомъ, рекомендованная лучшими берлинскими фирмами. При общемъ залѣ имѣются биліарды, при ресторанѣ лѣтомъ тѣнистый садикъ. Обращено особенно вниманіе на вѣжливость прислуги и на удовлетвореніе справедливыхъ требованій посѣтителей.

Ресторанъ-трактиръ «Медвѣдь» помѣщается въ собственно-спеціально устроенномъ зданіи на Полицейской улицѣ, противъ Краснаго переулка.

Залъ перваго класса.

Общій залъ.

Книжные торговли.

- Абрамовичъ М., — Рижельевская, 29.
Айнштейнъ Д., — Екатерининская, 72.
Блетницкіе бр., — Еврейская, 35.
Бортника Ю., — Преображенская, 64.
Гершенманъ Г., — М.-Арнаутская, 103.
Гуревичъ Д., — М.-Арнаутская, 106.
Губановъ Н., — Преображенская, 37.
Зервати П., — Соборная площ., 1.
Леви Э., — Б.-Арнаутская, 45.
Можаровскій, — Преображенская, пассажъ.
„Образованіе“, — Рижельевская, 12.
Шихманъ І., — Еврейская, 34.
Шоръ С., — Рижельевская, 64.
Янкелевичъ Я., — М.-Арнаутская, 72.

Танцклассы.

- Зингерманъ И., — Базарная, 77.
Медзякевичъ М., — Екатерининская, 67.
Холачевъ С., — Рижельевская, 7.

Типографіи и литографіи.

- Буфе О. и Капланъ Г., — Тираспольская, 11.
Гурвичъ и Крохмаль, — Успенская, 79.
Гринбергъ А., — Рижельевская, 11.
Сагалъ Я., — Полицейская, 40.
Сапожниковъ Б., — Рижельевская, 27.
„Славянская“ Е. Хрисогелосъ, — Полицейская, 8.

Фотографіи.

- Вайнштейнъ М., — Торговая, 24.
Валдовскій Б., — Преображенская, 27.
Яворовскій Л., — Дерибасовская, город. садъ.

Шрифты деревянные.

- Бѣлинкинъ А., — М.-Арнаутская, 5.
Логиновъ И., — Рождественская, 42.

И-129128

110713

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОДУ імені І. МЕТУШКОВА